

The background of the cover is a detailed illustration. On the left, a large, ornate sword hilt with a twisted grip and a decorative crossguard is visible. The background features a series of tall, classical columns. In the distance, a large, gothic-style stone building, possibly a cathedral or castle, is shown. The sky above the building is filled with intense orange and yellow flames, suggesting a fire or a dramatic sunset. The overall color palette is warm, dominated by the oranges, yellows, and browns of the fire and stone.

ТЭД
УИЛЬЯМС

ИМПЕРИЯ
ТРАВЫ

ТОМ 1

ПОСЛЕДНИЙ
КОРОЛЬ
СВЕТЛОГО АРДА
КНИГА ВТОРАЯ

fanzon

Fantasy World. Лучшая современная фэнтези

Тэд Уильямс

Империя травы. Том 1

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уильямс Т.

Империя травы. Том 1 / Т. Уильямс — «Эксмо»,
2019 — (Fantasy World. Лучшая современная фэнтези)

ISBN 978-5-04-110814-4

Верховный Престол в опасности. Эрнистир заключил договор с королевой норнов. Наббан на грани кровавой гражданской войны, а на равнинах Тритинг мобилизуются кочевники, объединенные суеверным пылом и вековой ненавистью. Страны и народы Светлого Арда ссорятся между собой, войны, кровопролитие и темная магия угрожают уничтожением всем. И над этим нависает тайна Короны из Ведьминого дерева. Пока все рвут Светлый Ард на части от страха и жадности, несколько человек будут бороться за свою жизнь и судьбу, еще не осознавая, что от них зависит выживание всего мира.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-110814-4

© Уильямс Т., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Посвящение	5
Моя благодарность	6
Краткое содержание «Короны из ведьминоного дерева»	7
Предисловие	11
Часть первая	15
Глава 1	16
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	48
Глава 5	61
Глава 6	70
Глава 7	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Тэд Уильямс

Империя травы. Том 1

Посвящение

Если вы хотите увидеть полное посвящение, вы найдете его в «Короне из ведьминоного дерева».

Если у вас нет экземпляра в данный момент, я сделаю краткий обзор:

Вся эта история – серия, трилогия, – называйте, как вам больше нравится, – посвящена моим издателям (и друзьям) Бетси Волхейм и Шейле Гилберт и моей жене (и лучшему другу) Деборе Биль, без них моя жизнь была бы совсем другой и не такой счастливой.

Моя благодарность

Людей, которые заметно повлияли на мое возвращение в Светлый Ард, невероятно много, и я заранее прошу меня простить, если я забыл кого-то упомянуть.

Ильва фон Лёнейсен, Рон Гайд, Анжела Велкель, Джереми Эрман, Синди Сквайрс и Линда ван дер Пал вносили исключительно полезные предложения и исправления, а порой я получал от них щелчки по носу (в тех случаях, когда делал все неправильно) в ранних черновиках книги.

Анжела Велкель и Синди Сквайрс подарили нам множество творческих идей и оказали огромную помощь с другими проектами, имеющими отношение к Светлому Арду.

Ильва и Рон написали краткое содержание «Короны из ведьмино́го дерева», я лишь немного его отредактировал. Ильва, Рон и Анжела Велкель также вместе работали над приложением в конце книги, в котором содержится несметное количество полезной информации.

И, разумеется, Ильва и Рон с самого начала были крестными родителями этих книг, потому что во многих отношениях они (и другие замечательные люди, которых я уже упомянул) знают Светлый Ард намного лучше меня. Но с другой стороны, чего еще можно ждать, ведь я вернулся туда через тридцать лет?

На самом деле, многие люди и на этот раз заслужили мою благодарность, ведь создавать книги так трудно.

Лиза Твейт является воином социальных сетей и делает все возможное, чтобы tadwilliams.com оставался бастионом глупости в интернете. Многие мои друзья из «Доски объявлений ТУ» поддерживают меня в темные ночи моей души, когда я задаю себе вопрос, а занимает ли хоть кого-то то, что я делаю.

Олаф Кейт вносит огромный вклад в мой сайт, а также помогает мне и моей работе в самых разных аспектах, и я безмерно благодарен ему за доброту.

Мэри-Лу Кейпс-Платт, как всегда, великолепно справилась с редактированием «Империи травы», а еще время от времени высказывала свое одобрение и поддерживала меня, за что я чрезвычайно ей признателен.

Майкл Велан нарисовал еще одну просто фантастическую обложку. Мои слова не означают, будто я считаю его мастерство обычным делом, и неважно, сколько раз это происходило, я всегда восхищаюсь его работой.

Исаак Стюарт (пользуясь комментариями аса криптографии Рона Гайда) снова создал потрясающие карты и внес свой вклад во многих других вопросах.

Джошуа Старр, как и всегда, мастерски и с добродушием сделал верстку книги.

Мой агент Мэтт Биалер заботится обо мне и моей работе и напоминает, чтобы я не огрызнулся на не слишком аккуратных критиков, вне зависимости от того, как сильно они это заслужили.

Мои издатели в других странах, особенно Стивен Аскани из «Клетт-Котта» в Германии и Оливер Джонсон из «Ходдер и Стофтон» в Великобритании, как обычно, оказали мне исключительную дружескую поддержку.

И, как я весьма пространно упоминал в посвящении, ничего бы из этой затеи не вышло без моих редактора и издателей Шейлы Гилберт и Бетси Воллхейм, а также моего писателя\соучастника\партнера по жизни и преступлениям Деборы Биль.

Спасибо вам всем, вы настоящие герои.

Краткое содержание «Короны из ведьминого дерева»

В Светлом Арде прошло более тридцати лет после окончания смертельной магической войны Короля Бурь – войны, что едва не погубила человечество. Король Саймон и королева Мириамель были очень молоды, когда им удалось победить Короля Бурь, теперь они правят человеческими народами с Верховного престола, но утратили связь со своими прежними союзниками, бессмертным народом ситхи. А потом Танахайа, первый посланник ситхи после окончания войны, попала в засаду по пути в Хейхолт, древний замок, где находился Верховный престол.

Пока Тиамак, ученый и близкий друг короля и королевы, пытается вместе со своей женой Телией спасти жизнь Танахайи, королева Мириамель и король Саймон предпринимают королевское путешествие. Они гостят в соседней стране Эрнистир, и ее король Хью их сопровождает, когда они отправляются на север. Саймона и Мириамель тревожит поведение Хью и его нового увлечения, таинственной леди Тайлет. Вдовствующая королева Инавен предупреждает советника королевской четы, графа Эoleyра, что король Хью и Тайлет начали поклоняться Морриге, древней, темной и кровожадной богине Эрнистира.

В это время сопровождавший королевскую чету принц Морган, семнадцатилетний внук Саймона и Мириамель, проводит свои дни за выпивкой и распутством вместе со своими друзьями-рыцарями Астрианом, Ольверисом и Порто. Отец Моргана, принц Джон Джошуа – единственный ребенок Саймона и Мириамель, умер от странной болезни несколько лет назад, оставив вдовой жену Иделу, а Моргана и его младшую сестру Лиллию без отца, и король и королева, его родители, все еще скорбят из-за его кончины.

Королевский советник Тиамак ухаживает за посланницей ситхи, а в свободное время собирает книги для библиотеки, которую строят в честь покойного Джона Джошуа, но, когда его помощник брат Этан разбирает вещи принца, он находит запрещенный и опасный «Трактат об эфирных шепотах». У Тиамака появляются нехорошие предчувствия, потому что «Трактат» когда-то принадлежал ныне умершему волшебнику Прайрату, бывшему союзником Короля Бурь Инелуки, пытавшегося уничтожить человечество, однако их постигла неудача.

Между тем угрозы мирному правлению Саймона и Мириамель усиливаются. На ледяном севере, в пещерном городе Наккига, находящемся под горой Стормспейк, после долгих лет волшебного сна, пробуждается нестареющая правительница норнов королева Утук'ку. Ее правая рука, волшебник Ахенаби, призывает Верховного магистра Ордена строителей Вийеки на аудиенцию с королевой, которая заявляет о своем намерении снова атаковать земли смертных. Королева проводит странную церемонию, воскрешающую Омму, одну из главных последовательниц Короля Бурь, хотя считалось, что Омму погибла во время неудавшейся попытки норнов уничтожить Хейхолт и королевства смертных.

В Элвритсхолле, столице Риммергарда, король Саймон и королева Мириамель воссоединяются со своим давним союзником Слудигом и его женой Альвой, а также с добрыми старыми друзьями кануками Бинабиком и его женой Сискви. Они также знакомятся с дочерью троллей Квиной и ее женихом Младшим Сненнеком.

Королевская процессия прибывает в Элвритсхолл, чтобы успеть попрощаться с герцогом Изгримнуром, который умирает вскоре после их появления. Герцог просит Саймона и Мириамель исполнить его последнее желание и возобновить поиски принца Джошуа (дяди Мириамель и наставника Саймона; именно в его честь называли принца Джона Джошуа) и его детей – близнецов Дерры и Деорнота, таинственно исчезнувших двадцать лет назад. Позднее Младший Сненнек, ученик Бинабика, встречается с принцем Морганом и предсказывает, что станет играть в жизни принца такую же важную роль, как Бинабик в жизни деда Моргана, короля Саймона.

В замке, в Южном Риммерсгарде, где королевская процессия останавливается погостить на пути домой, Саймон понимает, что ему уже много дней не снились сны. Он обращается за советом к Бинабику, который создает талисман, чтобы помочь королю. И уже на следующую ночь Саймону снится его умерший сын и голос маленькой Лелет, который нашептывал ему во сне тридцать лет назад. Лелет говорит ему, что «дети возвращаются». После того как Саймон всех пугает, разгуливая во сне, Мириамель уничтожает талисман, и Саймона вновь перестают посещать сны.

А дальше на севере полукровку Жертву Нежеру, дочь благородного норна Вийеки и человеческой женщины Зои, отправляют в составе Когтя воинов норнов, чтобы вернуть кости Хакатри, брата Инелуки, побежденного Короля Бурь. Нежеру и ее соратники, которыми командует Мако, обнаруживают, что смертные боготворят кости, но Мако и норны забирают их и убегают от разгневанных островитян. Во время побега Нежеру не сумела убить одного из врагов (ребенка), и Мако жестоко ее наказывает.

Однако еще до того, как Коготь получает возможность вернуться в Наккигу с останками Хакатри, они встречают Ахенаби, Верховного магистра королевы норнов, тот забирает кости и посылает Коготь с новым заданием на Урмшейм, собрать кровь живого дракона. Чтобы совершить это опасное деяние, Ахенаби отправляет с ними порабощенного гиганта Го Гэм Гара.

Направляясь на восток в сторону горы Урмшейм, Коготь норнов встречает смертного Ярнульфа, бывшего раба из Наккиги, который поклялся уничтожить норнов и их бессмертную королеву Утук'ку. Из-за того, что Коготь потерял своего Эхо – прошедшего специальную подготовку коммуникатора, Ярнульф, преследуя свои собственные цели, убеждает норнов взять его с собой в качестве проводника. Они отправляются на восток, в сторону горы, к последнему известному дому драконов, и по пути Ярнульф узнает, что норны обсуждают грандиозный план королевы уничтожить смертных и вернуть предмет под названием «Корона из ведьминоного дерева».

В Центральном Риммерсгарде Коготь встречается с королевской процессией, и Ярнульф умудряется отправить тайное послание королеве Мириамель и королю Саймону, в котором сообщает, что королева норнов ищет нечто, носящее название Короны из ведьминоного дерева. Саймон, Мириамель и их советники встревожены, к тому же до них уже доходили многочисленные известия о возобновлении враждебных действий со стороны норнов, поэтому они относятся серьезно к посланию Ярнульфа, хотя никогда раньше не слышали о таком человеке.

В городе Наббан женщина-вранн по имени Джеса заботится о маленькой дочери герцога Салюсера и герцогини Кантии, союзников Саймона и Мириамель. В Наббане накаляется обстановка: граф Далло Ингадарис заключил союз с братом Салюсера графом Друсисом, чтобы напугать кочевые племена тритингов, земли которых граничат с Наббаном. Друсис обвиняет Салюсера в трусости и нежелании достойно наказать варваров и загнать их обратно в степи.

Тем временем на равнинах тритингов сероглазый Унвер, принятый в клан Журавля, и его спутник Фремур участвуют в набеге на наббанское поселение. Когда они вынуждены спасаться бегством, Унвер спасает жизнь Фремуре, частично в надежде жениться на сестре Фремуре Кульве.

Сэр Элин догоняет королевскую процессию и доставляет послание от своего двоюродного дяди, графа Эoleyра. Лорд Пасеваллес, временно заменяющий Эoleyра в Хейхолте, сообщает о своих тревогах относительно Наббана, а королева Инавен из Эрнистира предупреждает, что король Хью и леди Тайлет уже почти не скрывают того, что поклоняются ужасным старым богам. Эoleyр посылает Элина с этими плохими новостями к своему надежному союзнику, графу Мурдо. Элин и его люди, скрываясь от разразившейся бури, останавливаются в замке барона Курудана, командира личных элитных войск короля Хью. Ночью, во время бури, Элин видит огромную армию норнов возле форта, а потом наблюдает, как Курудан встречает самых

страшных врагов человечества. Но прежде чем Элин и его люди успевают бежать с новостями о предательстве, их хватают и помещают в темницу Серебряные Олени Курудана.

В городе норнов Наккиге лорд Ахенаби посылает Вийеки с его Строителями в земли смертных, поручив им тайную миссию, их сопровождает маленькая армия солдат норнов. Зои понимает, что после отъезда Вийеки ее жизни угрожает жена ее любовника, леди Кимабу, которая ненавидит Зои за то, что она сумела родить Вийеки дочь, Нежеру, в то время как Кимабу не удалось подарить ему наследника. Зои понимает, что ей необходимо бежать, если она хочет остаться в живых.

Зои вспоминает о своем прошлом с Асталинскими сестрами в Риммерсгарде и детстве в Кванитупуле, и тут становится понятно, что Зои на самом деле – Дерра, одна из двух исчезнувших близнецов принца Джошуа и Воршевы, его жены из народа тритингов. Зои бежит в пустующий озерный домик Вийеки, расположенный в пещере, глубоко под городом.

Королевская процессия наконец возвращается в Хейхолт, Саймон и Мириамель просят Тиамака исполнить предсмертное желание Изгримнура и начать поиски принца Джошуа. Тиамак посылает своего помощника, брата Этана, на юг, чтобы тот попытался выяснить, что случилось с Джошуа, который исчез двадцать лет назад.

Между тем принц Морган, которому бросил вызов Младший Сненнек, забирается на крышу Башни Хьелдин, которая пользуется дурной славой в Хейхолте, где едва не погибает. Морган считает, что он увидел давно умершего Прайрата, когда находился на вершине башни, и заставляет Младшего Сненнека поклясться, что тот никому об этом не расскажет.

Саймон и Мириамель, постоянно получающие сообщения о возобновлении активности норнов, понимают, что их древний, владеющей магией враг слишком опасен, чтобы сражаться с ним в одиночку. Они решили возобновить контакты с ситхи и прежде всего со своими старыми союзниками Джирики и Адиту. По настоянию Саймона Мириамель неохотно соглашается отправить их внука, принца Моргана, с Эoleyром и отрядом солдат в лес Альдхорт, чтобы они попытались найти ситхи и доставили их отравленного посла Танахайю домой в надежде, что соплеменники сумеют ее исцелить.

Вийеки путешествует на юг из Наккиги в сторону земель смертных, его сопровождает армия, планирующая напасть на крепость смертных Наглимунд. Вийеки говорят, что он и его Строители должны раскопать расположенную под крепостью гробницу легендарного тинукедая Руяна Ве по прозвищу «Навигатор» и добыть его магические доспехи, хотя Вийеки не понимает, как такое возможно без войны со смертными. Тинукедая, которых часто называют «подменыши», пришли в Светлый Ард вместе с ситхи и норнами, однако они отличались от остальных бессмертных. В Светлом Арде тинукедая принимали самые разные формы и играли самые неожиданные роли.

Принц Морган и граф Эoleyр наконец сумели войти в контакт с ситхи у границы леса Альдхорт. Бессмертные оставили свое поселение в Джао э-тинукай'и, а на их матриарха Ликимейю напали люди, и она погрузилась в глубокий магический сон. Кендрай'аро из правящего Дома Ежегодного танца объявил себя Защитником своего народа и отказался от любой помощи смертным, что вызвало трения между ним и детьми Ликимейи, Джирики и Адиту. Адиту беременна, что является большой редкостью у ситхи. Отцом ребенка является Иджа'аро, племянник и сторонник Кендрай'аро.

В клане тритингов Унвер вызывает на бой и убивает своего соперника, претендента на сестру Фремура Кульву. Но брат Кульвы, тан Одриг, не хочет отдавать сестру чужаку и перерезает ей горло. Унвер убивает Одрига и бежит из клана Журавля, чтобы вернуться в клан Жеребца к своей матери Воршеве. Мы узнаем, что Унвер на самом деле Деорнот, второй близнец Джошуа и Воршевы. Когда Унвер требует, чтобы мать рассказала ему, почему она отослала сына прочь и куда исчезла его сестра, Воршева говорит, что она лишь исполнила приказ своего отца тана Фиколмия, и Дерра сбежала вскоре после этого.

Тан Гардиг, муж сестры Воршевы Хьяры и наследник Фиколмия, пытается атаковать Унвера, и в возникшей сумятице Воршева убивает своего немощного отца Фиколмия. Внезапно появляется огромная стая ворон, которая нападает на Гардига и его союзников, что заставляет многих тритингов объявить Унвера новым Шаном, верховным правителем тритингов. Унвер убивает Гардига и становится новым таном клана Жеребца.

Далеко на северо-востоке Когтю норнов и Ярнульф удается пленить маленького юного дракона, но тут появляется его мать. Во время схватки с драконом командир Мако получает сильный ожог кровью дракона, а один из членов Когтя погибает, но остальным удается спастись, и они тащат плененного юного дракона вниз, в долину.

Эoleyр и Морган возвращаются после встречи с ситхи в свой лагерь на границе леса Альдхорт и узнают, что их отряд атаковали тритинги и убили всех солдат, а часть тритингов осталась поблизости в поисках новых жертв и добычи. Эoleyр и Морган разделяются, и принц оказывается один в древнем Альдхорте.

В Хейхолте королеву Мириамель и короля Саймона приглашают принять участие в важной свадьбе в многолюдном Наббане, где начались волнения. В надежде, что присутствие Верховного Престола поможет решить разногласия между герцогом Салюсером и его братом графом Друсисом, Саймон и Мириамель принимают приглашение. Однако из-за усиливающей угрозы вторжения норнов и тревожных вестей из Эрнистира они понимают, что не могут оба отправиться в Наббан, поэтому решают, что Мириамель поедет на свадьбу, а Саймон останется в Хейхолте.

Королевский советник Пасеваллес встречается со своей тайной любовницей принцессой Иделой, вдовой Джона Джошуа. Когда она передает ему письмо из Наббана, которое он уронил, Пасеваллес видит, что печать сломана, и начинает подозревать, что Идела прочитала письмо. Он толкает принцессу, и она падает вниз по ступенькам лестницы, а когда Пасеваллес видит, что падение ее не убило, добивает принцессу ударом ноги.

В лесу Альдхорт посланница ситхи Танахайа наконец приходит в себя после тяжелой и долгой болезни и воссоединяется с Джирики и Адиту. Несмотря на ее выздоровление, будущее видится мрачным. Теперь уже очевидно, что королева норнов Утук'ку намерена воевать не только с ситхи, но и с людьми.

Предисловие

Когда Танахайа вошла в пещеру Ясира, она испытывала тревогу. Казалось, все пошло не так. На мгновение она даже засомневалась в правильности принятого решения.

«Здесь полно ярких летунов, – подумала она, глядя на множество бабочек, – но они такие медленные и печальные! Камень окружает их со всех сторон и скрывает от солнца и ветра. Они заточены в гробницу, как сама Са'онсерей. – Танахайа посмотрела на иссохшее тело Ликимейи, не мертвое и не просто спящее, и почувствовала страшную пустоту. – Весь мир сошел с ума. И как в такие времена отличить истинное от ложного?»

Священные бабочки сидели на стенах пещеры и потолке, точно гобелен из живых драгоценных камней, сотканный из такого многообразия цветов, что даже зоркая Танахайа не могла их сосчитать; нежный шелест их крыльев наполнял тишину, словно дуновение легкого ветра в кронах деревьев.

Дочь Ликимейи Адиту подошла и взяла Танахайю за руку.

– Здесь Джирики, – сказала Адиту, и ее легкие пальцы на ладони Танахайи сказали ей: да пребудет с тобой мужество, мы рядом, и она повела ее в глубины пещеры, где их поджидал весь клан Ежегодного танца.

– Входи, Танахайа из Шисей'рона. – Кендрайа'аро, покрытый шрамами самопровозглашенный Защитник клана, ждал в дальнем углу, за пределами круга солнечного света, падавшего внутрь пещеры сквозь щель в потолке. Он сидел на голом камне, скрестив ноги, точно командир армии, и его ближайшие сторонники, в большинстве своем молодые зида'я, которые не знали жизни до ссылки в бескрайний лес, теснились вокруг, словно телохранители. – Я не люблю покидать линию фронта во времена таких серьезных угроз, – продолжал Кендрайа'аро. – Скажите, зачем меня призвали.

Немигающие глаза его сторонников следили за Танахайей с нескрываемым недоверием, но на лицах остальных ситхи, собравшихся в пещере, застыло холодное внимание. Лишь брат Адиту Джирики и еще несколько ситхи кивнули, приветствуя Танахайю.

– Именно из-за серьезной угрозы я хотела поговорить с тобой, Старейшина Кендрайа'аро. – Танахайа сознательно не использовала титул «Защитник» и сразу почувствовала, как ситхи зашевелились, их заинтересовали ее слова. – В такие времена мы не можем пренебрегать союзниками.

Изуродованное лицо Кендрайа'аро приняло отрешенное выражение.

– Пренебрегать союзниками? Какими союзниками? У зида'я нет союзников в этом мире.

– И нам они не нужны! – заявил Иджа'аро, юный родственник Кендрайа'аро.

Из всех собравшихся в Ясире ему труднее всего удавалось скрывать свои чувства. Танахайа считала Иджа'аро чересчур серьезным и сердитым юношей, хотя и понимала, что в нем имелось нечто большее, чем просто злость, раз Адиту выбрала его в качестве отца своего ребенка.

– Я говорю о смертных, – слова Танахайи вызвали легкое волнение среди собравшихся, но такое мимолетное, что только легкое беспокойство бабочек у них над головами его выдало. – О смертных, которые доставили меня сюда, чтобы наши целители меня спасли.

– Да, конечно, – сказал Кендрайа'аро. – Но я сомневаюсь, что ты и остальные призвали меня сюда только для того, чтобы я понаблюдал за церемонией демонстрации твоей благодарности нашим целителям – или бесполезным смертным.

– Нет, Старейшина Кендрайа'аро. Мы призвали тебя из вежливости, чтобы я могла сообщить тебе свое решение. Я возвращаюсь в земли смертных, в место, которое они называют Хейхолт – нашу древнюю цитадель Асу'а.

Несколько долгих мгновений Кендрайа'аро, прищурившись, смотрел на нее, словно сомневался в том, что услышал.

– Нет, этого не будет, – наконец заговорил он. – Верь мне, этого не будет.

– Боюсь, ты неправильно меня понял, Старейшина, – сказала Танахайа. – Дети Ликимейи Са'онсерей, Адиту и ее брат Джирики доверили мне миссию. И она не завершена.

Сторонники Защитника сердито выдохнули и зашевелились; и Танахайе их реакция показалась резкой, точно крик, но она заставила себя сохранять холодное спокойствие.

– Я Защитник Дома Ежегодного танца, – сухо сказал Кендрайа'аро. – Я с самого начала не одобрял твоей миссии к смертным и не одобряю ее сейчас. Мои слова являются для тебя законом.

Теперь зашевелились другие, но новая волна беспокойства сосредоточилась среди старших ситхи, многие из которых, как знала Танахайа, оставались верны Джирики, и в особенности Адиту, как истинным наследникам Дома Ежегодного танца.

– Твои слова не являются законом, Кендрайа'аро, – сказал Джирики, но его голос прозвучал мягко и сдержанно. – Наш отец Шима'онари был последним Защитником – но он мертв, да примет его Сад. Наша мать Ликимейя является воплощением Са'онсеры и, хотя она серьезно пострадала и утратила сознание, ее жизнь еще не закончилась.

– Мне нет нужды слушать нашу историю от тебя, ведь ты не видел Девяти Городов во времена славы нашего народа, – сказал Кендрайа'аро, и на мгновение всем показалось, что он не сумеет сдержать свой гнев, но он справился и вновь обрел спокойствие. – В любом случае это не имеет значения. Я не претендую на все привилегии главы клана Ежегодного танца, но кто-то должен быть Защитником, и, пока я служу клану в такой роли, именно я должен сделать трудный выбор – и я решил предоставить предателям смертным идти своим путем. Ты не поедешь в замок смертных, Танахайа, и не станешь больше иметь дел со смертными. Никто из нашего дома не станет. – Он скрестил руки на груди. – Если нет других важных вопросов, я объявляю этот бессмысленный совет закрытым.

«Мужество, – сказала она себе. – Что такое недовольство Кендрайа'аро по сравнению с безумием королевы Утук'ку и ее приспешников – по сравнению с возможным уничтожением всего мира?»

– Ты неправильно меня понял, Старейшина Кендрайа'аро, – сказала она. – Я не спрашиваю у тебя разрешения это сделать, лишь информирую о том, как намерена поступить. Вежливость, не более того.

Иджа'аро уже собрался вскочить на ноги, но Кендрайа'аро, хотя на его лице появились ярость и разочарование, положил руку на плечо своего юного родственника.

– Здесь не прозвучат гневные слова, – сказал он Иджа'аро. – Как и угрозы. Убери руку от меча, юноша, иначе я отправлю тебя в изгнание. Мы зида'я, а не скандалисты смертные, – и мы в Ясире. – Иджа'аро успокоился и опустился на камень рядом с другими сторонниками Кендрайа'аро, который снова повернулся к Танахайе. – Объяснись.

Она сделала глубокий вдох, и вдруг у нее возникло странное, ошеломляющее ощущение, что за этими разногласиями стоит нечто больше, чем способны понять присутствующие. Она посмотрела на бабочек у себя над головой и почерпнула силу в их присутствии.

«Яркие летуны видели здесь куда более яростные конфликты, – сказала она себе. – Однако они продолжают к нам прилетать. И мы, Дети рассвета, зида'я, все еще живы».

– Все просто, Старейшина. Ты управляешь Домом Ежегодного танца по большинству вопросов – но я не принадлежу к этому дому.

Он сделал отрицающий жест.

– Это вопрос риторики, но не факт. Тебя прислал сюда твой господин Иmano. И ты должна подчиняться мне.

– Во-первых, – возразила Танахайа, – лорд Иmano мой господин не по закону, а лишь по моему желанию – он мой наставник, а не господин. Он Старейший, как и ты, но мое уважение к нему глубоко, и я многим обязана ему за помощь. – Она посмотрела на Джирики и нашла некоторое утешение в его мрачном задумчивом лице. – Меня прислал Иmano, чтобы помочь Джирики и Адиту задолго до того, как Ликимейя была ранена и погрузилась в долгий сон. Я выполнила поручение их матери Ликимейи и отправилась в столицу смертных, но засада воинов, вооруженных отравленными стрелами, помешала мне туда добраться. С тех пор ничего не изменилось. Я служу *их* интересам, а не твоим.

Кендрай'аро был ошеломлен подобными рассуждениями.

– Я не понимаю таких разговоров.

– А чего не понимаю я, – сказала Танахайа, напугав себя собственной смелостью, – так это того, что твои сторонники, Старейший, как складывается впечатление, полны решимости игнорировать все, что не совпадает с твоими взглядами. Меня отправили к смертным в качестве посланника, не спрашивая твоего одобрения. Меня атаковали и бросили, посчитав мертвой, и я бы наверняка умерла, если бы несколько смертных долго и упорно не поддерживали во мне жизнь, пока не сумели доставить меня сюда. Насколько мне известно, стрелы, поразившие меня, были черными, как стрелы хикедая – но их *выкрасили* в черный цвет, поскольку они были сделаны не из истинного черного дерева куриосора.

– Смысл твоих слов по-прежнему мне неясен, – нахмурившись, сказал Кендрай'аро.

– Она имеет в виду, – впервые заговорила Адиту, – что кто-то хотел, чтобы мы – или смертные – винили хикедая в нападении на нашу посланницу.

– Значит, на Танахайю напали смертные, а не народ Утук'ку. – Иджа'аро сел и сделал широкий жест – *это всего лишь шум ветра*. – Из чего следует, что нам нужно держаться от них как можно дальше.

– Но яд, который они использовали, – продолжала Танахайа. – О нем мы также уже говорили. – Она повернулась к маленькой седовласой женщине, сидевшей рядом с Адиту. – Пожалуйста, расскажите остальным Са'онсерей то, что вы поведали мне, Старейшая Кира'ату.

Целительница, никогда не позволявшая себе спешить, подождала несколько мгновений и только после этого заговорила:

– Яд, который находился в крови Танахайи, был... необычным. Я никогда не видела ничего подобного. В ранах его не осталось, но следы показались мне очень странными. Я обнаружила признаки *кей-вишаа* и растения, которое мы называем «капюшон путешественника», а смертные – аконитом. И кое-что еще...

– Но это ничего не значит! – перебил ее Иджа'аро, заставив нескольких бабочек зашевелиться из-за его постоянного вмешательства. – Хикедая использовали порошок ведьминого дерева против людей в прошлой войне. Смертные знают о нем и его свойствах.

Кира'ату даже не взглянула на него.

– Да, хикедая использовали *кей-вишаа* против людей в прошлом. И смертные вполне могли узнать про его свойства, хотя совершенно очевидно, что им будет непросто сделать яд, поскольку ведьмины деревья практически исчезли.

Казалось, бабочки на стенах и потолке охвачены тревогой, и все в пещере слышали шорох тысяч крыльев.

– Но самым странным в засаде было это, – продолжала целительница. – Среди других следов отравления в теле Танахайи я нашла те, что не являлись результатом действия *кей-вишаа* или капюшона путешественника. Покажи им, Танахайа из Шисей'рона.

Танахайа повернулась и подняла свободную тунику, не обращая внимания на боль от гниения, превратившего ее раны в полости, которые только сейчас начали заживать.

– Видите следы на коже, похожие на цветы? – спросила у собравшихся Кира'ату. – Даже через несколько лун после нападения они все еще горячие на ощупь. Такой эффект не может

возникнуть после обычного яда. Но они очень похожи на раны, полученные другим способом – тем, что действует на тело снаружи. Я говорю о драконьей крови.

Лицо Кендрайа'аро оставалось разгневанным, но, услышав ее слова, он немного побледнел.

– То есть ты утверждаешь... – начал он.

– Я ничего не утверждаю, Защитник, – сказала Кира'ату. – Я говорю о том, что знаю.

– Неужели кому-то еще непонятно, что тот, кто имеет доступ к кей-вишаа и драконьей крови, хочет помешать нам восстановить наши отношения со смертными? – заговорил Джирики. – Это же совершенно очевидно. И достаточно, чтобы вновь отправить Танахайю в Хейхолт.

Кендрайа'аро покачал головой, медленно, но решительно.

– Мне все равно. Я не разрешаю.

– Я уже сказала, Старейшина, мне не требуется твое разрешение. – Танахайа старалась говорить как можно спокойнее, хотя сердце отчаянно колотилось у нее в груди. – Исключительно из вежливости, я сообщаю тебе, что вновь отправляюсь к смертным. А теперь мне нужно подготовиться к путешествию.

– Позволь помочь тебе, сестра моего сердца. – Адиту встала, и ее живот был подобен полной луне, плывущей над горизонтом. – Ты лишь недавно поправилась.

– Я боюсь, что уже никогда полностью не поправлюсь, – сказала Танахайа. – Но у меня хватит сил, чтобы выполнить свой долг.

Они вышли из пещеры бок о бок, остановившись только для того, чтобы отдать дань уважения спящей Ликимейе, закутанной в покрывала из шелка бабочек. Сами бабочки вновь замерли на потолке и стенах, и в этот момент в пещере воцарилась тишина, зида'я размышляли о том, что было сказано. Однако Танахайа не сомневалась, что тишина в Ясире не будет долгой после того, как она уйдет.

Часть первая Конец лета

*Жестокая сфера, мой недруг, солнце,
Сияющее над всем.
Я никогда больше не хочу видеть
Гордые дубы Хекасора с ветвями
В виде молний,
Мерцающие голубые воды озера Силверхом
И бесконечное, бесконечное небо.
Исчезни, мерзкое солнце! Ты печалишь меня.
Шан'и'асу с пика Голубого призрака*

Глава 1

Старое сердце

Прикосновение тонких пальцев так сильно напугало Моргана, что он спрыгнул с ветки, на которой сидел, сильно ударился коленом и локтем о нижнюю и неуклюже упал на землю. Даже не пытаясь подняться на ноги, он пополз на четвереньках вперед, чувствуя, как в ушах мучительно пульсирует кровь. И только оказавшись в дюжине шагов от дерева, Морган осмелился оглянуться.

Лунный свет просачивался сквозь кроны древних деревьев, но не помогал понять, что за зверь коснулся его несколько мгновений назад. Впрочем, он совершенно точно знал, что смотрит на окутанное серебристым сиянием существо, подобное которому он не видел никогда в жизни, – оно оказалось меньше его младшей сестры, и это заставило страх немного отступить, но Моргану никак не удавалось сообразить, что это за животное... вроде не медвежонок и не обезьяна. А в огромных черных глазах застыло удивление, и, прежде чем зверек повернулся и исчез в нижней части дерева, Морган даже успел разглядеть руки с пальцами, а не когтями.

Морган сидел на влажной земле, пока луна снова не исчезла за деревьями. Он дрожал, дожидаясь, когда сердце немного успокоится, ему ужасно хотелось заплакать, но он не осмеливался издать ни звука. Морган понятия не имел, откуда пришел и как долго бежал.

«Я заблудился, – понял он. – Один в лесу Альдхорт. Заблудился».

Это знание было подобно сильному удару, и ему отчаянно хотелось выпить чего-нибудь крепкого.

Морган проснулся от жуткого мрачного сна, в котором его атаковали корни и сплетающиеся ветви дерева, а ползучие растения, точно мстительные призраки, хватали его и тащили куда-то, и обнаружил, что вместо жутких фантомов на него смотрит ярко-голубое летнее небо и теплый утренний воздух наполнен запахами самых разных растений.

У него было всего несколько мгновений, чтобы почувствовать облегчение, насладиться идеальной невинностью дня; затем он попытался выпутаться из плаща, в который завернулся, когда уснул на дереве. Его падение замедлили нижние ветви; ему повезло, что он забрался лишь на высоту нескольких своих ростов. Тем не менее он успел поцарапаться в нескольких местах, прежде чем свалился на землю.

Сначала он только лежал, тяжело дыша и ощупывая руки и ноги, чтобы выяснить, насколько серьезно они пострадали. «Вот тебе и безопасное убежище на деревьях, – подумал он. – Слава доброму Усирису, что я не забрался выше! – А потом он подумал: – Что со мной будет? Ищет ли меня кто-нибудь? И жив ли кто-то из тех, с кем я отправился в путешествие?»

Морган вспомнил, как в последний раз видел бедного старого графа Эoleyра, и все у него внутри сжалось от страха и боли за него и Порто, и за тролля Бинабика и его семью. Морган постарался отогнать мрачные мысли. «Ты принц, – напомнил он себе, тебе нельзя позволить страху или грусти лишить тебя мужества». Он видел в лагере тела лишь нескольких

эркингардов, так что Сненнек и Квина, а также остальные, наверняка сумели выжить. Но ему было трудно в это поверить.

Моргану очень хотелось выпить чего-нибудь крепкого. Кувшин с вином помог бы ему избавиться от боли и тревог. Как же глупо он поступил, оставив свою флягу в лагере, когда они с Эoleyром отправились к ситхи. Должно быть, Порто выпил весь его бренди. Если старый рыцарь прожил достаточно долго.

Морган разрывался между искренним страхом за своего товарища и мыслями о том, что его бренди досталось тому, кто не сможет его оценить.

Наконец, когда первое потрясение от падения прошло, Морган с трудом поднялся на ноги и принялся собирать вещи, свалившиеся с ветки вместе с ним – меч, мех с водой и темно-зеленый плащ, в который он завернулся посреди ночи, когда стало особенно холодно. Потом он уселся под буком и разложил перед собой на влажной земле свое имущество, а затем взял в руки кошель и высыпал его содержимое на расстеленный плащ.

Он обнаружил огниво, которое помогло бы ему разжечь огонь – оно первым попало ему на глаза, и Морган тут же возблагодарил бога. Но, кроме кольчуги и одежды под ней, у него почти ничего не было – меч и кинжал, а также то, что лежало в кошельке. Он изучил маленькую кучку, и ему стало грустно.

Огниво.

Книга Эйдона, принадлежавшая его матери.

Нечто, завернутое в листья, он не знал, что это такое, но надеялся найти там еду.

Специальные железные когти, которые надевались на ноги, чтобы ходить по льду – подарок Сненнека, – совершенно бесполезные в летнем лесу, как соски у кабана.

Морган взял кошель и понял, что там лежит что-то тяжелое. Он засунул внутрь руку и увидел, что кто-то – его оруженосец Мелкин или тролль Сненнек – свернул в моток тонкую веревку, которая так и осталась на самом дне кошелька. Морган почувствовал благодарность к тому, кто это сделал. В крайнем случае он сможет воспользоваться веревкой, чтобы укрепить свое убежище.

«Или повеситься», – подумал он и тут же вознес поспешную молитву о прощении. Зачем давать богу лишние идеи?

Закончив молитву, он посмотрел на сверток, обернутый листьями. Последний раз они с Эoleyром ели в лагере покрытого шрамами ситхи Кендрайа'аро. Морган почти ни к чему не притронулся, хотя еда была очень вкусной, и теперь проклинал себя за излишнюю скромность и глупость, что не наелся тогда на славу – но кто мог знать, что произойдет дальше?

«Клянусь любовью Господа нашего, что я буду есть в этом лесу?»

Морган испытал огромное облегчение, когда обнаружил, что в виноградные листья завернуты твердый сыр, хлеб и яблоко, видимо, их припрятали либо старый Порто, либо его оруженосец Мелкин. Но откуда там взялось яблоко? Морган не помнил, когда они в последний раз оказывались рядом с яблоней. Остальная еда могла подождать, а вот яблоко уже стало мягким. Он откусил кусочек и на мгновение испытал невероятное счастье, таким вкусным оно оказалось.

«Значит, я не такой глупец, каким меня считает мой дед, – сказал он себе. – И я не беспомощный. Вы только посмотрите на то, что у меня есть – нож, кое-какая еда, огниво».

Но потом радость исчезла, и Морган вспомнил друга деда, Джеремию, лорда-гофмейстера Хейхолта, который критиковал его кожаный кошель.

«Такие вещи носят только крестьяне и пилигримы, – сказал ему Джереми. – А вы, ваше высочество, не из их числа».

«Ну, лорд Ненавидящий-кошельки, – подумал Морган, – кто из нас оказался прав?»

Тут он сообразил, что сидит в одиночестве посреди огромного леса, не имея ни малейшего представления о том, как вернуться домой, и мысленно спорит с человеком, которого нет рядом.

«Когда оказываешься в трудном положении, – однажды сказал ему дед, – иногда нужно просто продолжать жить дальше. Двигаться вперед».

Теперь, годы спустя, Морган увидел смысл в словах короля. Пока он изучал свое имущество, солнце успело подняться выше, прошло над ветвями над головой Моргана, спеша к полудню, после которого начнут приближаться ночь и темнота.

Морган понимал, что еды ему едва ли хватит надолго, а он ничего не знал о том, что может оказаться съедобным в Альдхорте, за исключением нескольких ягод. Он с самого детства не ловил кроликов, когда вместе с другими детьми высокопоставленных сановников Хейхолта изображал странствующего героя. Оставалось надеяться, что он все еще помнит, как делать силки.

«Если ты останешься здесь, то будешь голодать, – сказал он себе. – Ты должен что-то делать. Думай, Морган, думай!»

Самым очевидным решением было попытаться найти дорогу, ведущую из леса. Впрочем, когда рядом были ситхи, он не очень понимал, куда они шли, и подумал, что причина в каком-то языческом заклинании, которое путало чужаков. Но теперь он сможет ориентироваться по солнцу, которое не обманет.

Морган сложил все обратно в кошель и посмотрел на небо, чтобы понять, в каком направлении движется солнце, а потом зашагал туда, где должен был находиться юг, в сторону степей. Несмотря на тревоги – ему ужасно хотелось выпить, и эта жажда только усиливалась, – а еще он чувствовал себя настолько смелым, что даже начал насвистывать на ходу. И только после того, как вспомнил, что те, кто напал на лагерь, могут его искать, смолк.

К полудню Морган уже не мог заставить себя свистеть, даже если бы набрался смелости. Желудок у него болезненно сжимался, и отчаянно ныли ноги, но он не видел ни малейшего прогресса в своих блужданиях. После того как солнце миновало высшую точку, он старался шагать вправо от направления его движения к земле, рассчитывая, что это приведет его к краю леса. Но время уходило, лес по-прежнему оставался густым, а большие деревья, грабы, липы и множество эркинландских дубов создавали глубокую тень, сквозь которую лишь изредка пробивались солнечные лучи, освещавшие редкие болотистые участки между холмами. Он прошел намного больше того расстояния, которое пробежал вчера вечером, несмотря на то, что тогда едва справлялся с ужасом. И, хотя рядом не было ситхи, очевидно, магия леса продолжала на него действовать.

Морган остановился на склоне холма, чтобы оценить свое положение, и прислонился спиной к стволу большого бука. Он доел яблоко несколько часов назад, высосал остатки сока из огрызка, а потом раздавил семечки зубами, чтобы ничего не потерять, чувствуя себя настоящим героем. Но теперь голод стал его постоянным спутником, поэтому он достал краюху хлеба и стал его есть с маленькими кусочками сыра. Это немного помогло, но ему по-прежнему ужасно хотелось выпить, и мысли о выпивке стали для него источником постоянных мучений.

Проблема с выбором направления движения представлялась ему более простой: Морган понимал, что степи и Имстрекка должны находиться южнее, однако не знал, как велика протяженность леса. Он стер пот со лба и посмотрел вверх вдоль ближайшего склона, размышляя

о том, что, если поднимется на вершину, возможно, сможет увидеть, как далеко ему осталось идти до границы леса.

Подъем занял некоторое время, потому что склон оказался довольно крутым, к тому же Моргану мешали кусты и поваленные деревья. К моменту, когда он оказался на вершине, солнце ушло довольно далеко к горизонту. Наконец он нашел открытое место, где деревья расступались рядом с рощей призрачных березок, и увидел перед собой море деревьев – море без берегов.

– Так нечестно! – вскричал он, и ему в ответ укоризненно заверещала сойка. – Нечестно!

Лес тянулся во все стороны, ничего, кроме бесконечной череды крон деревьев и холмов вроде того, на вершине которого он стоял, отдельные островки среди зелено-коричневого океана листьев.

Морган почувствовал, как слезы разочарования и страха начинают застилать ему глаза, и ему отчаянно захотелось напиться до бесчувствия.

Ситхи называли свои поселения «маленькими лодками». Как же ему хотелось увидеть сейчас нечто подобное. И пусть это будет лагерь покрытого шрамами негодяя Кендрайа'аро.

Морган почувствовал слабость в коленях и прислонился к стволу березы. Солнце стояло довольно низко, и его свет уже не мог добраться до низин, где начал собираться вечерний туман. Морган вытер глаза, недовольный собственной слабостью, но еще не в силах что-то делать.

«Я здесь умру. – В этот момент он не видел никаких других вариантов. – От голода или холода, или упаду и сверну себе шею. Волки. Медведи. И никто никогда не узнает, что со мной случилось».

– Убейте аристократа и заберите его одежду. Больше у него ничего нет.

Граф Эoleyр, лорд-камергер, Рука престола, герой войны с Королем Бурь, оказался в окружении ухмылявшихся тритингов.

Грубых бородатых мужчин, врагов Эoleyра, было шестеро. Его мучители носили разрозненные части доспехов, а на грязных накидках не было никаких эмблем. Тот, что сбил Эoleyра с ног, ткнул его мечом, чтобы ранить, а не убить – степняк хотел сначала развлечься, – и граф откатился в сторону, так что клинок лишь пронзил его плащ.

Один из всадников спешил.

– Придержи клинок, Хурза, – сказал он.

Эoleyр понял, что это командир степняков, несмотря на свою молодость. Его щеки покрывали церемониальные шрамы, а в светлые волосы и бороду было вплетено множество мелких костей. Как и остальные, он не носил символов клана тритингов, что подтвердило подозрения Эoleyра – его захватили разбойники. Вожак с усмешкой посмотрел на Эoleyра.

– Мы всегда успеем его убить, – сказал он. – Но сначала я хочу узнать, что он здесь делает.

– И я охотно отвечу на твои вопросы, – сказал Эoleyр, – но сначала мне нужно встать. – Он сел. Клинок Хурзы все еще оставался в плаще Эoleyра, ткань начала рваться, но часть плаща все еще оставалась в земле. Степняк нахмурился, но не стал спорить с командиром. Наконец Хурза вытащил меч, вытер клинок о ногу Эoleyра и убрал оружие в ножны. – Если только ты не боишься одного эрнестирийца, который вдвое старше тебя, – добавил Эoleyр.

– Пожалуй, даже больше, чем вдвое, – с усмешкой ответил вождь разбойников. – Но я же сказал, что мы не намерены спешить тебя убивать, а потому открой-ка мне: что любитель кроликов из Эрнестира делает на нашей земле?

– А она твоя? Я не вижу ни у кого из вас эмблемы клана. – Эoleyр знал, что играет со смертью, давая такие дерзкие ответы, но тритинги уважали мужество, а он бы предпочел, чтобы его убили как леопарда, а не как овцу. Кроме того, у него появилось чувство, что молодой тритинг действительно хочет выслушать его, хотя бы потому, что он умнее и практичнее своих воинов. Ко всему прочему, и это было очень важно для Эoleyра, он видел, как трое других разбойников продолжают с недовольным видом расхаживать возле границы леса, где исчез Морган, и ему хотелось отвлечь внимание на себя. – Я Эoleyр, лорд-камергер Эркинланда. И выполняю здесь поручение Верховного престола.

– Поручение? – командир рассмеялся. – О ком речь? О клане Лисицы? Или клане Ласточек? Или ты направлялся с визитом к толстым жителям Гадринсетта?

– Нет, не так, речь не о смертных. Меня послали на поиски ситхи.

Несколько разбойников принялись тревожно переглядываться; другие сплевывали на землю и делали знаки, отводящие зло.

– Ха, – сказал командир. – Теперь я знаю, что ты лжешь, эрнестириец. Кто станет добровольно искать встречи с Лесным народом? И кто сможет их найти, если они сами того не захотят?

Разбойники, остававшиеся у опушки леса, вскочили в седла и присоединились к остальным; Эoleyр почувствовал облегчение.

«Великий Бриниох, благодарю тебя. Сохрани жизнь мальчика», – беззвучно молился он.

Быть может, Джирики был где-то рядом и теперь поможет Моргану добраться до безопасных мест. Несмотря на то что Кендрайа'аро плохо обошелся с ними, Эoleyр считал, что едва ли найдется много мест, за исключением Хейхолта, где Морган находился в большей безопасности, чем с ситхи.

– У нас был рог, – сказал Эoleyр командиру разбойников. – Мы получили его от ситхи. Он помог нам призвать ситхи, я только что вернулся после беседы с Лесным народом, как вы их называете, и обнаружил, что ты атаковал и уничтожил мой отряд.

– Я устал от этих разговоров, – с хмурым видом заявил Хурза, но достаточно тихо, и командир его проигнорировал.

– Это необычная история, сэр. Вы уверены, что вы дворянин, а не бард?

Один из разбойников, обладатель черной бороды, который был заметно старше командира, неожиданно вмешался в их беседу.

– Клянусь Громовержцем, я думаю, что знаю этого человека, Агвальт.

Командир повернулся к нему:

– Что ты сказал?

– Я видел его прежде. Он знал моего отца. – Разбойник с удивлением смотрел на Эoleyра. – Я Хотмер. Мой отец, Хотвиг, из клана Жеребца, сражался за принца Джошуа. Вы его помните?

– Помню ли я его? – Эoleyр был поражен, но сохранял осторожность. – Конечно, я его помню. Но ведь Хотвиг стал великим человеком в Гадринсетте – правителем города, я слышал. Как ты оказался здесь?

Хотмер покачал головой, и его лицо помрачнело.

– Я это не обсуждаю. – Он повернулся к Агвальту: – Но Эoleyр был важным человеком уже в то время – правая рука короля, а с тех пор прошло двадцать зим.

– Разве это имеет какое-то значение? – с усмешкой потребовал ответа Хурза, который прищурился. – У него нет кошелька, и он совершенно бесполезен. Давай перережем ему глотку и отправимся по своим делам.

Некоторые разбойники были явно с ним согласны, но остальные смотрели на молодого командира.

– Это имеет значение, – сказал Агвальт, – если за него удастся получить выкуп. – Что ты скажешь, эрнистириец, король захочет заплатить за тебя выкуп?

– Конечно. И в любом случае, он будет рад услышать известия... – Эoleyр понял, что от усталости и страха едва не сболтнул лишнего, – ...о том, чем закончилась моя встреча с ситхи. Да, король Саймон и королева Мириамель заплатят за меня выкуп – но только если я буду жив и здоров и смогу рассказать им, что произошло.

Агвальт рассмеялся.

– Конечно. Но именно так сказал бы любой человек, попавший в отчаянное положение. И, хотя мы собрали неплохой урожай... – Он указал на гору щитов и доспехов на земле, оставшихся, несомненно, от мертвых эркингардов. – ...Нам не следует излишне спешить и терять более крупный приз. – На его покрытом шрамами лице появилось хитрое выражение. – Но ведь был еще мальчишка, который сбежал? – Он посмотрел на приближающихся всадников и нахмурился. – Мальчишка, которого мои люди не сумели поймать.

Эoleyр махнул рукой.

– Мой оруженосец, безмозглый олух, бросивший меня, как только пришла беда. Мне без него даже лучше.

Он попытался придумать, как заставить разбойников помочь ему разыскать Моргана, но не мог представить, как это сделать, не рассказав им, что речь идет о принце. Эoleyр оказался перед трудным решением: что хуже, оставить принца одного в диком лесу или помочь ему стать пленником злобных разбойников? Агвальт может пытаться их, а потом убить, если перспективы выкупа станут туманными или слишком опасными.

– А остальные дети? – прервал его размышления Агвальт. – Те, которых мы видели изда-лека, – они ехали верхом на баранах?

Эoleyр удивился и обрадовался. Должно быть, речь шла о семье Бинабика, получалось, что они пережили нападение и сумели сбежать.

– То были не дети, а тролли из высоких северо-восточных гор. Их группа возвращалась домой и часть пути собиралась проехать с нами.

Теперь Агвальт расхохотался громко и с явным удовольствием.

– Тролли? О, какой у нас сегодня день! Даже если мы решим тебя убить, Эoleyр, так называемая Рука короля, мы сделаем это не сразу, чтобы послушать твои выдумки. Ночи в степях бывают скучными без интересных историй. – Но затем его лицо снова стало холодным. – Свяжи его, Хурза. Не так крепко, чтобы он пострадал, но я не хочу никаких фокусов, и пусть остается связанным до тех пор, пока мы не разобьем лагерь. Он может ехать за спиной Хотмера, который наверняка будет рад компании старого друга своего отца.

Эoleyр понял, что его не будут убивать прямо сейчас, и рискнул задать еще один вопрос.

– А где остальные твои люди? Ты бы не стал атаковать столь малыми силами большой вооруженный отряд.

– Остальные мои люди, – сказал Агвальт. – Мы не глупцы. – Он повернулся к дымящимся остаткам лагеря эркингардов, от которого почти ничего не осталось. – Эта бойня не наших рук дело. На твоих людей напал клан – и их было очень много. Целый клан, который направлялся на сбор в Холмах Духа, так я думаю. Но хватит болтать. Мы уходим.

Когда его поднимали на седло за спину Хотмера, Эoleyр бросил последний взгляд в сторону леса, где исчез Морган, но над степью уже спускались сумерки, и он увидел лишь темную громаду леса, погружившуюся в тень.

«Да хранят тебя боги, Морган. Я молюсь за то, чтобы ты добрался домой без меня. Не думаю, что мне хватит сил вернуться к твоим дедушке и бабушке и рассказать им, что я не сумел защитить их наследника. Лучше уж умереть в этих пустошах».

Сначала Морган держал в руке меч, изредка делая пробные выпады по лучам солнечного света между деревьями, уверенный, что его могут в любой момент окружить разбойники и ему придется защищать свою жизнь. Но по мере того как день клонился к вечеру, а в лесу становилось теплее, рука у него начала уставать, и он убрал меч в ножны. Очень скоро они стали ему мешать, потому что колотили по бедру во время ходьбы. И, хотя солнце уже прошло существенную часть своего пути, день становился все более жарким, и ему уже казалось, будто он задыхается в своем шерстяном плаще. Морган снял его, сложил и накинул на шею, чтобы защитить затылок от хлеставших его ветвей, и тут же почувствовал неприятный зуд.

Однако не это стало его главной проблемой. Все шло не так, все раздражало, тревожило и пугало Моргана. Несмотря на жару и пот, стекавший по спине, периодически он начинал дрожать. Он постоянно думал о бренди, вине или даже пиве, сошло бы что угодно, только бы избавиться от отвратительных мыслей. Ко всему прочему, он никак не мог выбраться из этого странного и опасного места.

Моргана никогда не интересовал лес, если не считать того, что там можно охотиться или устраивать приключения с выпивкой в компании с Астрианом и Ольверисом, как в тот раз, когда они отправились пострелять в оленей в королевском лесу Кинсвуд, заблудились и нашли обратный путь только при помощи королевских лесников, которые услышали, как они спорят между собой. Но Морган уже начал понимать, что знакомый лес рядом с замком очень сильно отличается от Альдхорта. Во-первых, даже в глубинах Кинсвуда повсюду виднелись следы людей, указатели охотников, оставленные на коре деревьев, груды камней, обозначающие тропы, и даже обугленные остатки костров.

Здесь, в Альдхорте, троп не было, и он не находил никаких признаков присутствия людей, лишь изредка вспыхивали красные хвосты белок на верхушках деревьев, или он слышал шелест крыльев пролетающих птиц, которых даже не всегда успевал увидеть. Он вполне мог находиться в каких-то новых землях, где никогда не ступала нога человека, однако его преследовало ощущение, будто кто-то – часто ему казалось, что таких существ несколько, – наблюдает за ним, прячась за деревьями. Морган не мог объяснить, что именно заставляло его так думать, но его постоянно преследовало чувство, что он здесь чужак, и даже огромные деревья смотрят на него свысока и с любопытством.

Никогда Морган не чувствовал себя таким одиноким.

В Кинсвуде и в некоторых частях огромного эрнестирского леса Сиркойл, в которых ему довелось побывать, он всегда видел людей и их жилища. Лесной народ возделывал деревья, выращивал или подстригал, иногда вырубал для получения топлива, оставляя торчавшие из земли пни, напоминавшие надгробия. Подлесок собирали угольки, упавшие плоды поедали свиньи, которых пригоняли в лес на кормежку. Все каким-то образом использовали. А здесь он шагал совершенно один сквозь жаркий, влажный и безмолвный сумрак.

К концу дня каждый новый вдох, сделанный Морганом, наполнял его грудь, но не прояснял мысли, и ему приходилось постоянно бороться с переполнявшим его чувством беспомощности и отчаяния. Несколько раз, когда он поднимался на вершину холма, он пытался отыскать границу леса или хоть какие-то следы людей, но видел лишь бесконечные пространства деревьев и кустарника, которые тянулись во все стороны, и лишь огромные усилия воли не позволяли ему опуститься на колени и разрыдаться.

«Я не могу это сделать, – снова и снова повторял он себе. – Я принц. А принцу нельзя плакать».

Ему удавалось сдерживать слезы, но по мере того, как день подходил к концу и становилось очевидно, что он не сможет выйти из леса до наступления ночи, страх начал подниматься в нем, точно паводковая вода.

Крестьянский сын схватил свой меч И к берегу Гринвейда побежал, Где ряд за рядом стояли Жестокие воины короля Падуба.

И парень поднял свой меч, У пенистого стоя потока, И вскрикнул: «Ты не войдешь в Эркинланд! Путь река наполнится кровью!»

Моргану хотелось спеть что-нибудь воинственное и веселое, но собственный голос казался ему тихим и лишенным смысла, и – хуже того – у него появилось ощущение, будто он оскорбляет вечную тишину леса, поэтому он не допел песню «Крестьянский сын Долшира». Однако очень скоро он не мог бы петь, даже если бы захотел. У него остались силы лишь для того, чтобы продираться сквозь подлесок, не обращая внимания на бесчисленные кровавые царапины от терновника, который рос около редких троп, проложенных животными, и он уже с трудом переставлял одну ногу за другой.

Он провел около часа в густой роще огромных древних лип, одни были стройными и тонкими, словно вытянувшаяся в струнку стража, другие такими толстыми, что их стволы казались припавшими к земле патриархами, клюющими носами возле семейного камина. Когда Морган наконец выбрался в более редкий лес, он остановился отдохнуть. Солнце садилось на западе – во всяком случае, там должен был быть запад, или все теряло смысл – и воздух стал прохладнее. Морган уже надевал плащ, когда заметил тянувшийся к солнцу ясен с широким неровным стволом, словно выросшим в тени ныне исчезнувшего гигантского дерева. Ему вдруг показалось, что это дерево ему знакомо...

Он приблизился к нему, обошел со всех сторон, но никак не мог избавиться от странного чувства. Затем его внимание привлекло какое-то светлое пятно на земле рядом со стволом. Оказалось, что это ставший коричневым огрызок яблока, который облепили муравьи, но Морган узнал отпечаток сапога на мягкой земле рядом с остатками его утренней трапезы.

Он вернулся к тому месту, откуда начал свой путь.

Морган опустился на колени, припал лбом к земле и заплакал. Солнце оказалось лжецом и предателем, оно, как убийца с ножом, пыталось отнять у него жизнь. Лес его ненавидел, и теперь Морган ненавидел его в ответ. Он шел весь день, но вернулся туда, откуда начал.

Ночью он спал – или только пытался – на том же дереве, что приютило его накануне. В темном лесу шуршали какие-то существа, он слышал шепоты, похожие на человеческие голоса. Когда Морган сел с отчаянно бьющимся сердцем, он увидел сиявшие на высокой ветке три пары больших круглых глаз, в которых отражался лунный свет, казалось, они смотрели на него, однако, кем бы они ни были, приблизиться к нему существа не осмеливались. После этого Морган перестал обращать внимание на шелесты и шепоты.

Даже звезды, которые он видел сквозь кроны деревьев, выглядели неправильно – расстояния между ними изменились, и они были незнакомой формы. Там, где прежде сияла яркая сфера Светильника, на небесном своде появилось созвездие, подобное пауку или крабу, центральный яркий огонь окружали радиальные линии, состоявшие из более мелких звезд. Неужели даже небо обратилось против него?

Морган снова заплакал, он был не в силах остановиться, но постарался рыдать беззвучно, ему совсем не хотелось привлечь внимание хищников. Он больше не боялся преследователей-людей – более того, с радостью встретил бы их. Но тихие звуки его плача, несмотря на

все усилия, разносились по лесу, и невидимые наблюдатели тихонько шептались между собой, словно обсуждали: что будет делать дальше это странное чужое существо.

Глава 2

Деревянное лицо

– Это моя мама? – спросила Лиллия, глядя широко раскрытыми глазами на фигуру, изображенную на крышке гроба.

Руки изображения были благочестиво сложены на груди, а деревянное лицо застыло в безмятежности, как у резного святого.

Саймона не удивил вопрос внучки. Его также тревожило сходство невестки Иделы с деревянной фигурой с застывшим выражением лица и накрашенными глазами, смотревшими в пустоту.

– Нет, малышка, – наконец ответил он. – Это резьба. Вроде куклы.

– А зачем они сделали из нее куклу? – спросила Лиллия.

– Чтобы показать, какой она была при жизни, – ответил Саймон.

– А теперь она выглядит иначе?

Прошло много дней после смерти принцессы Иделы, и королю не хотелось даже думать над вопросом малышки.

– Это не имеет значения. Душа твоей матери в раю. Однажды ты снова ее увидишь, и она будет выглядеть такой, какой ты ее знаешь.

– А если я не попаду в рай?

– Я уверен, что попадешь. – Саймон огляделся по сторонам.

Если не считать стоявшей вдоль стен почетной стражи, королевская часовня оставалась пустой. Длинная цепочка дворян и важных людей незнатного происхождения прошла здесь в предыдущие два дня, и сейчас складывалось впечатление, что все, кто хотел отдать дань уважения принцессе, уже это сделали. Саймон был полон мрачного удивления – как могла так долго, тихо и неподвижно лежать в закрытой коробке такая женщина, как Идела, полная самых разных идей.

– Убийца! – простонал кто-то – не слишком громко, но в почти пустой часовне это слово прозвучало как крик, и Саймон вздрогнул.

Герцог Осрик, отец Иделы, покачиваясь, стоял в дверях. Несколько его людей пытались поддерживать герцога – он был сильно пьян, – но он всех оттолкнул и, пошатываясь, вошел в часовню. Вслед за ним внутрь поспешно шагнул Пасеваллес, умоляя его выйти наружу и делая все, что было в его силах, чтобы остановить герцога, не касаясь его руками.

– Убийца! – повторил Осрик. Казалось, он даже не заметил Лиллию и короля, но прошел мимо них и упал на колени перед гробом. – Убийца разгуливает среди нас. Разгуливает на свободе! Чудовище, убившее мою единственную дочь!

На лице Пасеваллеса застыло сочувствие и одновременно отвращение. Герцог вспотел, и пятна на его одежде указывали на то, что он ее не менял несколько дней.

– Прошу прощения, ваше величество, – сказал Пасеваллес Саймону, заметил Лиллию и побледнел. – Клянусь Господом, я искренне сожалею. Его светлость расстроен. К тому же, он слишком много выпил...

– Я и сам вижу, – мягко ответил Саймон.

Он не ожидал, что Осрик, грубый человек, не склонный к проявлению чувств, будет так подавлен из-за смерти Иделы. Саймон посмотрел на Лиллию, которая не спускала испуганных

глаз с трясущихся плеч деда. – Но почему он повторяет это слово? Я не хочу слышать такие вещи в присутствии... – Саймон указал на Лиллию. – Ты можешь увести его отсюда?

Пасеваллес состроил гримасу.

– Я могу попытаться, ваше величество. – Однако ему не удалось привлечь внимание герцога.

– Пойдем, Лиллия, – сказал внушке Саймон. – Дедушка Осрик очень опечален. Оставим его одного.

– Но он ведь увидит маму в раю, верно?

– Конечно. Но он грустит из-за того, что ему придется подождать. Как и всем нам.

Когда они подошли к двери часовни, Саймон оставил на пороге Лиллию и вернулся к Пасеваллесу. Осрик продолжал стоять на коленях перед гробом дочери.

– Пасеваллес, ты можешь за ним присмотреть? Я боюсь за него, пока он в таком состоянии.

– Я сделаю все, что в моих силах, ваше величество. Его стражники мне помогут, я уверен. Мы не позволим ему причинить себе вред. Я думаю, что вскоре ему станет лучше.

– Что он имеет в виду, когда говорит об убийце? – тихо заговорил Саймон, чтобы Лиллия его не услышала. – Мне представляется очевидным, что Идела упала с лестницы. Вероятно, причиной тому стал обычай придворных дам носить длинные платья. Ума не приложу, почему они не падают с лестниц каждый день...

– Я не знаю, откуда пошла эта глупая мода, сир. Как видите, милорд Осрик пьян, к тому же, он не спал несколько дней. Я послал карету за его женой, герцогиней Нелдой, но путешествие до Вентмута и обратно занимает несколько дней.

– Бог наш Спаситель, как я хочу, чтобы добрая женщина поскорее добралась до Хейхолта, – сказал Саймон. – И чтобы Мириамель была здесь, если уж вспомнить про отсутствующих жен. От нее до сих пор нет вестей?

– Вы узнаете об этом в тот момент, когда они появятся, ваше величество, – ответил Пасеваллес.

– Даже посреди ночи.

– Да, ваше величество. Конечно.

– Хорошо. Мне никогда не приходилось писать таких ужасных писем... это наводит меня на очень печальные воспоминания. – Он похлопал по руке своего лорда-канцлера. – Благословляю тебя, Пасеваллес. Ты хорошо помогаешь мне в столь мрачное время.

– Благодарю вас, мой король. – Пасеваллес низко поклонился. – Я лишь делаю то, что положено верному слуге.

– Как наша девочка? – тихо спросила графиня Рона, ближайшая подруга королевы и верный советник трона.

– Задает вопросы о смерти, – ответил Саймон, наблюдая за внучкой, которая медленно рисовала овалы, следуя за орнаментом, выложенным плитками пола в коридоре. – Я рассказал ей все, что знаю, постарался убедить, что Идела в раю и там она снова увидит мать.

– Ей нужно подумать о чем-нибудь другом, – сказала Рона. – Я соберу детей, чтобы она с ними поиграла – это позволит ей немного отвлечься от мрачных мыслей.

– Не уверен, что у тебя получится, – сказал король. – Я никогда не встречал ребенка, которого было бы так же трудно отвлечь, как Лиллию.

Рона грустно рассмеялась.

– В этом смысле она похожа на свою покойную мать, – ответила графиня.

– И еще меня тревожит герцог Осрик. Он все время повторяет, что Иделу убили.

Рона махнула рукой.

– Вам не следует обращать на это внимания. Жесткие сильные люди вроде Осрика плохо переносят подобные события. Иногда они могут выжить, только что-нибудь сломав, а потом попытаться исцелить сломанное.

Саймон кивнул.

– В твоих словах что-то есть. – Он энергично потрянул головой, словно освобождаясь от прилипшей паутины. – Мне нужно управлять королевством, дорогая Рона. Присмотри за ребенком, ладно? Меня пугает то, что она не плачет и продолжает разумно рассуждать – ведь ее мать только что умерла.

– Не следует плохо говорить о мертвых... – Рона огляделась по сторонам, чтобы убедиться, что никто ее не услышит, – ...но Идела никогда не была близка с Лиллией.

Саймон сотворил Знак Деревя.

– Пожалуйста. Просто присмотри за моей внучкой, графиня, и, пожалуйста, не говори ей ничего подобного.

Рона печально улыбнулась.

– Я бы никогда не сказала такое ребенку, ваше величество.

Когда графиня Рона увела Лиллию, ей пришлось отвечать на вопросы о разложении мертвых. Саймон вернулся в свои покои, где занимался делами королевства, когда ему не хотелось погружаться в суету Тронного зала, где собиралось множество придворных и просителей. Он чувствовал себя усталым и собрался немного вздремнуть, поэтому почувствовал раздражение, когда обнаружил вранна Тиамака, друга и советника, который его ждал.

– Как твоя внучка, Саймон? – спросил Тиамак. – Как она переносит горе?

– Лучше, чем я. – Он со стоном опустился на кресло. – Смерть Иделы лишила меня самообладания. Надо же так случиться, что именно сейчас Мириамель так от нас далеко. И мы отослали прочь Моргана! Мой бедный внук даже не знает, что его мать мертва!

– Ты отправил внука на встречу с ситхи, поручив ему важную миссию, и королева согласилась – хотя, должен признать, очень неохотно. Не стоит себя ругать.

Саймон вздохнул.

– А теперь герцог Осрик шатается по Хейхолту, от него несет вином, и он бредит, будто Иделу убили. Что будет дальше? Воскреснет дракон Эльстана и спалит всех нас? Или появится Прайрат, и его башня снова начнет светиться красным по ночам?

Тиамак постарался скрыть дрожь.

– Пожалуйста, ваше величество – Саймон, – не говори такие вещи. Я не верю, что ты способен изменить наши судьбы к худшему подобными разговорами, но сомневаюсь, что твоему богу или кому-то из моих нравится, когда им бросают вызов.

Король откинулся на спинку деревянного кресла. Тиамак устроился с противоположной стороны письменного стола.

– В любом случае, – сказал Саймон, – я не хочу, чтобы Осрик кричал про убийство в залах и коридорах моего замка. Ничего хорошего из этого выйти не может, люди начнут испытывать страх. Нам это совершенно не нужно, ведь многие и без того опасаются нападения норнов.

– Мы готовимся к их вторжению, – осторожно ответил Тиамак. – Однако мы ничего определенного не знаем об их планах.

– А теперь ты говоришь, как Пасеваллес. – Саймон нахмурился. – Осторожность, и еще раз осторожность, не нужно делать поспешных выводов. Неужели я один помню, что они собой представляют?

– Я так не думаю, Саймон. Многие вместе с тобой смотрели в глаза этому ужасу. И я не сомневаюсь, что все помнят.

Король раздраженно взглянул на своего советника.

– Ты хотел меня пристыдить, Тиамак?

Тиамак покачал головой, и Саймон увидел седину в темных волосах друга, которую прежде не замечал.

– Нет, правда, у меня и в мыслях такого не было, – ответил Тиамак. – Я и сам разочарован и встревожен, и у меня имеются собственные проблемы. Но я не стану тебя ими беспокоить. Лучше поговорим о важных делах королевства.

– О чем ты?

– С одной стороны, Саймон, к тебе одновременно обратились Северный альянс и Пердруинский синдикат, чтобы ты решил вопрос о судоходных правах в водах между Эркинландом и Наббаном. Графиня Иссола из Пердруина даже требует аудиенции.

Саймон снова застонал.

– Она уже здесь? Мне не нужно такое обострение обстановки.

– Тогда не принимай ее.

– Я и не стану. Милосердная Элизия, люди говорят, что она жестокое, упрямое существо, а мне это совершенно ни к чему. Что-то еще?

Тиамак указал на большую стопку лежавших на углу стола пергаментов.

– Все это, мой старый друг. Неужели ты их не заметил? Я положил пергаменты на стол, чтобы ты занялся ими утром.

– Я проснулся от того, что моя внучка тыкала меня пальцем в грудь. Просто не понимаю, что у меня за стража – ведь это было самое настоящее нападение, от которого они должны меня защищать. Она хотела пойти в часовню и помолиться, чтобы Идела не забыла день святого своей дочери, хотя она сейчас и на небесах, потому что мать обещала Лиллии новое платье в подарок.

Тиамак улыбнулся и кивнул.

– У твоей внучки сильная воля.

– У Изгримнура был друг по имени Эйнскалдир, который любил убивать врагов, как многие из нас любят ужин. У него была не такая сильная воля, как у Лиллии.

Улыбка Тиамака дрогнула.

– Кстати, ты мне напомнил. Я отложил это до того момента, пока мы не обсудим самые важные вопросы, но сейчас мне нужно с тобой поговорить. Я имею в виду смерть Иделы.

На этот раз стон Саймона был долгим и искренним.

– Клянусь милосердным богом, что теперь? Я признаю, что не любил ее так сильно, как следовало, но, надеюсь, был для нее хорошим свекром и относился к ней с уважением. Где я совершил ошибку?

– Речь не о вас, ваше величество – Саймон, просто у меня возникло несколько вопросов относительно ее смерти.

– И ты туда же, Тиамак?

– Только не надо на меня так смотреть, – со вздохом сказал Тиамак. – Такова моя обязанность советника, или секретаря, или кем там еще я являюсь, задавать вопросы от твоего имени и не принимать ответов до тех пор, пока не почувствую всю полноту правды. Но позволь мне задать первый вопрос – разве это не входит в мои обязанности?

– Да, да, конечно, – проворчал Саймон. – Милосердный Риappa, ты такой же вредный, как Моргенес. Постоянно обрушиваешь на меня загадки и вопросы, пытаешься получить ответ, который тебе нужен, ведешь меня за кольцо в носу, точно тупое животное.

– Ты никогда не был животным, Саймон, – но Моргенес, на самом деле, хотел для тебя самого лучшего. Его метод обучения очень древний и проверенный.

– Я знаю, знаю. Я больше не кухонный мальчишка, Тиамак.

– По большей части нет, ваше величество.

Саймон нахмурился.

– Ты можешь дразнить меня, сколько хочешь, ведь я не такой король, который рубит людям головы за то, что они его разозлили.

– Я знаю, Саймон. Я знаю, как и многие другие, и все мы благодарим звезды, судьбу и даже богов за то, что ты и Мириамель совсем не такие правители.

– Если ты будешь продолжать говорить «Боги», а не «Бог», тебе придется беспокоиться не обо мне, а о Матери церкви.

– Она может быть замечательным родителем, но не является моей матерью, ваше величество. И сильным никогда не следует заставлять слабых молчать, или они докажут, что на самом деле сами являются слабыми. А теперь, хватит ли у тебя силы духа, чтобы выслушать меня, или тебе хочется продолжать жаловаться на то, как плохо все с тобой обращаются?

Саймон не выдержал и рассмеялся.

– Боже мой, какой же у тебя острый язык. Даже Моргенес не был так со мной жесток.

– Потому что в те времена ты был кухонным мальчишкой. А я советник короля. И ставки теперь намного выше.

Саймон махнул рукой.

– Ладно, ты победил, – заявил он. – Я буду кротким и тихим, слушая, как ты описываешь мои недостатки.

– Это не входило в мои намерения. Как я уже говорил, у меня есть вопросы относительно смерти Иделы. Во-первых, я не понимаю, что она делала на лестнице, ведущей на самый верхний этаж резиденции.

– А что тут такого? Она была матерью наследника. Принцесса Идела могла ходить куда угодно.

– Ты меня неправильно понял, – сказал Тиамак. – Я спрашивал, почему она была там? На верхнем этаже нет ничего, что могло бы ее заинтересовать. Там находятся пустые спальни, их используют довольно редко – только в тех случаях, когда во дворец прибывает большая группа гостей, – чего не происходило уже довольно давно, я должен добавить.

Саймон снова застонал.

– Ты обвиняешь меня в том, что в Хейхолте редко бывают гости? А я думал, это любимая песня Мири. Ты же знаешь, что такие приемы стоят дорого, они всегда хотят охотиться и участвовать в пирах, каждый вечер слушать музыкантов...

Тиамак откашлялся.

– Я ни в чем не собираюсь тебя винить, лишь интересуюсь, что Идела делала на лестнице между третьим и четвертым этажом.

– Но кто может это знать? Может быть, она встречалась с любовником. Но тогда до меня наверняка дошли бы слухи.

Вранн бросил на него пристальный взгляд.

– Слухи о том, что у нее были любовники, или что она встречается с ними в верхних покоях резиденции?

– О любовниках. И я не стал бы ставить это ей в вину, во всяком случае, после того, как прошел первый год. Да я и сам чувствовал бы себя лучше, если бы она не оставалась вечной вдовой моего сына. – Он повернул голову к Тиамaku: – Ты снова так смотришь на меня. Что я сделал теперь?

– Ничего. Но мы постоянно уходим в сторону, и я всегда знаю, что могу полностью рассчитывать на твоё внимание лишь на короткий промежуток времени, а потом остальные королевские обязанности выливаются на тебя, как воды вышедшей из берегов реки, и мое дело к тебе уносит течением.

– Тогда говори быстрее – меньше упреков и ближе к делу, – проворчал Саймон.

Тиамак кивнул.

– Справедливо сказано. Я попросил горничных проверить комнаты наверху. Почти все оставались чистыми, словно ими не пользовались. Но одна – большая спальня в центре, где старая труба занимает всю стену – оказалась чище остальных.

Саймон приподнял бровь.

– Чище остальных?..

– Ни малейших следов пыли. Словно ее убирали значительно позднее, чем другие.

Король покачал головой.

– Но это мелочь, – сказал он.

– Вполне возможно. Однако никто из горничных не помнит, чтобы они или другие слуги наводили там порядок с ранней весны, когда ты и королева отправились в путешествие на север.

– Очень хорошо, но, если Идела встречалась там с любовником, она могла и сама приводить комнату в порядок. Она всегда была брезгливой. – Саймон немного помолчал, а потом ему в голову пришла новая мысль. – Ее нашел Пасеваллес. Ты хочешь сказать, что он мог быть ее любовником? И что он направлялся на встречу с ней?

Тиамак покачал головой.

– Мне нужно узнать побольше, прежде чем вовлекать кого-то в расследование по столь незначительным подозрениям. Более того, насколько мне известно, у Пасеваллеса никогда не было любовниц среди придворных дам – но я не стану утверждать, что мне известны все сплетни.

– Я и сам задумывался об этом, – признался Саймон. – Возможно ли, что он один из... ты знаешь... – Король покраснел. – Ну, тех, другого сорта.

Тиамак снова улыбнулся.

– Я понимаю, сир. И прошу вашего разрешения провести в замке расследование – очень аккуратное и осторожное, я обещаю – о принцессе Иделе и ее возможных любовниках, в особенности в последние дни.

– Но почему? Ты ведь не веришь в пьяную чепуху, которую несет ее отец? В то, что ее кто-то убил?

– Если честно, нет, потому что не вижу никакого мотива – никто не выигрывает от ее смерти. Но в случившемся есть нечто странное, к тому же она была членом королевской семьи. А любое преступление против твоей семьи – любое возможное преступление, я должен добавить, – представляет собой угрозу для тебя и королевы. И предотвращение и расследование подобных вещей, несомненно, есть часть того доверия, которое ты возложил на мои плечи.

– Наверное, так и есть. – Саймон опустил голову на высокую спинку деревянного кресла. – Я думал, что самые разные вещи пойдут не так, пока Мириамель находится на юге, но только не такое. И я даже представить не мог, что буду уставать, пытаюсь выполнять все наши обязанности без нее. Мне ее не хватает, Тиамак. Мне ее ужасно не хватает.

– Нам всем ее не хватает, ваше величество, – сказал он. – Но я уверен, что вы ощущаете ее отсутствие острее, чем любой из нас.

Пасеваллес постучал в дверь покоев герцога Осрика.

– Позови герцогиню, – сказал он слуге, открывшему дверь.

– Но она спит, милорд!

– Это не имеет значения. Приведи ее немедленно.

Слуга ушел, качая головой, а у Пасеваллеса возникло желание вонзить кинжал в спину ленивого непочтительного глупца и оставить его на полу рыдать и истекать кровью.

«Терпение, – сказал он себе. – Мне необходимо тренировать терпение».

Он вернулся в коридор, где на ступеньках лестницы сидел герцог, закрыв лицо руками.

– Ваша светлость, – сказал Пасеваллес мягко, прикоснувшись к плечу герцога. Пусть Осрик и был пьян, но он оставался крупным сильным мужчиной, и едва ли Пасеваллес мог что-то выиграть, вызвав в нем гнев. – Ваша светлость, пожалуйста, встаньте. Ваша жена сейчас придет.

– Нелда? – Осрик пошевелился, огляделся по сторонам, а потом снова опустил голову и закрыл лицо руками, словно шея не выдерживала ее вес. – Что она здесь делает?

– Она приехала сегодня утром, ваша светлость. Вы сами ее встречали.

– Нет. Не хочу... чтобы она меня видела. Таким.

Пасеваллес сдержал вздох разочарования.

– Она уже идет, милорд. Вам лучше встать.

Герцогиня Нелда появилась в коридоре. Она была в ночном колпаке и роскошной ночной рубашке, несмотря на то, что ночь еще не наступила. Долгое путешествие из Вентмута отняло у герцогини много сил, а когда она увидела тело дочери, то с рыданиями отправилась в постель. Однако она выглядела более собранной и решительной, чем муж.

– Осрик? Осрик, что ты здесь делаешь? Вставай. Пойдем в кровать.

– О, моя дорогая, – простонал герцог, – что ты здесь делаешь?

– Что за вопрос? Я приехала рано утром, и ты бы прекрасно это знал, если бы не выпил так много. Пойдем. И да будет тому свидетелем Эйдон, нам и без того тяжело... – Она разрывалась между гневом и слезами. – Пойдем со мной. Тебе нужно прилечь. А я стану гладить тебя по голове.

В конце концов, Осрик позволил слуге и Пасеваллесу поставить себя на ноги и отправился в спальню. Пасеваллесу даже пришлось помочь герцогине стащить сапоги с Осрика, что вызвало у него отвращение, которое он с трудом скрыл. Ноги герцога были холодными и грязными, от них пахло застарелым потом.

– Благодарю вас, лорд Пасеваллес. – Тестообразное лицо герцогини Нелды выглядело так, словно она в любой момент могла лишиться чувств, но она постаралась улыбнуться. – Вы очень добры.

– Ужасный удар для всех нас, ваша светлость. – И он ушел, предоставив герцогине вместе со слугой укрывать мужа одеялом, но герцог Осрик уже громко храпел, вялый и тяжелый, точно дохлая треска.

Пасеваллес вернулся в свои покои, и ему пришлось трижды вымыть руки, прежде чем он избавился от запаха герцога.

Двадцать лет назад Пасеваллесу также пришлось несколько раз мыть руки, но тогда он находился совсем не в таких роскошных покоех. В тот день он стоял на коленях возле ручья в Кинсвуде и смывал кровь мертвеца с рук и одежды. Потом он покинул лес и направился в Эрчестер, где прошел по Главному ряду и через ворота замка вместе с торговцами и ремесленниками, направлявшимися в Хейхолт.

Как только он оказался внутри, Пасеваллес остановился, чтобы окинуть взглядом огромный двор замка, где умер его отец Бриндаллес во время последнего сражения войны Короля Бурь в Эркинланде. Даже в столь ранний час во дворе между внешней и внутренней стенами

замка был полно слуг, солдат, торговцев и крестьян, но никто из них не обращал ни малейшего внимания на светловолосого юношу в рваной одежде, застывшего в тени массивной воротной башни.

Пасеваллес не знал, какие чувства он будет испытывать в том месте, где его отца зарубили норны, но после нескольких лет размышлений с удивлением обнаружил, что ничего не чувствует, если не считать глухой обиды. Его давно преследовал вопрос: почему кому-то Бог дал легкую и хорошую жизнь – но только не ему.

Так или иначе, Пасеваллес пришел в Хейхолт с определенной целью, однако он понимал, что ничего не добьется, если будет просто стоять и предаваться мрачным мыслям. Ему требовалась щель, в которую он мог проникнуть внутрь системы – человек, с которым ему следовало связать свою судьбу, сделавшись для него полезным и незаменимым. И еще этот человек должен был обладать могущественными друзьями.

Очень скоро он нашел идеального кандидата – отца Стрэнгьярда, кроткого одноглазого священника, связанного с Верховным королем и Верховной королевой. Сейчас священник отвечал за больницы и раздачу королевских денег тем, кто в них особенно нуждался. Благодаря воспитанию Пасеваллес умел читать, писать и хорошо говорить и быстро получил должность писца, работающего с бухгалтерскими книгами в кабинете лорда-канцлера замка, и постарался быть максимально полезным. Отец Стрэнгьярд вскоре полюбил юношу из Наббана, частично из-за того, что он продолжал сидеть над книгами даже после того, как остальные писцы уходили домой, а от свечи оставался лишь крошечный огарок. Иногда старый священник приносил ему чашу вина и рассказывал истории о жестоких и страшных днях войны, когда норны шли через Хейхолт по ночам, а безумный король Элиас с помощью ужасного Красного священника Прайрата почти сумел вернуть к жизни мертвого демона Короля Бурь.

Пасеваллес с интересом слушал рассказы Стрэнгьярда, а в ответ делился тщательно исправленными историями из своей жизни, о трагической ранней смерти отца и о том, как жестокий родственник лишил его отцовского наследства. Пасеваллес на протяжении большей части своей жизни тренировался перед зеркалом, поэтому научился надевать маску глубокой скорби, с едва заметной надеждой на лучшую жизнь – так должен выглядеть молодой человек, стремящийся сделать что-то полезное.

Стрэнгьярд всегда получал удовольствие от «наших разговоров», как он их называл, и вежливый трудолюбивый новый писец быстро стал одним из любимцев священника. Когда прошло несколько месяцев, Пасеваллес смущенно – во всяком случае, он выбрал для этого именно такое лицо – поведал, что был племянником барона Сериддана из Метассы и сыном человека, который героически изображал принца Джошуа во время великой битвы, где и погиб.

Стрэнгьярд был ошеломлен.

«Племянник Сериддана? Но это же значит, что ты – нет, не говори, я знаю его имя, клянусь, знаю – Бриндаллес! Ты сын Бриндаллеса! Но почему ты не говорил об этом раньше, юноша? Почему все сразу не рассказал?

– Я не хотел злоупотреблять вашим доверием и своим происхождением, – ответил старому священнику Пасеваллес. – Я рассчитывал показать, на что способен сам, как благородный сэр Флуирен из легенд. Кроме того, я не рыцарь, а мой отец был лишь младшим братом барона.

– И ты показал себя достойным молодым человеком! – заверил его Стрэнгьярд. – И в наши благословенные мирные дни нам больше не нужны воины. Нам требуются образованные молодые люди, готовые много трудиться, как ты, юноша, – именно такие, как ты!

Сведения о героической семье Пасеваллеса еще больше подняли его авторитет в глазах старого священника, и он стал быстро подниматься по служебной лестнице. А когда старый лорд-канцлер умер, отец Стрэнгьярд занял его должность, и вместе с ней к нему перешел благородный титул, который старый священник никогда не использовал и едва ли о нем помнил.

Конечно, он взял с собой Пасеваллеса. И, когда Красная смерть забрала самого Стрэнгъярда, для короля Саймона и королевы Мириамель было совершенно естественным сделать Пасеваллеса, главного помощника Стрэнгъярда, лордом-канцлером. Он получил собственный титул вместе с доходом от баронства в Хьюэншире, и впервые с того момента, как умерли его отец и дядя, у него появились собственные деньги.

Некоторое время он наслаждался новой свободой, более качественной едой, вином и одеждой, получал удовольствие от взглядов, которые бросали на него люди, но вскоре этих приятных моментов стало недостаточно. Устав от напряженной работы, он некоторое время размышлял о жизни богатого дворянина, но маленький замок в ветреном и дождливом Эрнестире не казался ему привлекательным. В любом случае у него появились другие интересы, часть которых было лучше всего удовлетворять в большом городе вроде Эрчестера.

Новым источником идей для него послужили старые свитки, документы и книги, которые в большом количестве имелись в замке, многие из них никто не брал в руки в течение нескольких поколений. Из архивов и документов, которые он добывал другими способами, Пасеваллес узнал многое об истории замка и – что еще важнее – об истории того, что находилось под ним. А потом желание увидеть все собственными глазами пересилило осторожность, и он начал собственные исследования. И то, что он нашел, изменило все.

– Барон Пасеваллес! Милорд!

Крик вырвал его из воспоминаний, и он постарался придать лицу выражение полнейшего внимания – и только после этого повернулся. Герцогиня Нелда, одетая в более подходящее вышитое платье и туфли, поспешно шла за ним, раскачиваясь на ходу, точно перегруженная телега, запряженная волами.

– Да, ваша светлость? Все в порядке?

Она остановилась рядом с ним, стараясь восстановить дыхание.

– Герцог спит. Я хотела поблагодарить вас за помощь. Вы очень добры.

Он улыбнулся, пытаясь понять, что у нее на уме – Пасеваллес не верил, чтобы дородная герцогиня так спешила только для того, чтобы его поблагодарить.

– В этом нет необходимости. Герцог мой добрый друг.

Она явно колебалась.

– Вы ведь не станете рассказывать королю? – наконец решилась она. – Ну, о том, в каком виде мы нашли Осрика? Мой муж ужасно огорчен из-за нашей бедной Иделы!.. – На ее глазах появились слезы, и, чтобы остановить их неприятный поток, Пасеваллес положил руку на плечо герцогини.

– Это останется между нами.

Он не стал говорить ей, что королю уже известно о пьяном поведении герцога. Всегда полезно, когда кто-то оказывается в долгу перед тобой.

– О, благодарю вас. – Герцогиня все еще тяжело дышала. – Да благословит вас бог, милорд. У короля и без того множество проблем, ведь королева до сих пор в Наббане.

«Как интересно, – подумал он, – женщины всегда лучше справляются с неприятностями, чем мужчины». Сам Пасеваллес видел все, но, в целом, женщины замечали больше мужчин и умели лучше хранить новые сведения при себе. Как же использовать благодарность Нелды для собственной пользы?

– Эта тайна останется при мне, – заверил он герцогиню.

Она снова его поблагодарила и вернулась к спящему герцогу.

Пасеваллес долго смотрел ей вслед. Его лицо ничего не выражало, но он размышлял о тайнах, одолжениях и, как всегда, о том, что делать дальше.

Город Мермунд уже остался у них за спиной. Маленькая, красивая, точно шкатулка с драгоценностями, гавань и огромный шпиль храма святого Танкреда, который превратился в тонкий кончик кинжала, торчавший над крышами домов. Мириамель стояла у перил четвердека и смотрела на пену за кормой «Илиссы» и парящих в небе чаек, чей полет напомнил ей падающую листву на сильном ветру. Теперь, когда корабль выходил в открытый океан, Мириамель ощутила неожиданное чувство свободы, как если бы могла выбрать любое направление движения и уплыть от всех обязанностей и проблем. Море уходило в бесконечность, насколько было известно людям, и порой наступали моменты, когда ей хотелось оказаться как можно дальше в море – от забот Верховного престола.

«Но я не могу уплыть без Саймона. И не оставлю его одного, чтобы он разбирался с моими обязанностями. Он никогда не желал ничего, кроме меня, бедняга. Я же хотела получить и Саймона, и престол».

– Давайте уйдем отсюда, ваше величество. – Леди Шуламит и две другие компаньонки королевы вышли на палубу. Утро выдалось теплым, но Шуламит оделась так, словно вокруг бушевала жестокая буря, закуталась в толстый плащ, повязав сверху два шерстяных шарфа, один вокруг шеи, другой так, что он закрывал ее уши и нижнюю часть подбородка, делая ее похожей на грузную монашку. – Здесь небезопасно. Вокруг могут быть килпы! Смотрите, там! – Шуламит трясущейся рукой указала в сторону сияющего солнца.

Мириамель нахмурилась.

– Во-первых, килпы не заплывают так далеко на север, да еще в таких больших количествах. Во-вторых, даже, если это килпы, они не забираются на большие корабли, так что нам они не опасны. – Но тут на нее навалились мрачные воспоминания, кошмарные видения: воюющие фантомы с широко разинутыми ртами.

«Но это случилось более тридцати лет назад», – сказала она себе. И только возвращение Короля Бурь сделало жутких морских существ беспокойными и опасными в те дни. И все же она посмотрела туда, куда показывала Шуламит, на водяные холмики, окруженные белой зыбью. Возможно, это морские выдры, которые часто перемещаются большими семьями. Килпы так не поступают. «Значит, не килпы. Все просто». Но Мириамель уже не чувствовала прежней уверенности, и это ей не нравилось.

– Пойдемте, ваше величество, – сказала Шуламит. – Должно быть, Дина уже приготовила еду. Вероятно, вы проголодались.

– Нет. Я еще немного погуляю по палубе. Сегодня приятный солнечный день, и я наслаждаюсь видом, но вы все замерзли. Спускайтесь, скоро я к вам присоединюсь. И не беспокойтесь. – Она улыбнулась Шуламит, но улыбка получилась вымученной – Мири не любила, когда за ней начинали ухаживать. – Обещаю, что не стану наклоняться над перилами – на случай, если килпы научились выпрыгивать из воды, как дельфины.

Когда ей наконец удалось убедить своих дам оставить ее на палубе одну, Мириамель вернулась к перилам четвердека и стала смотреть через прибрежные буруны в сторону бесконечных темно-зеленых пространств океана. Через час или два они выйдут в открытое море, на палубе станет холоднее, и волнение заметно усилится. Она решила, что не позволит никому испортить ей удовольствие от этого спокойного утра.

Мириамель стояла и смотрела, как синева постепенно становится темнее, и скорее почувствовала, чем услышала, что кто-то к ней подошел. Она повернула голову и увидела, что рядом стоит корабельный юнга, который ждет, когда она обратит на него внимание. Ему было не больше десяти лет, он замер с широко раскрытыми глазами и крепко сжатыми губами, словно боялся сказать что-нибудь предательское или еретическое в присутствии королевы. Эта мысль показалась Мириамель забавной.

– Ваш величество, – заговорил он, когда увидел, что она повернула к нему голову, после чего сделал странный полупоклон, словно и сам не знал, стоит ли продолжать. – Прошу прощения. Сообщение, вот что у меня. Я хотел сказать, что у меня есть сообщение. Для вас.

– Сообщение?

– Да, мадам.

Мириамель посмотрела на мальчишку, который не отводил от нее взгляда, ветер трепал его волосы, глаза оставались такими же широко раскрытыми.

– И в чем же состоит сообщение?.. – наконец спросила она.

– Он хочет, чтобы вы пришли его повидать. Он просил вас сказать... *тайно*. – И он огляделся по сторонам, хотя матросы «Илиссы» были слишком заняты подготовкой к выходу в открытое море, чтобы обращать внимание даже на своего монарха.

– И кто «он» такой? Капитан? – У Мириамель появилось новое предположение. – Может быть, эскритор Ауксис?

Мальчик выглядел встревоженным, словно забыл, кто из важных персон дал ему поручение.

– Нет, мадам. Я так не думаю, нет. Это один парень, ниски. Он в дыре. Хочет с вами поговорить, если ваше величество сочтет возможным. – Он нахмурился, а потом просветлел. – Нет, *удобным*.

– В дыре? О, так ты имеешь в виду Пост? Ниски Хоул? Расскажи мне, где это, и я туда пойду. – Однако Мириамель совсем не испытывала уверенности. Воспоминания о воющих килпах, карабкающихся на борт ее корабля, их пронзительная отчаянная песнь, теперь преследовали ее всерьез. – Я не знала, что у нас на корабле есть ниски.

– Он сел в Мермунде, да, там. Теперь мы берем их гораздо дальше на севере. – Мальчишка гордился тем, что обладает знаниями моряка, несмотря на свой малый возраст, но за его словами скрывалось нечто страшное. – Я покажу вам, где. Спасибо, мадам. Ваше величество, мадам.

– Очень хорошо. И как тебя зовут, юный сэр?

И вновь его глаза широко раскрылись. Он явно не понимал, почему она задает такой вопрос, и на мгновение ей показалось, что он собирается назвать фальшивое имя, но в конце концов страх или воспитание заставили его передумать.

– Хэм¹, ваше величество. Как задняя часть ноги. – Внезапно он сильно покраснел. – Не вашей ноги, конечно. Не вашего величества. Но чьей-то. – Он собрался повернуться, но передумал и так и остался стоять, совершенно ошарашенный.

Мири с трудом сдержала улыбку.

– Очень хорошо, сэр Хэм. Ты отлично доставил мне сообщение. А теперь води меня к Посту Ниски, и получишь награду за услуги.

¹ Нам (*англ.*) – ветчина, окорок.

Хэм проводил ее к концу узкого прохода под полубаком. После того как мальчишка получил щедрое вознаграждение и поспешно убежал, Мириамель постучала в дверь, и ее пригласили войти.

Каюта оказалась маленькой, даже для корабля, и пустой, если не считать столика и лежавшего на нем мешка. Худощавый человек в сером плаще с капюшоном, склонившийся над мешком, выпрямился, когда она вошла. Он был ниже королевы ростом, из широких рукавов выглядывали длинные узкие пальцы, а еще Мириамель обратила внимание на загорелое лицо и огромные темные глаза. Если бы рост и форма тела не подсказали ей, что она смотрит на ниски, Мири бы поняла это, как только взглянула в отливающие золотом глаза.

– Вы оказали мне честь, королева Мириамель, – сказал он, но не стал кланяться или целовать ей руку, словно они были равными. – Простите, что не подошел к вам сам, но на корабле лучше не привлекать лишнего внимания. Меня зовут Ган Даха.

Мириамель удивленно на него посмотрела.

– Ваше имя похоже на имя ниски, которую я знала.

Он кивнул.

– Ган Итаи. Моя прапрабабушка.

Мири вдруг почувствовала, как ее наполняет чувство чего-то огромного, чему она даже не может найти слов.

– Она спасла мне жизнь, – сказала Мириамель.

– Я знаю, – ответил Ган Даха. – Это одна из самых гордых наших легенд.

Могучий поток воспоминаний не остановил неожиданно появившихся подозрений.

– Ган Итаи умерла вместе с «Облаком Эдне» в бухте Фираннос. Как могла ее семья узнать о том, что она сделала?

– Она не умерла – ну, не совсем умерла. Но, присядьте, пожалуйста. Даже смотрящий за морем не может заставлять королеву стоять. – Он улыбнулся, но не слишком искренне.

Затем Ган Даха подтолкнул к ней низкий стул, и его жест напомнил Мири, как она с его прапрабабушкой находилась в похожей тесной каюте, и королева едва сдержала слезы. Но она все еще не понимала, как Ган Даха мог узнать о том, что произошло с тем злополучным кораблем много лет назад – точнее, целую жизнь назад.

Прежде чем она успела задать первый вопрос, ниски поднял длинный палец.

– Сначала, вместо того чтобы играть в загадки, позвольте рассказать вам, что мне известно. Когда вы были молоды, то сбежали от своего отца, переодевшись простолюдинкой. Граф Аспитис взял вас на свой корабль «Облако Эдне», за который отвечала моя прапрабабушка – он был ее инструментом, как говорим мы, тинукедая.

Позднее вы узнали, что Аспитис являлся союзником вашего отца и планировал на вас жениться. Ган Итаи решила – и на то была не одна причина, – что не может этого допустить, и вместо того, чтобы песней заставить килп опуститься вниз, что является нашей обычной задачей, призвала их подняться вверх. И они в огромном количестве пришли на «Облако Эдне». Похож ли мой рассказ на правду, королева Мириамель?

– Да, да, очень похоже. Но откуда вы это знаете?

– Сейчас я вам расскажу. Когда подожженный и поврежденный корабль начал наконец тонуть, моя прабабушка твердо решила погибнуть вместе с ним – ведь она предала доверие и помогла уничтожить свой инструмент, пусть на то имелись веские причины. Но волна смыла ее за борт, и она не смогла вернуться на корабль, поэтому отдала себя морю. Но она не умерла – во всяком случае, не тогда. Позднее, в самом начале рассвета, другой корабль нашел умирающую ниски на поверхности моря. Но она успела рассказать свою историю смотрящему подбравшего ее корабля, и он поведал ее нашему народу, когда вернулся в Наббан. После того как вы и ваш король одержали победу, мы подумали о том участии, которое приняла в этом наша

Ган Итаи, и стали гордиться ею. И вы нас не разочаровали – хотя мы не можем сказать того же самого о тех, кто правит теперь от вашего имени на юге.

Сначала Мириамель не знала, что сказать, ведь она так долго думала, что смерть Ган Итаи была быстрой и легкой, и на глазах у нее появились слезы.

– Она меня спасла. Она действительно меня спасла! – только и сумела выговорить Мириамель.

Ган Даха не пытался утешить королеву, он просто терпеливо ждал, когда она вытрет слезы.

– Я рассказал вам об этом не для того, чтобы вы испытали печаль, – наконец проговорил он.

– Все в порядке. Я в таком долгу перед Ган Итаи, что не в силах выразить это словами – и я бы не сумела ей отплатить, даже если бы она осталась в живых. Могу я что-то сделать для ее семьи? Мне бы следовало подумать раньше, попытаться найти ее родственников. – По щекам Мириамель снова потекли слезы, и она вытерла их рукавом платья. – Я в долгу перед вашей семьей, Ган Даха, и приношу извинения. Такова судьба монарха, ты всегда разочаровываешь одних и обманываешь других, хотя у тебя и не было подобных намерений.

«Я рассуждаю, как мой муж», – подумала Мириамель и снова почувствовала, как сильно по нему скучает.

– Нам от вас ничего не нужно, – ответил ниски, – во всяком случае, если речь идет о наградах и благодарности. Но старейшины хотят аудиенции с вами, когда вы доберетесь до Наббана. Они говорят, что это важно и для вашего народа, и для нашего. Вот почему они отправили меня в Мермунд, чтобы я пел для «Илиссы» и у меня появился шанс поговорить с вами. Я не рассчитывал, что мне будет сопутствовать удача и мое поручение будет выполнено так скоро. Вы готовы встретиться с ними в Наббане, не прикладывая особых усилий? Старейшины просили передать вам, что скрытность лучше открытости, во всяком случае, до тех пор, пока вы не услышите то, что они хотят сказать.

– Конечно, – ответила Мириамель. – Как я уже сказала, я в огромном долгу перед вами и вашим народом. Но как я узнаю, куда и когда мне следует прийти?

– Вам сообщат, когда придет время, – сказал Ган Даха, и его большие глаза заблестели, словно он подумал о чем-то забавном и неизвестном Мириамель. – Вам не следует удивляться. У нас есть способы связаться с вами даже в великом Санцеллане Маистревисе.

Когда Мириамель вышла из каюты ниски и вновь поднялась на полубак, она настолько погрузилась в давние воспоминания, что сначала не услышала, как кто-то ее зовет. Оказалось, что это Дина, хорошенькая молодая горничная, которая уже довольно долго искала королеву, и теперь ее круглое лицо раскраснелось, а выющиеся волосы выбились из-под чепчика.

– Ваше величество, вот вы где! Я вас повсюду ищу! Капитан хочет с вами поговорить.

Мириамель закатила глаза. Не прошло и часа после того, как они вышли из порта, а ее уже гоняют с места на место, как волан.

– Неужели капитан рассчитывает, что я побегу к нему, как девка из таверны?

– Нет, ваше величество! Он здесь! Смотрите, вот он идет!

Капитан Фелиссо действительно быстро поднимался по лестнице, размахивая чем-то белым.

– Ваше величество, ваше величество, тысяча извинений – нет, сто тысяч, потому что мы не могли вас найти! – Фелиссо родился в Пердруине, и, как только начинал сердиться или волноваться, у него появлялся акцент, поэтому сначала Мириамель не поняла, что он говорит.

– Но я здесь, капитан. Я не упала с корабля в воду, и что бы мои леди ни говорили, едва ли мне могут угрожать килпы.

Он бросил на нее удивленный взгляд, но к нему тут же вернулась уверенность.

– Да, конечно, вы совершенно правы. Но я по-прежнему невероятно сожалею, что не мог вас найти, на случай, если вы захотите ответить. Но, к счастью, посланец еще на борту. Он приплыл на маленькой лодке и утверждает, что это важно.

– Кто утверждает? Должна признаться, я не понимаю, что вы пытаетесь мне сказать, капитан.

– Почти сразу после того, как наш корабль покинул порт, за нами вдогонку отправился посланец. Мы его увидели и подождали, пока он нас не догнал. У него послание для вас – от короля, так он сказал. От вашего мужа из Эркинланда, от самого короля!

– Да, мой муж король, тут не может быть ни малейших сомнений. – Мириамель с тревогой посмотрела на сложенный белый лист пергамента. – Могу я его взять, капитан, если он предназначен мне?

Фелиссо подпрыгнул, словно кто-то попытался ударить его топором.

– О, клянусь всеми святыми, ваше величество, конечно. Прошу меня простить. – Он низко поклонился и протянул письмо Мириамель.

Она узнала печать Саймона и его почерк, разборчивость которого, как и правописание, оставляли желать лучшего. Она прочитала первую строчку, потом вторую, потом обе сразу с самого начала. Ей показалось, что у нее внутри возникла дыра, и в нее ворвался холодный воздух.

– Ваше величество? – спросила Дина, которую испугало выражение лица Мири. – Вам нехорошо?

– Пожалуйста, ваше величество, могу я предложить вам руку? – сказал капитан. – Я надеюсь, вы не получили плохие новости.

– О, новости действительно плохие, – сказала она, но поняла, что говорит так тихо, что они вряд ли ее услышали. – Боюсь, так и есть, – сказала она громче. День превращался в нечто нереальное, сон, ошибку, из тех, что следует забыть и начать заново. – Мой муж пишет, что принцесса Идела, жена нашего сына и мать наследника Верховного престола, мертва.

Она оставила капитана стоять на палубе со словами соболезнования, а когда Дина попыталась что-то сказать, Мириамель отмахнулась от нее. Сейчас она не хотела ни с кем говорить.

Все. Ничего. Она чувствовала все и ничего. Мир, который она приветствовала сегодня утром, оказался совсем не таким, как она думала, и теперь Мириамель чувствовала себя потерянной в бескрайнем океане, мучительно далеко от дома.

Глава 3

Невидимые

– Ты знаешь, как твой отец потерял руку, Дерра? – однажды спросила ее мать таким тоном, будто собиралась открыть страшную тайну.

Она часто так говорила, упоминая вещи, совершенно не связанные с темой предыдущей беседы, словно отвечала голосам, которые слышала только она.

– На войне, – ответила Дерра, тогда ее называли именно так. – Он сказал, что это случилось очень давно, еще до того, как он встретил тебя.

– Он потерял ее из-за женщины, – продолжала Воршева, словно ее дочь даже рта не открывала. – Из-за женщины, которую он все еще любит и память о которой хранит в своем сердце, как сокровище.

– Как можно говорить такие глупые вещи ребенку, – со смехом сказал ее отец, но на его лице появился гнев. – Я сражался, чтобы защитить жену своего брата. На наш караван напали, и ее убили, так что это печальная история. И, кстати сказать, ее убили тритинги – народ твоей матери.

Ее мать повернулась к нему:

– Но не мой клан! Мой клан сражался на стороне твоего отца!

Дерра перестала обращать на них внимание, потому что все это она уже слышала раньше. Она просила отца рассказать ей его историю до тех пор, пока он не согласился. Дерра не помнила, сколько ей было лет, когда она заметила, что ее отец не похож на других мужчин клана и что у большинства из них две руки. И с того момента ей ужасно хотелось узнать, как все произошло. Ее брат Деорнот, как ни странно, не испытывал подобного желания, он даже ушел от них, когда отец начал рассказывать свою историю.

Но Деорнот всегда был таким. Он не любил кровопролитие, даже в историях. Однажды, когда они были совсем маленькими, он ударил Сагру, мальчишку, который жил рядом с гостиницей их родителей, и разбил ему нос. Деорнот прибежал домой, спрятался под одеялом и отказывался из-под него вылезти даже после того, как Сагра пришел, чтобы позвать его поиграть.

Зато Дерра всегда любила истории. Ее не беспокоило, что у отца только одна рука или что он прежде был принцем, а потом решил перестать им быть, – эту историю ей часто рассказывала мать, иногда в качестве доказательства его любви к ней, а порой прямо в противоположном смысле, когда ей становилась невыносимой жизнь в этом «вонючем мокром месте!» – Кванитупуле, их доме, который находился на границе болотистого Вранна.

Думать о тех днях сейчас было странно, в особенности когда они остались так далеко в прошлом – и вовсе не из-за расстояния или ушедших годов. Длинная извивающаяся дорога, которая привела ее к этому убежищу в темноте, под огромной горой Наккига, дала ей возможность предаться отрывочным воспоминаниям, подобным бусинам от ожерелья.

Когда их отец не вернулся из путешествия, Воршева впала в отчаяние. После месяца яростных обвинений в адрес исчезнувшего мужа она приняла решение вернуться на север вместе с Деррой и Деорнотом – однако так и не рассказала, что собиралась сделать. Воршева продала гостиницу, которая называлась «Чаша Пелиппы», вместе с ее прекрасной репутацией за смешную сумму – даже Дерра, несмотря на то что ей было всего десять лет, понимала, что толстый купец их обманул, – и отправилась в путь, погрузив вещи на одну телегу.

Однако на дороге их захватили тритинги, которых более всего интересовал кошелек Воршевы, а потом они услышали, как она бормочет что-то на их собственном языке. И всего через несколько дней всю семью – забрав у них ценные вещи и монеты, оставшиеся после продажи гостиницы, – доставили к отвратительному отцу Воршевы, тану Фиколмию, правителю большей части Высоких тритингов. С этого момента жизнь Дерры изменилась от плохой к ужасной. Ее брата-близнеца Деорнота отослали жить в другой клан – ему даже не дали попрощаться с семьей. А Дерра и ее мать стали рабынями Фиколмия, им приходилось работать от восхода до заката вместе с другими женщинами в лагере ее деда.

Дерра могла бы смириться даже с такими ударами судьбы, но с каждым днем после того, как Деорнота отослали прочь, ее мать все больше теряла интерес к жизни. Под глазами Воршевы появились черные круги, а лицо исхудало – она заставляла себя есть. Более того, она перестала обращать на Дерру внимание и даже старалась ее избегать. Лишь добрая тетя Хьяра, единственное хорошее, что случилось с Деррой после исчезновения отца, пыталась объяснить ей, что Воршева не сердится, а вспоминает ее близнеца, своего исчезнувшего сына, и это разбивает ей сердце.

– Она вернется к тебе, – говорила Хьяра, – только дай ей время.

Но Дерра не могла так долго ждать. Каждый день ей казалось, что ее хоронят заживо. Ей даже не разрешали подходить к другим детям – дед считал, что она уже слишком взрослая для игр, когда нужно сделать столько работы.

И, что хуже всего, дед стал обращать на нее внимание в других смыслах – о чем Дерра даже не могла поговорить с матерью, поскольку та вообще не обращала на нее внимания, и даже с тетей Хьярой. И когда приставания старика стали невыносимыми – по ночам Дерра не могла спать, опасаясь, что дед придет в ее постель, она решила сбежать из лагеря, от чудовищного деда и молчаливой мрачной матери, которая вела себя так, словно потеряла обоих детей, а не одного...

Она остановилась, напуганная шумом подземного озера. Она шла, ни на что не обращая внимания, погрузившись в воспоминания, но звук напомнил ей, что она находится под землей города Наккига и, если попадетсЯ, ее ждет неминуемая смерть. Или что-то по-хуже.

Она постаралась полностью обхватить ладонью сияющую сферу, которая называлась ни'ю, и та превратилась в красную паутину между ее указательным и большим пальцами. Некоторое время она стояла и слушала. Раздался плеск. Возможно, это рыба, но из этого следовало, что она совсем близко подошла к берегу подземного озера. Насколько она знала, в других домах на берегу озера никто не жил, ведь они принадлежали богатым аристократам, совершавшим долгое путешествие сюда из центра города только во время фестивалей.

Но в доме клана Эндуйа, Кимабу, жена ее любовника и господина Вийеки, уже должна была сообразить, что Зои сбежала. Поэтому она не могла допустить, чтобы ее заметил какой-нибудь садовник или слуга, готовящий дом к прибытию богатого господина, – никто не должен был сообщить хозяевам, что видел смертную женщину возле озера.

Может быть, плеск означал что-то другое? В темных туннелях жили существа, о которых даже Вийеки избегал говорить, а он являлся Магистром ордена, который пробивал эти проходы.

Она присела и застыла в неподвижности. Теперь, когда она спрятала сферу, единственным источником света остались диковинные сияющие черви, висевшие над озером на нитях

сверкающего шелка. Зои подумала о прежних днях, о первой своей жизни, когда ее называли Дерра, и на мгновение сумела представить, что эти блистающие существа – звезды на огромном небе над землями, которые она не видела много лет.

«Тритинги, – подумала она, – и Эркинланд, и последние дни в Риммерсгарде, с Росквой и Асталинскими сестрами. Огромное небо, простирающееся во все стороны, и горы, такие далекие, что кажутся тенями...»

Она снова услышала плеск, и ее сердце ускорило свой бег, но теперь она была практически уверена, что звук издала рыба или лягушка; страх стал отступать. Зои знала, что ей очень скоро следует начать думать о том, как поймать рыбу; еда, которую она захватила с собой из кладовой, скоро закончится. Она изо всех сил старалась растянуть свои запасы, хотя ей было трудно оценить, сколько прошло времени в темном доме в пещере, глубоко под землей, где она даже не осмеливалась развести огонь, опасаясь, что кто-то его заметит.

День за днем она жила в совершенно темном доме, в черной пещере, где мрак разгонял лишь призрачный свет червей, и постепенно у нее стало возникать ощущение, будто она оказалась в заточении в кошмарном сне, которому нет конца. Поэтому она начала ежедневно гулять вокруг озера в сторону богатого особняка, расположенного на некотором расстоянии от дома Вийеки. Судя по внешним украшениям и спирали на дверях, дом принадлежал высокопоставленному члену Ордена Песни.

Она бы никогда не осмелилась пересечь его порог, но владелец дома поставил чудесные водяные часы на границе своих владений. Часы представляли собой поразительную конструкцию, состоявшую из шестерней и желобов, а также нескольких каменных кувшинов с водой, но по циферблату, расположенному в центре самой большой шестерни, Зои могла определить, как меняются фазы луны в небе над горой, по другую сторону непостижимо огромной массы скал.

Тем не менее шум продолжал ее пугать, она решила отказаться от сегодняшнего визита к водяным часам и повернула обратно.

«Это темнота», – сказала она себе, медленно шагая обратно и продолжая сжимать сферу так, что только тонкие лучики света освещали ей путь. Она думала, что уже изучила все ее жестокие трюки, пока жила в Наккиге, но если жизнь в мрачном городе хикедая была тяжелой, то здесь было еще хуже.

«Но я могу выжить. Я должна».

Она говорила себе, что должна дожить до возвращения Вийеки. Если ее поймут, Кимабу позаботится, чтобы ее убили. Но даже это не имело значения по сравнению с настоящим ужасом: Кимабу будет мало уничтожить только Зои, она захочет избавиться еще и от Нежеру, незаконной дочери своего мужа.

Нежеру, ее дочь Нежеру, такая странная и такая красивая, свирепый маленький зверек с того самого момента, как она появилась на свет. Зои никогда не делала вид, что понимает своего ребенка, но это не мешало ее беспомощной любви.

«Я не позволю этой ведьме причинить вред моей дочери, – думала она, медленно поднимаясь по главной дорожке и шагая по скромной территории дома Вийеки. На мгновение нахлынувший гнев рассеял ее страхи. – Я умру, вцепившись в глаза Кимабу, если потребуется, зубами перегрызу ей горло».

Она настолько погрузилась в фантазии, что не остановилась послушать у двери, выходящей в сад, как поступала всегда. Она успела пройти половину коридора, когда услышала шум, доносившийся из кухни.

Шепот.

Зои остановилась так быстро, что едва не упала. Тысячи идей одновременно пронеслись у нее в голове – сюда явилась стража Хамака, искавшая ее, или воры, которые ее убьют, прежде чем ограбить дом Вийеки, может быть, мертвенно-бледные тени, поднявшиеся из глубин. Но шепот ли она слышала или что-то еще? Она помедлила еще немного, прислушиваясь с быстро

бьющимся сердцем к звукам, не в силах различить слов – писк, щебет дребезжание маленьких существ, бегающих по каменному полу кухни.

«Крысы! О, Усирис и все остальные боги, что, если они нашли запасы моей еды?»

Зои нащупала одну из тростей Вийеки, стоявшую у стены, и медленно двинулась по коридору, стараясь бесшумно скользить по гладко отполированному полу. Чем ближе она подходила к кухне, тем более отчетливыми становились странные звуки; на мгновение ей показалось, что она улавливает ритм, нечто похожее на речь.

Она высоко подняла трость, распахнула дверь и подняла вверх *ни'йо*. Зои нажала на нее пальцами, сфера стала ярче, мгновенно осветив помещение.

Глаза. Гротескные формы, и глаза, обращенные к ней, – ходячий кошмар.

Зои ахнула и едва не выронила сферу. Стоявшие перед ней фигуры ожили, запищали и зашипели, и бросились во все стороны, чтобы избежать яркого света. Она разглядела глаза, руки, ноги, но уже через несколько мгновений существа разбежались по темным углам кухни или выскочили мимо нее в коридор, так что она не сумела сразу понять, кто побывал на кухне.

Одно не вызывало сомнений: это были не крысы, она видела лица. Смертные, как она сама? Нет. Хикедэ'я? Нет. И в этот момент охватившей ее паники она даже не сумела подумать о молитве, хотя ей отчаянно хотелось обратиться ко всем богам одновременно.

От неожиданности Зои упала на спину; ее пальцы перестали сжимать сферу, и свет начал тускнеть. Она слышала скрежет и шорохи, но по мере того, как в кухне становилось темнее, шум слабел. А когда темнота стала полной, наступила тишина.

«Монстры», – такой была ее первая мысль, когда она вспомнила жутких существ, которых показал ей свет. Быть может, маленькие монстры, но как еще их можно назвать? Среди них было одно, похожее на голого ребенка с одной очень длинной конечностью, а у других она и вовсе не заметила рук или ног, еще она успела увидеть толстых, похожих на жаб существ с человеческой кожей и выпуклыми, но человеческими глазами. Однако детали уже начали исчезать из ее памяти – все произошло слишком быстро, слишком дико и странно, слишком неожиданно.

«Кто они такие? И почему эти жуткие существа оказались здесь? Я лишилась своего убежища».

Ее мысли были подобны лавине камней. Монстры все еще ее окружают! Она выпрямилась, почти уверенная, что вот-вот почувствует руки, хватающие ее за лодыжки, потом сжала и потеряла сферу, пока та не засияла с новой силой, но в ее желтом свете кухня оставалась пустой и безмолвной.

Нет, не безмолвной, сообразила Зои через мгновение. На фоне своего неровного испуганного дыхания она услышала тихий невнятный стон, доносившийся из дальнего конца кухни. Что это за существа? Зои немного радовалась, что они были так же напуганы, как и она сама, но не слишком рассчитывала, что ситуация изменится.

«Мне следует немедленно отсюда уйти, – сказала она себе. – Кем бы они ни были, в доме мне совершенно точно будет грозить опасность».

Но Зои провела много дней, исследуя дом в темноте, и нашла потайные места для всех своих вещей, чтобы никто, неожиданно сюда вошедший, не узнал о том, что она здесь живет, пока он не поймает саму Зои. И куда она пойдет? Вероятно, в другой дом у озера, где, вполне возможно, полно безволосых пещерных крыс, или кем еще являются эти жуткие существа? Еще один фестивальный особняк, в котором, в отличие от домика Вийеки, может кто-то появиться в любой момент?

Она услышала шум, доносившийся из кирпичной печи, странный высокий звук, словно его издавало задыхающееся животное или собирался заплакать ребенок. Едва ли такие звуки могло издавать большое существо, поэтому Зои нащупала в темноте упавшую на пол трость и стала медленно и бесшумно вставать. Кухня была длинной – когда в доме появлялись хозяева,

они приезжали вместе с большим количеством слуг и гостей, и здесь приходилось готовить еду для всех.

Зои шла по полированным плиткам в темноте, поражаясь тому, как много времени это занимает. Когда она уже почти подошла к печи, ее нога на что-то наступила, и всхлипывания сразу прекратились. Зои невольно вскрикнула и осторожно нащупала то, на что она наступила, – это была горбушка хлеба. Она нажала на сферу, чтобы стало светлее.

Тот, кто издавал странные звуки, продолжал молчать. Горбушка хлеба оказалась самым большим куском еды на полу; рядом валялись крошки и мелкие объедки. Охваченная ужасом Зои заметалась по кухне, уже не думая о том, что свет могут заметить снаружи, и распахнула шкаф, где хранились ее запасы хлеба, несколько больших караваев, которые помогли бы ей прожить в течение нескольких недель.

Ничего не осталось. Все исчезло. Несколько кусочков сушеных фруктов и колбасы валялось среди обглоданных корок, подтверждая то, чего она боялась больше всего, но она все равно вытащила корзину с крышкой, где хранились остальные запасы, и обнаружила, что все, кроме колбасы в воске и нескольких маленьких кусочков сыра, исчезло.

Зои с трудом сдержала крик ярости и горя. Все ее запасы, добытые с таким трудом и так тщательно спрятанные, пища, которой ей бы хватило до луны Небесного Певца, или даже Черепахи, пропали.

Теперь ей оставалось лишь вернуться в Наккигу или умереть от голода.

Ею снова овладела ярость. Она подняла *ни'йо* и осветила всю кухню, в том числе круглую кирпичную печь. Тот, кто спрятался внутри, продолжал издавать тихие стоны ужаса. Разгневанная, напуганная, раздраемая самыми разными чувствами, она опустила сферу к дверце печи, стараясь не подходить слишком близко – вдруг у того, кто там прячется, есть когти. Потом она распахнула дверцу печи.

Из глубины печи на нее смотрел ребенок, не человек и не хикедэ'я, но не слишком далеко ушедший и от тех, и от других. Обнаженный, с огромными глазами ребенок с раздутым животом, без рта между носом и уходящим вниз подбородком, и с перерезанным горлом – жуткой раной посреди шеи.

Зои в ужасе отпрянула и едва снова не упала. Существо в печи издало тихий испуганный крик, но не попыталось сбежать. Зои снова наклонилась к открытой печи. Огромные глаза смотрели на нее, темные, как куски угля.

Зои разглядела со смесью удивления и отвращения, что это вовсе не рана на шее, а рот, который по неизвестной причине оказался на шее, а не на лице. Ей мгновенно вспомнилось все, что она слышала про демонов и монстров из сказок матери о чудовищах степей и истории валады Росквы, ее подруги и наставницы, предупреждавших о не знающих покоя существах, которые следят за живыми из-за полога смерти. Но тут противоестественный рот существа, сидевшего в печи, сморщился, потом открылся, оно издало крик ужаса, и Зои мгновенно превратилась в мать.

– *Ничего, ничего*, – сказала она, внезапно сообразив, что шум может оказаться для нее опаснее, чем диковинное маленькое существо. – *Успокойся. Не кричи*. – Сама того не заметив, Зои перешла на язык степей, повторяя слова матери. – *Тише. Ночной Едок услышит*.

И тут, словно доказательство ее правоты, Зои услышала странный неравномерный шум в коридоре – *змп-пумс, змп-пумс, змп-пумс*. И тот, кто так топал, не мог быть маленьким монстриком, как существо в печи, он казался более тяжелым, чем смертный или хикедэ'я.

Охваченная ужасом Зои вспомнила про вторую дверь в кухне только после того, как она с шумом распахнулась. Она подняла сферу и сделала шаг назад. Огромное двухголовое существо из безумного кошмара стояло в дверном проеме. Оно выставило перед собой бесформенные руки, яростно взревело и бросилось вперед.

Сфера выпала из ослабевших пальцев Зои, и на мгновение ей показалось, что все вокруг начало метаться в воздухе, потом *ни'йо* упал на пол и погас.

Зои бросилась за ним, вытянув вперед обе руки, нашла сферу и выставила ее перед собой, как оружие, одновременно сжав, снова вызвав яркий свет. Огромное существо возвышалось над ней, но тут же со стоном отступило назад, словно свет был для него таким же болезненным, как огонь. Жуткий зверь принялся тереть глаза тыльной стороной массивного предплечья, и Зои отступила назад. К ней повернулось огромное лицо с плотно закрытыми глазами, причудливое и бесформенное, точно демоническая маска шамана степняков, вялый рот, обида и удивление мешались с непониманием, характерным для самых тупых животных.

– Не бойся, – сказал монстр со странным акцентом на хикеда'ясао, но вялый рот не пошевелился, словно подтверждая, что лицо – не более чем маска. – Мы не причиним тебе вреда.

Теперь Зои заметила, что вторая голова, такая же гротескная, как и первая, лысая и с круглыми, слегка косыми глазами, с интересом, как показалось Зои, наблюдала за ней, и, когда снова зазвучал голос, она поняла, что говорит именно она.

– Пожалуйста, больше не делай свет таким ярким, – попросило существо. – От него болят глаза у меня и у Дасы.

Зои собралась сделать свет максимально ярким, но голос звучал спокойно и убедительно, казалось, существо извиняется, и Зои заколебалась. Она отошла еще на пару шагов и только тогда сумела разглядеть, что на кухню вошло не существо с двумя головами, а два существа, и одно из них несло другое. Говорящая голова покачивалась на сморщенном, почти детском теле, ноги которого заканчивались обрубками в том месте, где должны находиться колени. Кивающая диковина удобно устроилась на сгибе мощной руки носильщика, одного из почти лишенных разума тинукед'я, выведенных для служения, но у этого была высохшая нога, и Зои поняла происхождение странных звуков, которые слышала раньше.

Впрочем, она знала, что в Наккиге не могло быть носильщика калеки, не говоря уже о существе размером с ребенка, но без ног – хикеда'я никогда не оставили бы в живых таких уродливых существ. Даже Вийеки, самый добрый из всех хикеда'я, которых она знала, приказал бы их уничтожить.

– Кто вы такие? И что вы такое? – спросила Зои дрожащим голосом.

– Найа Ноз, – ответил изуродованный ребенок. – А это мой названный брат Даса. Он не говорит. – Распухшее детское лицо стало мрачным. – Мы Невидимые – но ты не должна беспокоиться. Наши младшие украли у тебя еду. Мы сожалеем, но они долго оставались без пищи, а последний урожай был очень плохим. Мы постараемся вернуть тебе то, что они забрали.

События дня получились такими шокирующими, что Зои могла только ошеломленно смотреть, как существо размером с ребенка позвало оставшихся Невидимых, которые стали выскакивать из-за печи и других потайных мест, испуганно поглядывая на Зои, промчались мимо нее, словно она была спящим хищником, а не жертвой их набега. Маленькие страшилки последовали за своими спасителями и через несколько мгновений исчезли в темноте. Зои захлопнула за ними дверь и, спотыкаясь, вернулась на кухню, чтобы собрать оставшиеся крохи еды, безмолвно рыдая и сгребая их в кучку, – они станут ее поздним ужином – быть может, последней трапезой за долгое время.

Нонао, секретарь, заменивший бедного Йемона после казни, был незаметным даже по строгим стандартам хикеда'я, но Вийеки все же увидел его, когда тот встал снаружи простой наклонной стены из ткани, служившей материалом для палатки магистра. Вийеки не стал под-

нимать взгляд и приветствовать своего секретаря, а продолжал читать потрепанный экземпляр «Пяти пальцев руки королевы» – казалось, полностью сосредоточившись на книге. Наконец даже терпение Нонао стало подходить к концу: он слегка пошевелился и перенес вес с одной ноги на другую.

Вийеки бросил на него быстрый взгляд, чтобы показать, что видит Нонао, и снова опустил глаза на книгу.

– Что ты хочешь? – спросил магистр.

– Бесплезный слуга просит вашего прощения, Верховный магистр, но прибыл родственник королевы, принц-храмовник Пратики.

– О, – Вийеки продолжал скользить глазами по тексту, который не слишком его занимал.

Как и все представители его касты, он запомнил знаменитый трактат наизусть еще до того, как стал взрослым.

– Вы не хотите его приветствовать, Верховный магистр?

– Конечно, хочу! Вот почему я вернулся к словам почтенного Ксохаби. Чтобы напомнить себе, чего от меня ждут, что является правильным. – Он поднял книгу, словно Нонао не видел ее раньше. – Ты читал «Пять пальцев»?

– Да, господин!

– Она полна мудрости. В ней содержатся советы на все случаи жизни. – Вийеки начал читать: – «Пять пальцев – есть инструмент королевы, Матери народа, они кормят, укрывают и защищают ее народ. Без знания этих инструментов и умения их использовать, без энергичной решимости действовать ради всеобщего блага, дворянин будет только мешать, а не помогать королеве в ее великой работе». Ты с этим, конечно, согласен, Нонао?

– Конечно, господин. Я живу, стараюсь следовать этим мудрым словам, и они всегда присутствуют в моих мыслях, когда я служу вам и Всеобщей Матери.

– Хорошо, хорошо. – Вийеки продолжал игнорировать растущее беспокойство Нонао. – Каким же мудрым был великий Ксохаби! Ты только вслушайся, Нонао-тса, – элегантно простота его слов продолжает поражать, даже после стольких Великих лет! «Верность народу – есть первый палец. Если ты полностью не отдаешься своим людям, то становишься не лучше одинокого витико'я, живущего в пустошах, который охотится без стаи и умирает в одиночестве от голода». Как верно! Того, кто отказывается от своего народа, ждет одна судьба – смерть.

– Да, господин.

– И как много радости я извлекаю, возвращаясь к мудрости этой книги, сколько бы раз я ее ни перечитывал. Верность своему народу! Верность городу! Верность ордену и, конечно, нашей королеве и Саду, породившему нас!.. – Он покачал головой в ироническом изумлении. – Я слышал, что в этом тонком томике написаны все слова, которые необходимы для хорошей жизни. Я никогда не устаю от шедевра великого Ксохаби.

Нонао уже мучительно ломал руки, не в силах справиться с тревогой.

– Никто не почитает Ксохаби – или вас – больше меня, господин, пожалуйста, простите мою непростительную настойчивость...

Вийеки решил, что уже достаточно помучил слугу. Он не испытывал неприязни лично к Нонао, но Вийеки точно знал, что его новый секретарь сообщает о нем и его делах родственникам Кимабу, жены Вийеки, впрочем, как и многим другим. Найти честного и неподкупного кандидата на подобную должность было совершенно невозможно – таких во всей Накките днем с огнем не сыщешь, и ни у кого из них не хватало таланта и ума, чтобы хорошо выполнять работу чуть более сложную, чем намазывание масла на ломоть пуджа, – так что Вийеки вполне устраивал секретаря, которому он с самого начала не мог доверять.

«Однако мой старый наставник Яарик предупредил бы меня, что не следует обращаться с ним слишком плохо. Лучше иметь равнодушного врага, чем полного недовольства. И если я буду насмехаться над «Пятью пальцами» слишком явно, он об этом доложит кому следует», –

подумал Вийеки. Книга была предметом почти религиозного поклонения среди дворянства, хотя Вийеки не сомневался, что многие из самых ярких ее сторонников относились к раболепной книге Ксохаби не лучше, чем сам Вийеки.

«Таким образом, мы сами делаем из себя лжецов, тем самым доказывая, что и Ксохаби – лжец».

Новая мысль вызвала у него внезапный страх. Неужели он сходит с ума, если столь еретические идеи так легко приходят ему в голову в последнее время.

Жертвы выстроились на краю лагеря, застыв в суровой неподвижности рядом со строителями Вийеки и остальной частью отряда, пока принц-храмовник вместе со своей свитой поднимались по склону холма в глубокой синеве ясной ночи. На лице Верховного магистра застыло выражение безоблачного удовлетворения – единственно возможное для аристократа в присутствии родственников королевы. Вийеки заметил, что принц-храмовник одет в полные доспехи, соответствующие его положению, поверх он накинул белый плащ с желтой окантовкой. У Его безмятежного высочества Пратики были длинные белые волосы без украшений, а кожа такой бледной, что казалось, будто она испускает сияние, точно воск горящей свечи, но глаза принца-храмовника, пусть и спокойные и почти скорбные, внимательно наблюдали за всеми.

Он принадлежал к королевскому клану Хамака, только более позднему поколению, чем большинство доверенных слуг королевы, более того, он был лишь немногим старше самого Вийеки. Верховному магистру довелось встречать принца-храмовника лишь несколько раз – до того, как он стал Верховным магистром, их круги общения практически не пересекались, но даже и после этого они редко оказывались на одних и тех же советах или приемах, но он не слышал ничего плохого о Пратике. Тем не менее принц прибыл сюда для того, чтобы оказать официальную поддержку – опрометчивому, по мнению Вийеки, – вторжению в земли смертных, и он понимал, что ему следует относиться к королевскому родственнику с вежливой осторожностью.

Вийеки удивило, что представитель правящей элиты Пратики прибыл в сопровождении всего одной Руки стражи Дракона Хамако и нескольких священников. Кроме того, он не стал излишне затягивать церемонию встречи. Первым к нему подошел Вийеки, который приветствовал Пратики с подобающим уважением, но избегая красивых речей, поскольку знал, что принц-храмовник их не любит. Слухи оказались верными – Пратики без особого энтузиазма смотрел на генерала Кикити, высокого и худого, точно аист, который пустился в длительные заверения в верности королеве и клану Хамака, за ним последовала Согейу и ее Орден Песни, которые приветствовали Пратики, прибегнув к древним и изысканным формулам.

– Я уверен, что вам предстоит гораздо более важная работа, чем обеспечение удобствами одного представителя церкви, – сказал Пратики, когда все закончили, – но я благодарю вас от имени Всеобщей Матери. А теперь все свободны. Мои слуги позаботятся о моем размещении. О, Верховный магистр Вийеки, вы не окажете мне честь и не согласитесь на короткую аудиенцию?

Это прозвучало интригующе, пусть и немного тревожно. Вийеки ждал, когда слуги поставят шатер принца-храмовника – у него оказалось больше сторон, чем у простого навеса Вийеки, но в остальном он был достаточно скромным. Затем Пратики отпустил всех духовных лиц.

– Как продвигается выполнение поручения королевы? – спросил он у Вийеки, когда они остались в шатре вдвоем.

– Я могу доложить лишь о незначительном прогрессе, принц-храмовник, – Вийеки старался тщательно формулировать слова. – Время для моих строителей еще не пришло. Но, конечно, каждый час и каждый день я делаю все, что в моих силах, чтобы служить Всеобщей Матери.

Генерал Кикити сказал Вийеки, что они начнут выкапывать гробницу легендарного Руяна Ве, Навигатора, героя народа тинукедая, чья могила оставалась в течение многих лет под крепостью, которую смертные называют Наглимунд. Она находится недалеко от их владений, в долине, но в данный момент крепость занимают несколько тысяч смертных, в основном хорошо вооруженные солдаты. Вийеки не знал, какие усилия потребуются, чтобы захватить Наглимунд, и не представлял, как они сумеют добраться до могилы, не прибегая к открытому сражению. Но он не собирался задавать подобные вопросы лорду из высокого клана Хамака.

– Конечно, – сказал Пратики, и по его губам пробежала едва заметная улыбка. – Я вовсе не имел в виду, что вам уже следовало все завершить, Верховный магистр. Я знаю, что вы верный сторонник королевы. Насколько мне известно, вы принадлежите к клану Эндуйя, старой достойной семье, известной своим служением трону.

Вийеки продолжал искать скрытый смысл в словах принца-храмовника.

– Вы очень добры, ваша светлость, – только и ответил он.

– Нам с вами предстоит часто встречаться, – сказал принц-храмовник. – И я знаю, что вы будете служить королеве мудро и мужественно. Я лишь хочу сказать, что иногда бывает трудно примирить нужды и желания разных орденов, и здесь возможно возникновение именно такой ситуации. Пожалуйста, без колебаний обращайтесь ко мне, если вам потребуется помощь или совет.

– Я буду думать о вас, как о самой королеве, дарующей мне время и внимание, которых я не заслуживаю.

Пратики кивнул, но, как показалось Вийеки, не был полностью удовлетворен ответом. Со своей стороны, Вийеки мог только удивляться, почему член королевской семьи прибыл сюда, в эти дикие места, в преддверии войны со смертными. И зачем Всеобщей Матери нужны останки давно умершего тинукедая, пусть и такого знаменитого, как Руян Навигатор?

Он отвесил принцу-храмовнику поклон нужной глубины.

– Слава королеве, слава клану Хамака, – сказал он.

Глава 4

Шторм

В его сне она стояла над ним. Он ее не видел, но ощущал присутствие, прямое и холодное, точно клинок меча. И еще он чувствовал ее опасный гнев, но ему показалось, что он направлен не на него – во всяком случае, он молился, чтобы было именно так.

«Ветра слишком сильны, – сказала она. – Они возвращают мои слова обратно, или их уносит в темноту, где они исчезают и забываются».

Морган знал, что спит, и ему ужасно хотелось проснуться, но что-то, казалось, давило на него, удерживало во сне, и он чувствовал себя беспомощным спелёнутым ребенком.

«Ты должен им сказать. Ты должен сказать им за меня. Ветра слишком сильны».

Он и прежде ощущал это гневное присутствие, но во сне не видел лица, лишь кружение теней и вспышки света, словно сквозь разбитое церковное окно, со скорбными святыми на осколках, печальные глаза, рыдающие, стонущие рты.

«Кто ты?» Он не произнес эти слова, но чуждое присутствие уловило его мысль.

«Ты знаешь меня, смертное дитя. Ты знаешь меня. Первая Бабушка знала твоего деда. Я чувствую в тебе ее прикосновение – и чье-то еще... вкус Моря Сна...»

А потом он проснулся, лишенный надежд и одинокий – потерянный, потерянный в бесконечном Альдхорте. На сей раз он не заплакал, у него просто не осталось сил, и Морган пожалел об этом. Все что угодно, лишь бы избавиться от холодной неизвестности, наполнявшей его сознание. Он не мог вынести мыслей об этом. Он знал, что лес пытается свести его с ума.

Жаркие, изматывающие дни, после которых приходили холодные ночи, каждая следующая такая же, лишенная надежды, как предыдущая. Морган мечтал о вине, бренди или даже слабом пиве, чтобы отгородиться завесой алкоголя от тяжелых мыслей. Он предавался воспоминаниям о кувшине или кружке, которые кто-то разлил в его присутствии. Ему так отчаянно хотелось выпить хоть чего-нибудь, кроме воды, что он бы с радостью вылизал грязный пол таверны «Безумная девица», чтобы добраться до пролитого вина. Голод исчез, но ему на смену пришло отвратительное расстройство желудка, от которого его сжимали судороги и опустошали снова и снова, хотя он давно должен был опустеть. А еще ему казалось, что его голова тлеет, точно горячий уголь.

«Ад – это отсутствие вина, – думал он. – Ад – это сухой рот и горящая голова».

После того как солнце несколько раз взойшло и село, порочные желания стали отступать, но он по-прежнему чувствовал себя больным, и все тело у него ныло, словно после проигранной драки. И тем не менее он заставлял себя идти дальше, пытался придерживаться южного направления, но, хотя он больше не возвращался к началу пути, как в первый раз, каждый следующий день завершался одинаково – Морган оставался в густом лесу.

Он часто думал о том, чтобы выбросить все свои бесполезные вещи, которые на себе нес – меч, материнскую книгу Эйдона, смешные железки, которые дал ему Сненнек. И тяжелые

доспехи? Разве они защищают от отчаяния? Разве спасут его от голода и постепенно ускользающего разума? Но, хотя он снял тяжелую кольчугу, Морган не мог ее выбросить, поэтому просто повесил ее на плечи и сделал вид, что когда-нибудь она ему понадобится. Какая-то часть его уцелевшего разума подсказывала: как только он начнет избавляться от бесполезных вещей, то уже не сможет остановиться и постепенно останется голым, за исключением нескольких тряпок, будет есть листья и траву и пить росу, точно спятивший отшельник. А когда он умрет, от него останется лишь скелет, и те, кто его найдет, не узнают, кем он был.

«Голый принц. Принц Костей. Морган Бессмысленный, последний в династии».

Но что-то не давало ему сдаться, и еще через пару дней, проведенных в лесу, дикое, безрассудное стремление к крепкой выпивке наконец потускнело до тупой боли, стало незначительным, но неизменным сожалением. Теперь голод и отчаяние превратились в его главных врагов. Он брел по тропам, протоптанным животными, или расчищал себе дорогу в подлеске мечом, постоянно заставляя себя двигаться вперед.

«Если я продолжаю шагать, значит, я не умираю», – говорил он себе, хотя и не был до конца уверен в том, что это правда.

И он шел и шел дальше, спотыкаясь. Проходили долгие дни, и он вспоминал, что однажды сказал ему дед: «Ты не узнаешь, что попал в историю, до тех пор, пока тебе не расскажет ее кто-то другой».

Попал ли он в такую историю? Или это лишь история его смерти? Быть может, что-то непредвиденное все изменит. Вдруг кто-то из эркингардов уцелел и теперь пытается его найти. Быть может, его бабушка и дедушка отправили отряд на его поиски.

«Да, быть может, – шептал мрачный голос. – Быть может, деревья начнут танцевать, а горы – петь».

Он продолжал спать на широких ветвях больших деревьев, дубов или ясеней, опасаясь хищников, которые могли разгуливать по лесу ночью, и научился просыпаться, прежде чем поменять положение, чтобы не упасть – никогда не забывая, что он находится высоко над землей. Наблюдатели с широко раскрытыми глазами, шепот неизвестных существ, сидящих на вершинах деревьев, окружавших его в первую ночь, по-прежнему иногда появлялись, но теперь их стало заметно меньше, он редко их слышал и лишь изредка видел лунные отблески в их глазах. Ему казалось, что и они постепенно потеряли к нему интерес.

«Сегодня пятый или шестой день? – недоумевал Морган, шагая вдоль почти высохшего русла ручья. – Или седьмой?»

Моргана напугало то, что он не знал ответа, и тогда он попытался вспомнить все, что с ним произошло, но дни были настолько одинаковыми, что у него ничего не получилось.

Он доел все свои припасы до последней крошки, и, хотя расстройство желудка прекратилось, боль в желудке только усилилась. Морган нашел ягоды бузины и боярышника, и они немного прогнали боль и голод, а на маленькой, залитой солнцем лесной поляне натолкнулся на яркие заросли одуванчиков и съел их все, цветы и листья. Сейчас он дожевывал последний, и неважно, что вкус у одуванчиков был совсем не таким, как у блюд, о которых он мечтал с того момента, как прошло расстройство – толстый бифштекс с кровью, горячие караваи хлеба, пудинги, пироги и ароматные сыры, – они слегка притупили его невероятный голод. Впрочем, в густом Альдхорте не стоило рассчитывать найти много любящих солнце одуванчиков, да и сезон ягод подходил к концу. Ко всему прочему Моргану никак не удавалось найти грецкий

орех или каштан, как он ни пытался. Его знания о том, как прокормиться в лесу, были такими же скудными, как оставшиеся силы.

«Что ел дед, когда заблудился в лесу – в этом же лесу?»

Морган уже не в первый раз пожалел, что не слушал Саймона более внимательно, но ему и в голову не могло прийти, что с ним самим может произойти нечто подобное.

«Ты не узнаешь, что попал в историю, до тех пор, пока тебе не расскажет ее кто-то другой».

И он принялся напевать коротенькую песню:

«Морган умер с пустым желудком, с широко раскрытым ртом и зажмуренными глазами».

Ему слишком хотелось есть, чтобы смеяться.

«Неужели это все ты придумал, мой господин Бог? Ты решил постепенно унижить меня, шаг за шагом, пока я не откажусь от своего упрямства и не скажу, что мои бабушка и дедушка были правы? Ну хорошо, я ошибался во всем. Я глупец. Выведи меня к опушке леса или к хижине крестьянина. Пошли умирающего оленя, или еще лучше – лук со стрелами, чтобы я сам подстрелил какого-нибудь зверя».

Но Бог, Всемогуший Отец Мира, казалось, его не слышал, или, если и слышал, еще не был готов простить свое заблудшее дитя. Морган проглотил проклятия. Если ему требовалось Божье прощение, то такой момент наступил. Мысль о том, каким будет настоящий голод, ужасала Моргана. Воду ему даст утренняя роса, но скоро придет осень, а потом зима...

«Зима! – Он сам себя удивил. Морган уже начал думать о том, что не выберется из Альдхорта до начала зимы. – Но мне столько не прожить».

Наконец, во второй половине седьмого или восьмого дня, что-то изменилось, но не о таких переменах мечтал Морган. Небо сильно потемнело, деревья стали раскачиваться, в особенности верхние ветки, и Морган понял, что начинается летняя буря.

Плащ мог хоть как-то защитить его от дождя, и он не сомневался, что, если промокнет, вода и холод станут для него смертным приговором, поэтому принялся искать место, чтобы спрятаться от непогоды, но не рядом с деревом, ведь даже глупцы знают, что они притягивают молнию – особенно дубы, ветви которых имеют форму молнии. По мере того как вокруг темнело и ветер набирал силу, Морган почти забыл о голоде, таким сильным был его страх перед бурей.

Солнце находилось высоко в небе, но оно полностью скрылось за тучами, и в лесу стало темно, как вечером, а деревья, точно безумные, раскачивались на ветру. Упали первые капли дождя, словно кто-то принялся швырять в Моргана камни, и, хотя даже после стольких дней блуждания по лесу Морган был уверен, что месяц тьгар еще не закончился, стало холодно, как зимой.

Морган пошел вверх по склону, пытаясь найти сухое место, где он мог бы переждать бурю. Дождь уже в нескольких местах промочил его шерстяной плащ, и он стал тяжелее, чем кольчуга. По мере того как земля в лесу превращалась в грязь, его сапоги начали в ней застревать, словно злые дети бежали за ним и хватали за ноги. Один раз он даже потерял сапог, и ему пришлось сесть на землю и двумя руками вытаскивать его из липкой ловушки. Между тем небо становилось все темнее, а вой ветра более пронзительным.

Наконец Морган добрался до ясеновой рощи на скалистом склоне, где древние часовые охраняли известняковое обнажение пород, величиной с церковь. Крошечная гора под углом отходила от заросшего лесом склона, Моргану удалось отыскать расселину, в которой с трудом

поместился, и он спрятался от дождя, хотя места было совсем мало, чтобы разжечь костер, к тому же хворост на земле быстро пропитывался водой. Морган сбросил кольчугу в сторону, затем снял плащ и сел на него. Поджав колени к груди, он смотрел, как водяной поток мчится по склону. Он так и сидел, дрожа, погружившись в мрачные мысли, пока не наступила полная темнота, и он уже ничего не мог разглядеть дальше своих ног.

Ночью буря усилилась, стволы ясеней трещали, хлопали ветви. Ветер заносил брызги внутрь, и Моргану пришлось еще дальше забиться в расселину, чтобы не промокнуть. «Интересно, – подумал он, – что происходит с существами, шептавшимися в вершинах деревьев. Есть ли у них гнездо или нора для таких случаев? Они просто сидят на ветвях или прячутся в сухом теплом месте?» Прежде он никогда не думал о таких вещах, но сейчас ему показалось, что это важно.

«Если завтра я не сумею разжечь костер, то сойду с ума», – подумал он.

Порто и сержант по имени Левиас возглавляли небольшой отряд эркингардов, которые собрали продовольственный налог в ближайшем графстве Ливорт и возвращались в лагерь, где солдаты ждали возвращения графа Эoleyра и принца после выполнения миссии у ситхи. Сбор продовольствия занял больше времени, чем они рассчитывали, потому что местный барон протестовал против любых реквизиций и даже гневно заявил, что поставит Верховный престол в известность о творящихся безобразиях, пока интендант эркингардов не продемонстрировал приказ, подписанный герцогом Осриком и королем.

– Если бы барону пришлось кормить целую армию вместо небольшого отряда, – сказал Левиас Порто, – у него бы случился припадок, и он свалился бы замертво. – Порто кивнул и рассмеялся.

Сержант Левиас был дружелюбным круглолицым мужчиной, для которого прошло уже десять лет после окончания юности. Порто нравилась его компания, к тому же он получал удовольствие от солнечного дня. Прошел уже месяц после того, как они покинули Хейхолт, и Порто нормально чувствовал себя в седле, если не считать, что изредка у него болели старые кости. Конечно, он беспокоился за Моргана, ведь принц и Эoleyр провели в лесу уже много дней, но все в руках Бога, и от самого Порто ничего не зависело. Ему оставалось только ждать вместе с остальными эркингардами и рассчитывать на лучшее.

Отряд неспешно ехал вдоль берега реки, возвращаясь из Ливорта, потому что телеги были нагружены зерном, пивом и прочими полезными вещами. Внезапно они увидели первый дым, поднимавшийся над южным горизонтом, темный шлейф над заросшими травой холмами между ними и лагерем. Сначала Порто это не встревожило – какой военный лагерь без костров? – но почти сразу дым заметил и Левиас.

– Тут что-то не так, – сказал сержант, но и он не выглядел особенно встревоженным. – Слишком много дыма, и он какой-то темный. Должно быть, горит один из фургонов.

– Да поможет нам Бог, – сказал один из пеших солдат, помогавший тащить телегу. – Будем надеяться, что это не фургон нашего повара. Я мечтаю об ужине. Мы отлично поработали.

– Не упоминай имя Господа всуе, – сказал ему Левиас. – Жалобы твоего желудка Ему неинтересны.

– Дома я слышал такие же слова от священника. – Молодой солдат по имени Ордвайн наконец доказал, что и у него есть голос. – Но когда я громко пернул, Бог неожиданно проявил ко мне интерес, и священник вышвырнул меня из церкви!

Порто не удержался и громко расхохотался, но Левиас лишь бросил на солдата взгляд, полный отвращения.

– Наступит день, и ты научишься бояться Бога. Остается надеяться, что не слишком поздно.

Вместо того чтобы продолжить обмениваться шутками с сержантом, молодой Ордвайн посмотрел вперед, и его глаза внезапно широко раскрылись.

– Смотрите, сержант. Дым стал гуще.

Порто и Левиас одновременно посмотрели в указанном направлении – черная туча больше походила на грозовой фронт. Остальные солдаты замерли на месте, и даже возницы остановили фургоны, лица у многих стали белыми как мел.

Часть темной тучи оторвалась от основания и устремилась к ним через неровный луг. На мгновение Порто застыл от страха, его отбросило назад в земли норнов, в те времена, когда ужасная магия Белых Лис вызывала пожары, заставляла обрушиваться огромные камни и даже сдвигала горы. Но то, что мчалось в их сторону, было вовсе не тучей дыма, сообразил старый рыцарь через мгновение, а лошади – лошади эркингардов, объятые ужасом, с закатившимися глазами, их копыта сверкали под полуденным солнцем, и на многих все еще оставались попоны с королевскими символами Драконов Близнецов.

– Клянусь Эйдоном, что там произошло? – сказал Левиас, забыв собственное правило не использовать понапрасну имя Господа. – Неужели горит весь лагерь? Ордвайн, возьми всех остальных и отправляйтесь за лошадьми, не дайте им сбежать. Попытайся успокоить и запрячь – если они ускачут в степи, мы их никогда не поймем. – Он повернулся к Порто: – Держитесь рядом со мной, сэр Порто. Здесь что-то не так!

Потом Порто плохо помнил то, что они увидели, когда галопом скакали в сторону дыма, если не считать нескольких мгновений, когда ему показалось, что мирная зеленая степь разверзлась и выплонула демонов из Ада. Лагерь эркингардов осаждали воины в доспехах, около сотни оборванных, но хорошо вооруженных тритингов на быстрых лошадях. Эркингарды отбивались, прячась за фургонами, но они оказались в меньшинстве, и большинство утыканных огненными стрелами фургонов уже горело. Скакавшие точно ветер кочевники атаковали со всех сторон, и многие солдаты, которые рассчитывали, что их защищают лагерные палатки, гибли от пущенных им в спину стрел.

Левиас пришпорил свою лошадь, направив ее в сторону схватки, но Порто уже понял, что сражение закончено. Около половины эркингардов были убиты, остальные окружены, а нападавшие потеряли в схватке всего несколько человек убитыми и ранеными.

Порто прижался к спине своего скакуна и пришпорил лошадь, стараясь не отстать от сержанта Левиаса.

– Поворачивай назад! – крикнул Порто. – Поворачивай!

– Мы должны им помочь! – прокричал в ответ Левиас, и его голос почти заглушили шум сражения и громкие голоса.

– А кто поможет принцу? – закричал Порто, осаживая коня.

До лагеря еще было довольно далеко, половина фургонов уже ярко пылала, несколько только успели загореться. – Кто поможет наследнику престола, если мы будем мертвы?

Левиас натянул поводья, но через мгновение их заметили полдюжины вопящих всадников, которые тут же оторвались от основной группы. Левиас развернул своего скакуна и помчался к Порто, но тритинги быстро сокращали расстояние между ними, заплетенные бороды металась на скаку, разинутые красные рты исторгали боевой клич.

«Да это настоящий ад», – подумал Порто, разворачивая лошадь.

Стрелы пролетали мимо них, точно пчелы, и Порто знал, что лошади тритингов не знают усталости и очень скоро их догонят. Он крикнул Левиасу, чтобы сворачивал к лесу, только

так у них оставались шансы на спасение, но уже через мгновение понял, что они находятся в нижней части течения Имстрекки и им придется форсировать полноводную реку.

Стрела пролетела так близко от Порто, что едва не задела кожу. Они перевалили через невысокий, заросший травой холм и поскакали вниз, но перед ними внезапно возникли новые всадники. На миг сердце Порто сжалось и едва не остановилось, однако он даже не успел обнажить меч, а они уже промчались мимо, навстречу тритингам, которые только что появились на вершине холма, и Порто понял, что это эркингарды – Ордвайн и остальные солдаты, посланные Левиасом за убегающими лошадьми, – и безмолвно возблагодарил Бога. По тому, как они держались в седлах, он понял, что это не кавалеристы – большинство прежде работали на фермах, – но он редко так радовался, увидев кого-то. С яростными криками Ордвайн и его товарищи врезались в отряд тритингов, преследовавших сержанта и Порто. Он не мог оставить их сражаться в одиночку, поэтому резко развернул своего скакуна, полный решимости дорого продать свою жизнь.

Когда два отряда сошлись, лошади начали вставать на дыбы или спотыкаться. Скакуны падали и давили своих всадников. Топоры и мечи со звоном ударяли по щитам, клинки скрепчивались с клинками или вонзались в плоть. Кричали люди. Лилась кровь. Схватка между двумя холмами оказалась скоротечной и закончилась еще до захода солнца. К счастью для Порто, исход сражения оказался более удачным для его стороны, чем битва за лагерь.

Когда все закончилось, уцелели лишь Порто, Левиас – оба получили ранения, но не слишком серьезные – и два эркингарда, молодой Ордвайн и невысокий безбородый солдат по имени Фирман. Никто из тритингов, напавших на Порто и Левиаса, не увидит свои кланы, но едва ли это можно было назвать победой.

Они вернулись к лагерю и обнаружили, что армия кочевников ускакала, большая часть фургонов успела догореть, осталось лишь несколько источников огня, да и те больше напоминали пьяных, возвращающихся домой из таверны. Земля была усеяна трупами, но среди эркингардов и тритингов Порто не нашел тел троллей.

Все молчали, за исключением сержанта Левиаса, но из него изливался лишь бесконечный поток бессильных ругательств.

Когда из леса появились какие-то люди, но расстояние не позволяло определить их размеры, Порто обнажил меч, который только что убрал в ножны, и приказал Левиасу и оставшимся солдатам приготовиться. Но уже через несколько мгновений он заметил, что один из них едет не на лохматой лошади тритингов – его скакун был меньше и выглядел необычно, – Порто понял, что это белый волк, и опустил клинок. Он с облегчением приветствовал Бинабика и его семью, но эркингарды проявили меньше радости. Многие солдаты относились к канукам с суеверным страхом с того самого момента, как отряд покинул Эрчестер, и вот удача от них отвернулась.

– Я не надеялся увидеть вас живыми, – сказал Порто, когда тролли подъехали.

Бинабик спрыгнул с волчицы и оглядел дымящиеся остатки лагеря.

– Мы весь день входили в лес и выходили обратно, надеясь, что принц и Эoleyр появятся где-то в другом месте. – Пока он говорил, его жена, дочь и крупный тролль по имени Младший Сненнек мрачно оглядывали лагерь.

Порто печально кивнул. Прошла почти неделя с тех пор, как ситхи забрали принца и Эoleyра, и все в лагере тревожились из-за их длительного отсутствия. Только военная дисциплина заставляла сохранять сравнительное спокойствие.

– Остались только мы, – сказал Порто. – Будем молиться, чтобы степняки больше не вернулись.

– Вокруг полно тритингов и других степняков, они перемещаются большими отрядами, – сказал Бинабик. – Но почти все уже далеко отсюда. – Он показал в сторону невысоких гор на южном горизонте.

– Так ты говоришь, что степняки направляются в ту сторону? – Мысль о том, что придется снова сражаться, ужасала Порто.

Сила отчаяния, которая помогла ему выстоять в схватке с тритингами, покинула его, и теперь все мышцы и старые кости ныли от усталости.

– Нет, в другую сторону. – Бинабик прищурился, опустил на корточки и провел пальцами по смятой траве. – Все они направляются на запад, удаляясь от нашего лагеря. Каждый год, в конце лета, кланы тритингов собираются на общую встречу. Вероятно, на лагерь напал один из таких кланов. О! – Бинабик поднял с земли нечто, более всего похожее на комок грязи, и быстро очистил его о покрытую росой траву. – Смотрите, – продолжал тролль. – Обрывок плаща очень хорошей выделки.

Порто покачал головой.

– И что нам проку?

– Ну, носить его не получится, – мимолетно улыбнувшись, ответил Бинабик. – Но смотреть и думать можно. Смотреть внимательно.

– У меня уже не такое хорошее зрение, как прежде, – признался Порто.

– Тогда я тебе расскажу. Ткань сделана очень хорошими мастерами. Не широкими стежками, как говорят кануки об одежде, которую мы делаем летом, но по-настоящему качественная работа. Я не хочу сказать ничего плохого про одежду ваших солдат или повара и его помощников. Это плащ дворянина. Сискви! Квина! Помогите мне.

Трое троллей начали медленно расходиться в разные стороны от того места, где Бинабик нашел кусочек ткани, внимательно изучая грязную, покрытую многочисленными следами землю. Порто и остальные эркингарты недоуменно наблюдали за происходящим. Младший Сненнек, все еще сидевший верхом на своем крупном, коротко подстриженном баране, напоминал обиженного голодного ребенка, которого заставили выслушивать долгую молитву перед едой.

Сискви замерла на месте и позвала Бинабика.

Он низко наклонился и кивнул.

– Вот видите – это был граф Эoleyр. Он находился здесь во время сражения или после него. Посмотрите, как здесь истоптана пропитанная кровью земля.

– Но где же тогда принц? – испуганно спросил Порто. – Добрый бог и милосердная Элизия, неужели принц Морган также здесь находился? О господи, он мертв?

Лицо Бинабика оставалось серьезным.

– Я молюсь всем моим предкам, что это не так. Но вам и вашим людям следует пойти туда, Порто. – Он указал в сторону дальнего конца разбитого лагеря, куда отступила часть эркингартов, чтобы попытаться оказать сопротивление врагу. – А мы будем продолжать поиски здесь. Осмотрите всех мертвецов. Я очень надеюсь, чтобы среди них не оказалось Моргана и Эoleyра, но мы должны знать наверняка.

Порто стоял над последним мертвецом-тритингом, бледным худым мужчиной с длинными усами, похожим на утонувшего грызуна. Его живот был вспорот, и от него воняло. Бросив

на него последний взгляд, Порто отвернулся, чтобы прийти в себя. Солнце уже почти исчезло на западе, и он видел, что туманная дымка поднимается над далекими лугами.

– Я принес обнадеживающие новости! – крикнул направлявшийся к ним Бинабик. – Но сначала расскажите, что вам удалось найти?

Порто сосчитал убитых с обеих сторон.

– Все эркингарды мертвы, так утверждает Левиас, не считая тех, кто отправился с нами в Ливорт. Кроме того, они убили всех слуг, главным образом мальчишек. – В Порто поднялась волна ненависти. Он уже успел забыть это чувство – жуткий обжигающий жар. – Но, благодарение Богу, среди мертвецов нет ни Эoleyра, ни принца Моргана.

Бинабик облегченно вздохнул.

– Я скорблю по другим, но отсутствие принца и Эoleyра делает то, что мне удалось обнаружить, более определенным. Давай посмотрим.

Он повел Порто и остальных по погружающемуся в темноту полю сражения. Они уже достаточно долго находились среди мертвецов, и у Порто появилось ощущение, будто они уже попали в загробную жизнь – словно они сами умерли и теперь лишь ждут, когда их товарищи поднимутся и присоединятся к ним в вечности.

Бинабик взял горящую ветку из костра, который разжег Младший Сненнек, и зашагал к той части луга, что во время сражения пострадала гораздо меньше и находилась ближе к лесу. Порто, обладавший более длинными ногами, чем большинство людей, возвышался над троллями, и ему приходилось делать маленькие шажки, чтобы не споткнуться.

– Здесь, здесь и еще там. – Теперь Бинабик вел их от лагеря в сторону брода, указывая на приметы, которые Порто едва ли смог бы разглядеть, даже если бы поднес к ним факел вплотную. – Следы выходят отсюда. – Он указал в сторону темной стены деревьев Альдхорта на противоположном берегу реки. – Следы двух человек, обутих в хорошие сапоги. Но еще до того, как они добрались до лагеря, что-то случилось – вот, здесь. – Он снова показал рукой, и Порто сумел разглядеть участок истоптанной земли. – Одна цепочка шагов снова ведет к лесу. Две ночи назад шел дождь. Ты помнишь? Эти следы остались после той ночи, как и все остальные, что мы видели, – или сразу после сражения.

Порто попытался осознать слова Бинабика.

– После сражения? И что из этого следует? И что означают две цепочки следов?

– Это значит, что один из них вернулся в лес, – вмешался Левиас, который стоял рядом и молча слушал Бинабика.

Бинабик кивнул.

– У тебя хорошие глаза, сержант. Я тоже так думаю.

– И в лес ушел принц Морган, – сказал Сненнек.

Бинабик снова кивнул.

– Теперь и я на это надеюсь. Если принц и Эoleyр вышли из леса и увидели сражение, Эoleyр, я полагаю, заставил принца вернуться в лес, единственное место, где у него был шанс спастись. Но кусок от плаща, на котором нет крови, и отсутствие тела Эoleyра говорят мне – что, Сненнек?

– Что кто-то взял графа Эoleyра в плен, – сразу ответил Сненнек.

– Да, – Бинабик кивнул. – А потому давайте молиться нашим предкам и богам, что оба еще живы – принц Морган в лесу, а Эoleyр у тех, кто взял его в плен. – Он поднялся на ноги, поднес руки ко рту и позвал: – Вакана, *hinik aia!*

Казалось, волчица появилась мгновенно, язык вывален наружу, внимательные глаза смотрят по сторонам, она явно наслаждалась запахом крови и сгоревшей плоти, в отличие от людей. Троль наклонился так, что его рот оказался рядом с ухом Ваканы, и Порто показалось, что они о чем-то тихо беседуют. Странная мысль, но она уже не казалась безумной – вожак троллей уже несколько раз показывал, что волк понимает его гораздо лучше, чем лошадь своего всадника.

Бинабик уселся верхом на волчицу, ухватился за густой мех на загривке, что-то сказал своей жене Сискви и так быстро умчался прочь, что только трава полетела во все стороны – тролль спешил к месту исходной атаки.

– Куда это он? – спросил сержант Левиас. – Он нас бросил?

– Тролли так не поступают, – ответил Порто.

– Мой муж сказал, что ему удалось что-то услышать, – объяснила Сискви. – Он поспешил туда посмотреть, а вам передал, чтобы вы следовали за ним, соблюдая осторожность.

Левиас обменялся взглядами с двумя другими эркингардами, и они, стараясь держаться вместе, направили лошадей в сторону восточного берега Имстрекки. По всему лугу валялись трупы, подобные разбитым статуям исчезнувшей расы. Левиас услышал крик, поднял голову, прищурившись в наступившем сумраке, и сумел различить Бинабика и его волчицу, направлявшихся к ним.

– Скачите ко мне! – крикнул Бинабик, когда приблизился. – И поспешите!

Когда остальные к нему присоединились, он развернул волка от реки, и они двинулись обратно по траве, вдоль группы мертвых эркинландских солдат.

– Видите? – спросил Бинабик. – Здесь прошел большой конный отряд тритингов – вот отпечаток подковы. – Он показал на полукруг в грязи. – Следы ведут на юго-запад, в сторону места, носящего название Холмы Духов, где собираются степняки.

– Я не понимаю, – признался Порто.

– Ты предлагаешь нам атаковать их таким маленьким отрядом? – спросил Левиас.

– Я лишь предлагаю сначала дослушать до конца, чтобы вы меня правильно поняли, – жестко сказал Бинабик. – Вы еще не все видели.

Они снова последовали за ним, и на этот раз он направился на восток, огибая орошенный кровью луг, пока они не нашли участок земли с множеством отпечатков конских копыт. Следы уходили в том же направлении, но слегка отклонялись в сторону.

– Что скажешь, дочь? – спросил он у самой маленькой из троллей.

Она опустила на одно колено и коснулась травы.

– Это те, кто захватил графа Эoleyра, – ответила Квина.

– Совершенно верно, – сказал Бинабик. Когда он увидел выражение лиц Порто и Левиаса, он скорчил гримасу. – Небольшой отряд – тритинги, захватившие Эoleyра – проехал здесь. Я считаю, что они не хотели приближаться к более многочисленным силам, которые атаковали наш лагерь, но последовали за ними в сторону Холмов Духов.

– Ты хочешь сказать, что Эoleyра захватил другой клан? – спросил Левиас.

Теперь он смотрел на троллей с огромным уважением.

– Такое вполне возможно. Далеко не все степняки одинаковы – некоторые даже не являются частью лошадиных кланов.

– Тогда мы должны последовать за ними, – сказал Левиас. – Может быть, у нас появится шанс подождать, пока они заснут, напасть на них и освободить графа Эoleyра.

– А как же принц? – в смятении спросил Порто. – Как принц Морган? Разве ты не сказал, что он вернулся в лес? Мы не можем оставить его на растерзание волкам и медведям!

– Именно эту загадку нам и предстоит решить. – В свете факела Ордвайна Бинабик выглядел усталым и несчастным. – Нам нельзя бросать никого из них. Ни Моргана, ни Эoleyра. – Он прижал кулаки к груди. – Но, как бы я ни боялся за графа Эoleyра, я не могу оставить Моргана принца. Он внук моего истинного друга, и я поклялся его защищать.

– Как и я! – заявил Порто. – Я пойду с тобой.

– И мы, его охранники, – сказал Левиас. – Троль прав, мы не можем бросить наследника престола.

– Но мы не можем оставить Эoleyра тритингам, – продолжал Порто. – Сержант Левиас, ты возьмешь наших людей и пойдешь по следам тех, кто увел графа Эoleyра. А я отправлюсь с троллями.

Бинабик покачал головой.

– Я сожалею, сэр Порто, но если Моргана не удастся найти рядом с границей леса, твоя лошадь не сможет следовать за нами по лесу. Я салютую твоему храброму сердцу, но тебе следует отправиться вместе со стражниками на поиски графа Эoleyра. Вы высокие люди, и ваши лошади лучше приспособлены к открытым равнинам, чем густым лесам. Кроме того, я неплохо знаю лес, где живут ситхи, а вы – нет. Расстояния и направления там могут быть обманчивыми.

– Но принц!.. – начал Порто.

– У него будет больше шансов на спасение, если на поиски отправятся те, кто способен быстро перемещаться по дремучему лесу, – продолжал Бинабик. – И некоторые из нас являются опытными следопытами. Кроме того, отважный нос Ваканы нам очень пригодится.

Порто был недоволен.

– Сам лорд-канцлер Пасеваллес сказал, что я должен постоянно защищать принца! Я не могу оставить его и отправиться на поиски другого человека. Просто не могу. Тогда я предам оказанное мне доверие.

И, несмотря на искреннюю тревогу о принце, Порто не мог не думать об обещанном золоте, которое позволит ему спокойно прожить оставшиеся годы. Кто станет заботиться о солдате, слишком старом, чтобы сражаться, провалившем к тому же единственное задание?

Бинабик прервал разговор, который он вел со своей семьей, повернулся и посмотрел Порто в глаза. Старому рыцарю стало не по себе – странно ощущать угрозу со стороны такого небольшого существа.

– Добрый сэр Порто, мы все понимаем ваши переживания, – сказал ему тролль. – Никому из нас не хотелось бы делать такой выбор. Но, если вы отправитесь с нами, нам придется двигаться намного медленнее. Если вы не хотите присоединиться к сержанту Левиасу и последовать за Эoleyром, то можете, не теряя времени, вернуться в Хейхолт.

– Вернуться в Хейхолт?

– Принц Морган заблудился в лесу, а граф Эoleyр пленен тритингами, которые также убили множество королевских эркингардов, – об этом необходимо сообщить королю и королеве!

– Я не могу так поступить. – Порто покачал головой, ставшей такой пустой, что порыв ветра мог унести ее прочь. – Я не могу покинуть принца и Руку трона. Будет лучше послать в Эрчестер одного из стражников.

Бинабик задумался, а потом, продолжая хмуриться, засунул руку в сумку, надетую через плечо, и извлек из нее кусок высохшей и отполированной овечьей кожи.

– Сненек, дай мне ветку. – Бинабик взял факел из рук Ордвайна и подержал в его пламени ветку – стражнику пришлось нагнуться, чтобы Бинабик мог до него достать, – а потом начал писать обожженным кончиком на гладкой коже. Это заняло довольно много времени, и Порто пришлось заставить себя проявить терпение.

– Вот, – наконец сказал тролль и протянул кусок шкуры Порто. – Пошли это с тем, кого выберешь. Пусть доставит королю и королеве. Я рассказал о том, что произошло. А теперь наши дороги должны разойтись.

– Но... – начал Порто, однако у него не нашлось никаких возражений против безжалостных доводов тролля. – Хорошо, – наконец сказал Порто, хотя ему казалось, что его сердце разрывается на куски, – если все должно быть именно так, я согласен.

– Ты действительно хороший человек, Порто, – сказал Бинабик. – Но сейчас нам больше нельзя терять время. – Тролль махнул своей семье, и они направили своих скакунов к лесу,

вслед за его волком. – Удачи тебе и хорошей охоты, – сказал он рыцарю и трем эркингардам. – Пусть всем вам улыбнется удача и вы благополучно вернетесь домой.

Порто вдруг почувствовал не только печаль, ему вдруг показалось, что происходит нечто ужасное, непонятное, поднял руку, но так и не сумел вымолвить слов прощания.

«Что мы сделали? – подумал он. – У нас был большой сильный отряд – солдаты охраняли принца и одного из высших дворян Светлого Арда. А теперь от него остались лишь клочья, к тому же нас уносит в разных направлениях».

Тролли поехали на север, в сторону огромного леса, зрелище, которое при других обстоятельствах могло быть комичным – четверо маленьких коренастых людей верхом на баранах и волке, словно иллюстрация со страницы религиозной книги. Левиас и двое других солдат принялись обсуждать, что делать дальше, но их тихие, неуверенные слова напоминали Порто голоса испуганных детей в темноте.

Во сне Моргана выступ скалы стал в тысячу раз больше, превратившись в настоящую гору. И она заговорила с ним с вершины так, что он ее не видел:

«Другие сейчас не могут слышать меня, даже те, что разделяют со мной кровь. А почему меня слышишь ты?»

«Я не знаю. Я даже не знаю, кто ты!»

Какая-то его часть хотела взобраться на огромный камень, чтобы встать лицом к лицу с существом, преследующим его во снах, но он чувствовал ее могущество и возраст, и это его пугало.

«Ты знаешь меня, дитя. Я говорила с тобой в месте моего бессильного отдыха, и ты меня слышал. Но здесь, где я стою в дверном проеме, нет имен. Я не могу дать тебе то, чем не обладаю».

Морган резко проснулся, напуганный воем волков, доносившимся снаружи его каменного убежища, но через нескольких мгновений, когда сердце отчаянно забилося у него в груди, Морган понял, что ни одно животное не может издавать такие громкие звуки. То был ветер, поднявшийся до пронзительного воя, стоны и визга, и даже лес казался напуганным. Деревья, которые он мог видеть, наклонялись и размахивали ветвями. Он слышал, как трещат ломающиеся ветки и как они падают на землю.

Первые лучи рассвета окрасили фиолетовое небо, чуть опережая восход солнца. Дождь слегка ослабел, но ветер продолжал задувать внутрь, подобно стрелам атакующей армии. Мгновение Морган благодарил богов за свое скромное убежище, но тут же начал беспокоиться о том, что с ним будет, если буря не прекратится, и вдруг услышал новый звук, пронзивший даже яростный гнев ветра.

Риииии! Риииии!

Никогда прежде Морган не слышал ничего похожего, звуки были не столько громкими, сколько чистыми, и он понял, что их источник находится где-то рядом. Казалось, это зов ястреба или какого-то мелкого животного, кричащего от ужаса в когтях хищника. Морган еще дальше забился в расселину. Он не хотел встречаться с тем, кто способен охотиться в такую погоду.

Морган уже начал забываться тревожным сном, когда его напугал громкий треск – казалось, упало сразу несколько ветвей или рухнуло целое дерево, не выдержав напора ветра. Он прищурился, пытаясь что-то разглядеть в тусклом рассветном воздухе, увидел переплетение

ветвей ясеня, только что упавшего на землю рядом с его скалой, и среди веток и трепещущей листвы – нечто маленькое, круглое и плотное. Оно снова закричало:

– *Риииии! Риииии! Риииии!* – Но даже не пыталось выбраться из-под упавших ветвей.

Морган довольно долго – или так ему только показалось – наблюдал за переплетением веток. Пронзительные тревожные крики становились менее громкими, но не прекращались. Моргана охватило смятение – нет, он не боялся за себя, а из-за этих бедственных криков маленького испуганного существа, страдающего от боли. Однако он не шевелился, хотя каждый новый крик вызывал у него самого боль.

Когда ветер наконец начал слабеть, а стихающий дождь стал падать под более естественным углом, Морган выбрался из своего убежища. Весь склон известнякового отложения был усыпан ветками и грудями листьев, но упавшее с ними существо замолкло. Морган осторожно приблизился к нему, держа меч в руке. По мере того как он подходил все ближе, ему удалось разглядеть на земле огромную кривую ветку, которая увлекла за собой несколько других.

Он наклонился и увидел, что между ними застряло какое-то маленькое коричневое существо, все еще живое, потому что оно обратило на него свои темные с белыми полукружьями глаза. Затем существо начало биться, но было видно, что силы у него уже закончились и оно знает, что ему не удастся выбраться на волю после огромного множества неудачных попыток.

Существо было не больше человеческого ребенка, но Моргану не удавалось разглядеть его как следует – рыжевато-коричневый мех и участки розовой кожи, потому что большую часть покрывали листья и грязь. Морган кончиком меча приподнял одну из веток, а потом отломал ее у основания. Существо наблюдало за ним и не шевелилось, однако его широко раскрытые, полные слез глаза неотрывно следили за ним.

Довольно быстро Морган обрубил или сломал достаточное количество веток, чтобы освободить маленькое существо, и отступил в сторону, чтобы позволить ему убежать, но оно не шевелилось. Интересно, напугано оно или просто сильно пострадало. Морган огляделся по сторонам, но склон выглядел пустым, лишь повсюду валялись сломанные ветки.

– *Рииии*, – пропищало существо, и на этот раз Моргану показалось, что оно умирает.

Морган и сам не понимал, почему он так поступает, однако он медленно и осторожно убрал остальные ветки – и теперь смог полностью разглядеть маленькое существо. Он не очень хорошо разбирался в лесных зверях, но это животное показалось ему совершенно незнакомым, а когда Морган увидел тонкие розовые пальцы на передних лапах, он вздрогнул. Это, или нечто подобное, прикоснулось к нему, когда он в первый раз спасался в лесу от преследователей. Наверное, это один из сидевших на деревьях наблюдателей, которые следовали за ним по лесу.

Несмотря на почти человеческие руки, существо совсем не походило на обезьяну. У него была заячья губа и длинные плоские передние зубы, как у крысы или белки, но большие глаза говорили о том, что это достаточно разумное животное, а маленькие круглые уши, низко расположенные на голове, придавали сходство с человеком, такое же тревожное, как и розовые пальцы. Маленькая грудь быстро поднималась и опускалась, существо явно было охвачено ужасом, однако Морган опасался, что оно может его укусить, если он попытается ему помочь еще каким-то образом, поэтому он присел на корточки и продолжал смотреть на диковинное существо. Однако оно по-прежнему не двигалось.

Морган уже почти сдался, предоставив ему жить или умирать, но когда он встал, оно неожиданно оскалило зубы.

– *ЧИК!* – громко сказала оно, а потом добавило: – *Риии! Риии! Риии!* – напугав его так, что Морган отступил на шаг.

Он услышал шум среди деревьев, поднял голову, и ему показалось, что он увидел что-то красное, но уверенности у него не было.

– *Чик!* – снова крикнуло маленькое существо, и его голова закачалась из стороны в сторону, словно оно истратило последние силы.

Морган наклонился над ним, несколько раз намотав на руки плащ. Когда он поднял существо, отбросив в сторону последние ветки, оно зашипело и снова чикнуло на него, слабо сопротивляясь в его руках, но не попыталось укусить. Впрочем, Морган подозревал, что если бы у него осталось больше сил, оно бы так поступило. Даже сквозь ткань шерстяного плаща Морган чувствовал, как зверек дрожит, и уже не думая завернул его в плащ и положил на сгиб локтя. Он услышал новый шум над головой, но другие голоса не ответили на тихие *риш-риши*.

Морган отнес диковинное существо в расселину, завернув его в плащ так, чтобы голова оставалась на воздухе, а конечности были прижаты к телу, как у младенца в пеленках, устроился поудобнее в своем убежище и положил зверька на колени. Тот постепенно перестал сопротивляться, большие глаза закрылись, но грудь продолжала подниматься и опускаться под руками Моргана.

– *Ришииши...* – выдохнул зверек, а потом смолк, и теперь тишину нарушало лишь его тихое дыхание.

Морган прижал его к груди, чтобы согреть, и вспомнил те дни, когда его сестра Лиллия была ребенком – единственное, что помогало ему отвлечься от ужаса после смерти отца, это когда он держал ее на руках и смотрел в невинное лицо сестры.

На некоторое время он даже забыл о голоде.

Глава 5 Бассейн

Они волокли, толкали и тащили живого связанного дракона вниз по склону горы, и даже с учетом того, что большая часть работы приходилась на Го Гэм Гара, задача казалась почти невыполнимой. Несмотря на то что гигант начинал трудиться за несколько часов до восхода солнца и заканчивал сильно после заката, к концу первого дня огромный связанный червь проделал совсем небольшой путь по склону. Тащить чудовищно тяжелое существо по неровностям, камням и впадинам было так тяжело, что Го Гэм Гар выбивался из сил, а дракон так стонал и хрипел от боли сквозь стянутые веревкой челюсти, что Нежеру даже начала его жалеть. Его глаза, каждый величиной с большую тарелку, в отчаянии закатывались, а из громадной пасти капала пена.

Певец Саомеджи старался действовать осторожно, когда засовывал кей-вишаа между массивными челюстями дракона. И находившийся в одурманенном состоянии огромный зверь извивался и стонал, словно ему снились жуткие кошмары. Нежеру прислушивалась к тому, как скрипят связывающие монстра веревки после каждого его судорожного движения, и не могла даже представить, что их всех ждет, если запасы кей-вишаа Саомеджи закончатся.

Впрочем, Нежеру и Ярнульф чувствовали себя ничуть не лучше. Днем они на носилках, сделанных из плаща Ярнульфа, несли обожженное и изуродованное тело командира Руки Мако. После получения чудовищно болезненных ожогов от крови дракона Мако весь день оставался без сознания, и о том, что он все еще жив, можно было догадаться только по редким стонам и едва заметным движениям. Нежеру изо всех сил старалась не обращать внимания на боль в сведенных судорогами пальцах. «Ярнульф не прошел, как я, подготовку Жертвы, – думала она. – Ему еще труднее переносить боль».

Лишь Саомеджи ничего не нес, когда они спускались вниз по склону, и его руки оставались свободными, чтобы держать в узде гиганта при помощи каменного хлыста, который причинял ему сильную боль и который Саомеджи постоянно держал при себе. Как и все Жертвы, Нежеру была научена склоняться перед властью. Но, будучи одной из участников экспедиции, которым удалось уцелеть, она не испытывала особого восторга, когда видела, что член их отряда – к тому же полукровка, как она сама! – освобожден от работы. Но до тех пор, пока Саомеджи контролировал гиганта, он был командиром, и неудовольствие Нежеру оставалось невысказанным.

Когда они наконец остановились, чтобы отдохнуть, Саомеджи приказал Ярнульфу отправиться на охоту и добыть им еду.

– И позаботься о том, чтобы принести достаточно дичи, чтобы мы смогли накормить гиганта и червя, Охотник. Остальные из нас могут довольствоваться малым, но оба животных должны остаться в живых.

Ярнульф нахмурился.

– Я едва держусь на ногах после того, как весь день нес Мако. Ты сам справишься с этой задачей, Певец. – Он показал на гиганта: – Посмотри, он почти полностью лишился сил. Сейчас он не представляет для нас опасности.

Саомеджи бросил на него холодный равнодушный взгляд.

– Ты бы не продержался даже одного дня в Ордене Песни, смертный. Остальные служители смеялись бы над таким глупцом, как ты. Никто не будет следить за гигантом, кроме меня, и теперь, когда командир Руки ранен, я тот, кто отдает тебе приказы. – Он повернулся к Нежеру: – А ты, Жертва, займись Мако. Дай воды. Я не думаю, что в ближайшее время ему потребуется пища, но он должен пить. Очисти его раны снегом, но будь осторожна. Позднее я его осматрю – после того, как отдохну. А ты, смертный, – ты еще здесь? Я же сказал, отправляйся на поиски еды для нас.

Ярнульф колебался, на его лице появился гнев.

– Если ты произнесешь еще одно слово, я прикажу гиганту оторвать тебе голову. Для *этого* у него хватит сил.

Ярнульф повернулся и зашагал в лес.

Через несколько часов, когда Фонарь уже высоко поднялся в полуночное небо, а Волк устремился за собственным хвостом в сторону горизонта, Нежеру сидела на холодной земле и смотрела, как Ярнульф заканчивает превращать последнего снежного кролика и куропатку в уродливую мясную пасту с костями, мехом и перьями, чтобы пропихнуть ее в связанные челюсти дракона. Между тем оставленный на попечение Нежеру командир Мако спал. Его ожоги все еще оставались ярко-красными, но синевато-багровые куски кожи между ними уже приобретали тусклый оттенок смерти.

Саомеджи склонился над раненым командиром, чтобы вылить несколько капель какой-то жидкости из маленького кувшина в открытый рот Мако. Нежеру не поняла смысла его действий: не вызывало сомнений, что даже если командир переживет ужасные ожоги, он никогда не сможет снова служить королеве. Один его глаз исчез, осталась красная плоть вокруг пустой глазницы, щека превратилась в разорванные куски мяса, кровь дракона прожгла кожу до самых зубов, точно пламя свечи старый пергамент.

Ярнульф закончил кормить дракона, остановился возле них и посмотрел на Мако.

– Неужели мы будем нести его до самого низа? Он же практически мертв.

Саомеджи бросил взгляд на смертного, который можно было бы считать насмешливым, если бы не холод в глазах.

– Да, убедительно. Я знаю, как сильно ты любишь Мако.

– Меня не настолько волнует его судьба, чтобы я его ненавидел, если ты об этом, Певец. Но я хочу спуститься с горы до того, как закончится лето, станет по-настоящему холодно и придут ветры. Иными словами, мне нравится быть живым. Мако – это бремя, которое мы не можем себе позволить. Нежеру и я способны на многое...

Саомеджи резко поднял руку.

– Нет. Сейчас ты замолчишь. Я устал, у меня есть дела поважнее, которые следует делать, и я не намерен слушать твою болтовню. – Он повернулся к Нежеру. – Жертва, завтра гигант, смертный и я срубим деревья, чтобы сделать сани, которые позволят нам тащить дракона, прикладывая меньше усилий. А ты останешься здесь, чтобы ухаживать за командиром и приглядывать за драконом.

– Я не Целительница, чтобы выполнять такую работу, – сказала она, стараясь сдерживать ярость. – Я принадлежу к другому ордену.

– Ты будешь принадлежать к тому ордену, который я назову, – спокойно ответил Саомеджи. – Мой господин Ахенаби, а также ее величество королева Утук’ку – да правит она вечно – отдали мне приказ доставить живого дракона, чтобы они могли получить его кровь. Так что не сомневайся, если кто-то из вас встанет на моем пути, я с радостью убью всех вас, кроме гиганта, чтобы скормить ваши тела червю.

На этот раз Нежеру не стала смотреть в сторону Ярнульфа, опасаясь, что Саомеджи прочтает ее мятежные мысли, и постаралась превратить собственное лицо в застывшую маску.

– Я слышу королеву в твоем голосе, – произнесла она древние безопасные слова.

Когда первые лучи солнца осветили серое небо, Саомеджи повел Ярнульфа и гиганта из лагеря на поиски дерева, чтобы построить сани, оставив Нежеру с драконом и раненым командиром.

Сначала она очистила раны Мако снегом, а потом заново их перевязала, размышляя о том, что за последние несколько лун видела больше солнечного света, чем за всю предыдущую жизнь – и теперь он стал для нее привычным. В первые дни яркое сияние солнца делало окружающий мир каким-то размытым, мерцающим и белым, все сливалось в единое целое, она моргала и замирала на месте.

Но постепенно Нежеру привыкла, хотя постоянно ощущала, что находится в совершенно чужом мире, и дело было не только в ярком свете. Она лишилась уверенности, больше не верила тем, кто стоял выше ее на ступеньках лестницы между самой Нежеру и великой королевой. То, что еще недавно казалось ей прочным и вечным, теперь выглядело ужасающе ненадежным.

Саомеджи заявил, что у него есть право отдавать приказы, но Нежеру не верила в это безумное опасное путешествие по склону горы. Неужели он не понимает, что даже если они сумеют добраться до самого низа, уцелеют и сохраняют дракона в живых, отыщут своих лошадей и присовокупят их силы к мощи гиганта, огромные размеры дракона не позволят им до наступления безжалостной зимы пересечь бескрайнюю заснеженную равнину, расположенную к востоку от Серого Южного леса?

Но, даже если их отряд переживет суровые холода, им не удастся сохранить жизнь связанному дракону на пустой равнине, не говоря уже о том, чтобы дойти до Наккиги. Ко всему прочему, Саомеджи рисковал не выполнить приказ королевы, заставляя их тащить бесполезного Мако.

Она сделала глубокий медленный вдох, чтобы успокоиться. Пригоршня снега растаяла в ее сжатом кулаке, и вода просочилась сквозь пальцы на спящего командира. Интересно, она разозлилась из-за этого поручения, потому что презирала Мако, или причина в том, что из-за него может пострадать миссия, порученная им королевой? Что случилось с гордой Жертвой, которой она была, если сейчас у нее возникают подобные сомнения?

Нежеру отбросила остатки снега, взяла новую пригоршню и начала втирать его в раны Мако, когда его глаз внезапно открылся.

– Ты не носишь ребенка, – тихо, хриплым голосом сказал он, так, что она едва смогла его расслышать. Его оставшийся глаз неотрывно смотрел на Нежеру, темный, точно горное стекло. – Нет ребенка. Они мне сказали.

Сердце Нежеру отчаянно забилося, но она вспомнила, что они одни. В любом случае, напонила она себе, теперь нет необходимости делать вид, что в ней растет новая жизнь: полукровки вроде Саомеджи не имели права на ее тело, и она может заявить, что схватка с драконом убила то, что росло у нее внутри. Она сделала вдох и продолжила молча заниматься ранами Мако. Он негромко застонал, но не заговорил снова, а потом его глаз закатился, и только темно-пурпурный ободок его зрачка был виден из-под века. Она не обращала внимания на ужасную вонь от его ран, стараясь сделать все как можно быстрее.

Внезапно она почувствовала, как его челюсть задрожала под ее пальцами, а потом и все тело, и Нежеру показалось, что он умирает, возможно, просто из-за боли, которую испытывает от ее попыток промыть раны. Она бы дала ему немного кей-вишаа, но Саомеджи заявил, что порошка осталось совсем немного и его следует использовать для того, чтобы успокаивать дракона. К тому же Саомеджи постоянно носил порошок при себе.

Неожиданно Мако перестал дергаться. Нежеру старалась закончить обрабатывать его жуткие красные и пожелтевшие, словно воск, раны, но он снова заговорил:

– *У мрака есть истинное имя.* – Казалось, новый шепчущий голос не принадлежал Мако, да и манера речи была совсем другой. – *Оно пронизывает безмолвные шепоты в тех местах, где звезды смотрят холодно и жестоко на все, что движется и живет.*

Сердце замерло у нее в груди, и она почувствовала себя маленьким животным, застывшим в тени совы.

– *Это Небытие,* – продолжал задыхающийся шелестящий голос. – *Враг жизни. Они мне сказали. Освобождающая сила.*

Нежеру огляделась по сторонам, надеясь увидеть приближающегося Саомеджи, но она все еще была одна на склоне вместе с Мако и неподвижным драконом.

– *Все ждут, пока разные аспекты Матери Воронов станут единым целым.* – Слова плыли, точно холодный пар его дыхания, словно ядовитый дым. – *Она – это трое: Она, Ждущая Снаружи, Она, Стоящая У Двери, Она, Которая Никогда Не Входит. Она – это трое, и они должны стать единым целым. И только после того, как трое станут единым целым, начнется борьба между Развоплощением и Воплощением. Так сказали мне голоса. Голоса рыдали, как потерянные дети. Голоса...*

Мако смолк.

«Во что я ввязалась?» – подумала Нежеру. Сердце продолжало так отчаянно биться у нее в груди, что она почувствовала боль, в ушах гудело; в этот момент она хотела только одного – ничего не знать. Она больше не являлась представителем славной армии Жертв, она превратилась в одинокую, потерянную вещь. Она парила в необузданном мраке, не имея никаких связей или возможности для понимания.

«Во имя Священного Сада, почему это происходит со мной? И во что я превращаюсь?» – думала Нежеру.

Пока Го Гэм Гар рубил деревья своим огромным топором, а потом очищал их от веток под постоянным угрожающим присмотром Саомеджи, Ярнульфу пришлось связывать приготовленные бревна в прочную платформу, способную выдержать огромный вес дракона. Он понимал, что веревка быстро закончится, но строительство саней волновало его сейчас менее всего.

Когда он обмотал стволы последней скользкой веревкой хикедая, зафиксировал ее надежными узлами, он начал спрашивать себя, не будет ли лучше просто убить сейчас Сао-

меджи, прикончить Мако и даже дать короткую и безболезненную смерть женщине Жертве Нежеру. Всего несколько лун назад он бы с удовольствием прикончил пять Когтей, но судьба уже убрала двоих из них, так что Ярнульф даже не пришлось пальцем пошевелить. Но сейчас судьба стала выглядеть все более жадной, и Ярнульф не хотел умирать вместе с безумными хикедая.

«Мой Бог, мой добрый Спаситель, я не волнуюсь за собственную жизнь, но мне необходимо выжить, чтобы я мог делать Твою работу».

Теперь, когда он знал, что королева Утук'ку все еще жива, его прежняя решимость прикончить собственными руками как можно больше норнов выглядела, как план простофили. Хикедая готовились к войне – великой войне, судя по тому, что он знал. Погибнет огромное количество смертных, и поработанный народ Ярнульфа также будет умирать, вынужденный сражаться за своих господ хикедая. Клятвы, которые он дал, чтобы отомстить за Отца, священника, усыновившего его, а также за собственную семью, теперь казались ему лишены смысла. Единственное, что могло остановить чудовищную войну норнов с человечеством, – смерть их ужасной королевы. И триумфальное возвращение в Наккигу в компании с Когтями, сумевшими выполнить труднейшую миссию королевы, казалось единственной возможностью близко подобраться к лишенной возраста ведьме и уничтожить ее. Ярнульф не сомневался, что обязательно погибнет, но если ему будет сопутствовать успех, то когда он появится на дорогах рая, там запоют ангелы. Отец будет им гордиться. Его несчастный мертвый брат Ярнгримнур будет им гордиться. И сам Господь и Его святой сын Усирис будут им гордиться.

– Почему ты отлыниваешь от работы, смертный? – крикнул Саомеджи. Солнце уже заходило, и лишь сияющая лавандовая вуаль озаряла западную часть небес. Сосна за спиной мага отчаянно раскачивалась после каждого тяжелого удара топора гиганта. – Нам еще предстоит тащить сани к тому месту, где лежит дракон, но мы не сможем это сделать, пока ты не закончишь.

– Мы? – взревел гигант, сделав паузу между ударами. – Ты лживое дерьмо, Певец. Ты хотел сказать, что несчастный Го Гэм Гар потащит сани.

Ярнульф в преувеличенном разочаровании замахал руками.

– Я использовал всю веревку, которую ты мне дал, Певец, но сани не готовы. Если ты расскажешь, как делать веревку из воздуха, или, еще того лучше, пошлешь демонов, чтобы они принесли новую из Синей пещеры, пожалуйста, я буду рад тебя выслушать.

Саомеджи бросил на него мрачный взгляд.

– У меня есть еще. Я кое-что приберег. – Он повернулся к гиганту: – Продолжай работать, зверь, или почувствуешь то, что тебе не нравится. – Когда Го Гэм Гар снова взялся за топор, Саомеджи по снегу вернулся к незаконченным саням.

– Тебе следовало сообщить мне о нехватке веревки раньше, смертный, – сказал он. – Я принесу тебе то, что у меня осталось, но после этого тебе нужно будет сделать колышки с двумя головками, когда мы вернемся в лагерь.

– И чем, пальцами? Моим боевым клинком? Ты всем щедро раздаешь работу, Певец. Что еще ты от меня хочешь? Может быть, отнести тебя на плечах на вершину горы?

Если Саомеджи и задел слова Ярнульфа, он легко это скрыл, сохранив каменное выражение лица.

– На самом деле у меня есть еще одно задание для тебя, смертный. Пока я буду ходить за веревкой, ты можешь отправиться на охоту – и не пытайся отговориться усталостью, здесь не обойтись полумерами. Я не только не могу допустить смерти дракона, гигант не должен умереть от голода – пока нет, ведь мне нужна его сила. Но ты не настолько полезен, обладатель розовой кожи, и не находишься под защитой наших законов, как командир Мако и Жертва Нежеру. Если я буду вынужден уничтожить тебя, мы сумеем завершить нашу миссию без тебя.

И не рассчитывай, что тебе удастся от меня сбежать, потому что гигант поймает тебя и прикончит еще до захода луны. А теперь иди.

Ярнульф представил, как было бы приятно вонзить клинок в снежно-белые одеяния Певца и в его черное сердце хикедая, но это были фантазии, которым он не мог предаваться. В ответ он лишь молча кивнул и отошел за своим луком и колчаном со стрелами, а также надел куртку, которую снял, пока работал.

«О мой Спаситель, – подумал он, и это было не столько молитвой, сколько жалобой, – мой любящий Господь, я знаю, Ты не можешь рассчитывать, что я хотя бы миг буду испытывать жалость к этим бесчеловечным существам, которые отрицают Тебя и убивают Твоих детей, но способен ли ты ослабить мою ненависть хотя бы немного, чтобы я не потерял терпение и не предал Твою великую работу?»

К середине следующего дня массивные сани были готовы. С ворчанием и шипением гигант сумел затащить на них огромное тело дракона, и они привязали к ним зверя остатками веревки Саомеджи. Теперь Нежеру хотела лишь пережить эту неудачную экспедицию и вернуться домой к своему народу. И, если только Певец не подвергнет их миссию фатальной опасности, она чувствовала себя обязанной подчиняться его приказам.

Прошло еще несколько дней, в течение которых они продолжали спускаться по нижним склонам горы. Погода ухудшилась, ветер слепил глаза, швыряя им в лица снег, а ночи были такими холодными, что Нежеру, несмотря на свою наследственность и подготовку, не могла нормально спать. Они каждый день тратили дополнительные часы, стараясь управлять тяжелыми сани на предательских склонах, часто решая инженерные проблемы, которые поставили бы в тупик даже ее отца, в распоряжении которого были бы его Строители.

Казалось, даже Саомеджи наконец понял, что холод приближающейся зимы играет против них.

– Нам нужны дополнительные люди, вас слишком мало, чтобы выполнить волю королевы, – сказал он однажды ночью, когда они сидели на открытом склоне вокруг маленького костра, единственная уступка Саомеджи жуткой погоде. – Будь с нами Кемме и Мако, мы бы уже шли по равнине.

– Но их нет, – заметил Ярнульф. – Кемме превратился в сломанный замерзший ком снега и остался далеко наверху, а состояние Мако не многим лучше. Тебе необходим член ордена Эхо, которого ты потерял в тот день, когда мы встретились, чтобы он обратился к кому-нибудь за помощью.

– Иби-Хай, – сразу сказала Нежеру, удивив саму себя.

Она едва его знала, но он был членом их Руки, и у него было имя. Быть может, страх навсегда исчезнуть в лишенных дорог пустошах заставил ее заговорить?

«Имеет ли значение, что наши имена останутся в памяти других? – спросила у себя Нежеру. – Мы ведь все равно будем мертвы. И не выполним волю Всеобщей Матери».

– Именно так, – сказал Ярнульф. – Если бы у нас было его зеркало или другие безделушки, которые таскают с собой Эхо, мы бы могли связаться с вашими хозяевами в Наккиге и рассказать им, какие проблемы у нас возникли.

– Как и все смертные, ты говоришь глупые и ненужные слова о вещах, в которых ничего не понимаешь, – голос Саомеджи был полон презрения. – Но ты невольно помог мне принять решение. Нам действительно вскоре потребуется помощь, еще до того, как зимние бури помешают добраться до Наккиги. И я думаю, что нашел способ ее получить.

– Что ты хочешь делать? – спросила Нежеру.

– Вам незачем знать об этом заранее – вы все увидите, когда придет время. – Певец посмотрел на Мако, который лежал на очищенном от снега камне, завернутый в свой плащ. – Как себя чувствует наш обожженный драконом раненый? У него появились признаки выздоровления?

Его вопрос удивил Нежеру.

– Выздоровления? Он находится на пороге смерти. Командир получил страшные раны, и я сомневаюсь, что он проживет еще несколько дней. Когда он приходит в себя, то лишь шепчет и поет. Он утратил разум.

– Поет? – Саомеджи впервые показал хоть какой-то интерес. – Это любопытно. Позднее я его осмотрю.

Через два долгих дня они, наконец, добрались до широких предгорий. Теперь склон стал более пологим, однако они по-прежнему выбивались из сил, в том числе и могучий гигант. Когда день заканчивался, Го Гэм Гар мог лишь есть и спать. Мако ехал на санях с драконом, практически не приходя в себя, день проходил за днем, но его раны не заживали и даже не зарубцовывались. Нежеру не сомневалась, что командир находится на пороге смерти, и хотела, чтобы он умер поскорее.

По мере того как они спускались все ниже, Саомеджи начал собирать круглые камни вроде тех, которые он наполнял огненным жаром и использовал в качестве оружия против смертных разбойников во время путешествия Руки к горе. Каждый собранный им камень – их было уже несколько дюжин – он прибавлял к растущей груды на санях, что невероятно злило гиганта, но Саомеджи не обращал внимания на его жалобы. Изредка Певец выбирал камень другого вида, с зазубренными краями и вставками более яркого прозрачного камня внутри, и складывал рядом с другими.

Наступила середина утра, когда Саомеджи остановил их, темные серые облака скрывали солнце, шел снег.

– Здесь, – сказал он. – Сегодня мы больше никуда не пойдем. Пришло время искать помощь, и мне предстоит трудная работа.

Нежеру не ожидала, что они разобьют лагерь задолго до наступлений темноты, и удивилась еще сильнее, когда Певец приказал гиганту копать яму посреди березовой рощи, лишившейся листьев.

– Что? – прорычал Го Гэм Гар. – Ты хочешь, чтобы я сломал себе не только руки, но и спину?

– Под снегом обычная почва, – сказал Саомеджи. – Да, она замерзла, но ты справишься. Разве ты не жаловался на тяжесть своей ноши? Неужели хочешь и дальше тащить дракона к королеве? Тогда копай, монстр, копай.

Солнце, укрытое пеленой облаков, стояло еще высоко, когда Го Гэм Гар закончил копать яму в мерзлой земле, и его огромные волосатые руки стали грязными и обильно кровоточили.

Певец отослал его подальше от ямы и начал снимать камни, которые они привезли на санях. На глазах у Нежеру Саомеджи обошел по широкому кругу то место, где сидел Го Гэм Гар. Гигант смотрел затуманенным и недоверчивым взглядом, как Саомеджи, тихонько что-то напевая, расставил камни по широкому кругу вокруг гиганта, так что каждый находился не более чем в шаге от соседнего. Когда Саомеджи, продолжая петь все ту же тихую странную песню, закончил первый круг, он снова обошел его, на этот раз поднимая каждый камень и перемещая его к ближайшему, пока они не соударялись.

– Теперь мне нужно сделать важное дело, – сказал Саомеджи гиганту, когда закончил окружать его камнями. – Оно потребует почти всех моих сил. Но даже если я на мгновение потеряю внимание, монстр, не рассчитывай, что у тебя будет хотя бы шанс. Если что-то пересечет границу моего каменного круга, я сразу узнаю и не стану выяснять, кто это сделал, а сожгу его изнутри.

Го Гэм Гар смотрел на него из-под мощного нависающего лба.

– А что, если я не буду шевелиться, а круг пересечет что-то еще? Что, если через твой круг песни пролетит птица? – спросил гигант.

– Тогда, как только я пойму, что случилось, я приостановлю твоё наказание. Я не хочу тебя убивать, если в этом не возникнет необходимости – до тех пор, пока мне нужна твоя сила.

Глаза гиганта вспыхнули, как зеленый болотный огонь, а потом его могучая рука потянулась к ближайшему камню, с очевидным намерением выбить мозги Саомеджи. Руки Певца были скрыты внутри рукавов, и Нежеру не заметила никаких движений, но через мгновение Го Гэм Гар рухнул на землю, словно сбитый могучим ударом, и остался лежать, стона и дергаясь от боли.

– Ты останешься внутри круга до тех пор, пока я не позволю тебе его покинуть, – только и сказал Саомеджи, после чего повернулся спиной к бившемуся в судорогах гиганту.

Нежеру продолжала смотреть, как Саомеджи взял другие круглые камни и выложил ими дно ямы, выкопанной Го Гэм Гаром, после чего приказал Ярнульф и Нежеру принести снега и закидать им камни в яме. Наконец Саомеджи сложил зазубренные камни так, что они образовали несколько странных фигур в центре ямы, и также засыпал их снегом.

– Теперь я требую от вас молчания, – сказал Саомеджи. – Не говорите со мной и не подходите, если вам дорога собственная жизнь.

Он приподнял свои одеяния и сел рядом с наполненной снегом ямой. Нежеру и Ярнульф продолжали на него смотреть, а Саомеджи опустил подбородок на грудь и запел.

В какие-то мгновения его песня становилась почти понятной Нежеру – ей казалось, будто она даже слышит искаженные версии слов «бассейн», «чешуя дракона» на языке хикедаясао, – но в другие моменты она воспринимала лишь странные гортанные ритмичные звуки, повторяющиеся снова и снова. Ярнульф пристально смотрел на нее, но на его лице застыло холодное выражение. Недовольная собственной реакцией, Нежеру почувствовала себя неловко и быстро отвернулась.

Песня продолжалась, над насыпанным в яму снегом начал подниматься пар, и сугроб стал постепенно оседать. Саомеджи нагревал камни, чтобы растопить снег, это не вызывало сомнений, но все остальное оставалось совершенно непонятным. Глаза Певца были устремлены в какую-то непонятную точку над сугробом и смотрели в пустоту, руки вытянуты вперед ладонями вниз в сторону поднимавшегося пара.

Когда снег в яме растаял и образовался бассейн с водой, над которым поднимался пар, Нежеру заметила едва заметный свет на поверхности – невозможные цвета, зеленовато-красный и пурпурно-желтый, кружащие в булькающих глубинах, точно светлячки. И еще она почувствовала, как что-то меняется вокруг нее, сжимается воздух, словно кто-то задерживает дыхание, и у всех окружающих их звуков, казалось, появилось таинственное эхо. Саомеджи начал заметно потеть, что крайне редко случается с полукровками; пот стекал по его длинному

подбородку и капал в бассейн, но Певец не обращал на это ни малейшего внимания, погрузившись в состояние транса.

«Он делает Свидетеля, – внезапно сообразила Нежеру и сильно удивилась. Камни и чешуя, бассейны и костры – она слышала, как Иби-Хай несколько раз произносил молитвы, и теперь поняла, что пытался сделать Саомеджи. – Но как такое возможно? Не вызывает сомнений, что ни один из Певцов, за исключением, быть может, Ахенаби, не обладает такой силой! Даже подготовленный член ордена Эхо неспособен создать такой мощный инструмент из ничего!»

Внезапно застывший воздух стал еще более плотным, почти как лед или стекло. Мгновение Нежеру едва могла дышать, и это заставило ее выбросить все мысли из головы. Крошечные, почти невидимые волоски на ее руках и шее встали дыбом, конечности задрожали.

А потом *он* оказался здесь, внезапно, словно атакующий ястреб. Нежеру почувствовала холодное присутствие и в одно мгновение поняла, что Саомеджи пытается дотянуться до Лорда Песни, самого Ахенаби. Она даже отпрянула назад, словно боялась прикосновения древнего мага в маске, но это не имело никакого значения: он был повсюду одновременно, и Нежеру ощущала его присутствие – везде.

А затем Ахенаби заговорил, и, хотя Нежеру не слышала его слов в своих мыслях, она ощущала каждое из них, как если бы ее окутывал гниющий погребальный саван, а по лицу ползали пауки.

Она не поняла, что он сказал, не слышала ответов Саомеджи, но чувствовала, что они разговаривают, до нее доходили обрывки смысла – дракон, гора, королева в серебряной маске, – и она чувствовала что-то еще, поджидающее своего часа, темное и старое, становящееся все сильнее. Если Ахенаби казался дыханием на ее шее, *это* походило на ледяной порыв ветра в бесконечных белых пустошах за Наккигой. Если Ахенаби был смертельным врагом, *это* была сама Смерть, неумолимая и окончательная.

Шепчущий...

Знание пришло к ней не как слово или имя, но ощущение, и на глазах у нее появились слезы ужаса. Это была дыра во всей ткани бытия, высасывающая свет и жизнь.

А потом контакт закончился, и Лорд Песни вместе с ледяным присутствием, парившим у него за спиной, исчезли.

Саомеджи едва стоял на ногах, раскачиваясь, точно пьяница, перед ямой, над которой поднимался пар.

– Мой господин поможет нам завершить миссию, – сказал Саомеджи, и каждое следующее слово давалось ему с огромным трудом. – Он пришлет лошадей и воинов к подножию горы. Теперь я должен отдохнуть. Сегодня я сделал невероятную вещь. В будущем наш народ станет говорить об этом свершении с благоговением.

Слезы на щеках Нежеру превратились в лед. Она чувствовала себя пустой, словно что-то вошло в нее и вырвало все, что давало ей жизнь и надежду. Когда Саомеджи опустился на землю и заснул, она стряхнула слезы с лица тыльной стороной ладони, но еще долго не могла двигаться или говорить.

Глава 6

Встреча с невестой

Эскритор Ауксис вошел в каюту Мириамель на «Илиссе», чтобы выразить ей свои соболезнования. Ее леги – все, кроме Шуламита, которая уже два дня страдала от морской болезни и сейчас стонала на своей узкой койке, – сбежали в дальнюю часть маленького помещения и стояли за королевским стулом, точно раскрашенные церковные ангелочки вокруг трона святой Элизии.

Мири совсем не чувствовала себя матерью бога, и вообще чьей-то матерью. Она ощущала огромную дыру внутри, поглощавшую все ее чувства к мертвой невестке.

– Ваше величество, – Ауксис опустился на одно колено и склонил красивую голову, чтобы поцеловать протянутую руку. – Я пришел, чтобы выразить соболезнования от лица Матери Церкви и разделить с вами собственную скорбь.

«Да, картина получилась бы красивой», – подумала королева, но эта мысль ее совсем не позабавила.

– Благодарю вас, эскритор. Пожалуйста, садитесь рядом со мной.

– Вы очень добры, ваше величество, но я не стану навязывать вам мое общество.

Она постаралась улыбнуться. Ауксис был высоким мужчиной, и ему пришлось наклоняться, чтобы не задевать потолок макушкой, – лишь Мири и ее леги могли тут стоять, не опасаясь удариться головой.

– И тем не менее. Вам ведь разрешается снимать головной убор? Боюсь, вы его испортите или испачкаете смолой.

Слова королевы застали Ауксиса врасплох, и он несколько мгновений пытался понять, не дразнит ли она его.

– Я вас понял, – сказал он. – Быть может, я присяду, пусть и ненадолго. Ваше величество очень добры. – Он опустился на стул, который тут же исчез под его величественными одеяниями. – Святой Отец, я уверен, пожелает, чтобы я выразил вам благодарность за то, что вы согласились продолжить путешествие в Наббан. Я уверен, он понимает, какую жертву вам пришлось принести.

– Не такая уж и большая жертва, – ответила она, странное настроение подтолкнуло Мириамель к честности, хотя ей не слишком нравился этот человек. – Завтра мы прибудем в порт Наббана. Даже если бы я сразу отправилась обратно, то не успела бы на похороны принцессы Иделы.

– Конечно, ваше величество. Но все же это ужасное время для вас.

– Еще ужаснее оно для моего мужа. Он должен заботиться о нашей внучке, которую следует утешить после потери матери, а также о народе Эркинланда.

Ауксис кивнул.

– А ваш внук, принц Морган?

Мири удивилась. Неужели дело в том, что она о нем не упомянула, или эскритора интересует что-то еще?

– Принц выполняет миссию по поручению Верховного престола, и это разбивает мне сердце – ведь он до сих пор не знает о кончине матери.

Ауксис скорбно покачал головой. И если он притворялся, то был превосходным актером, о чем Мири прежде даже не подозревала.

– Смерть всегда застаёт нас врасплох, но на всех нас проливается сияние Усириса, нашего Спасителя.

Мириамель решила принять поведение эскритора за чистую монету, во всяком случае, пока. Она нуждалась в помощи Ликтора и Матери Церкви для заключения мира между враждующими фракциями Наббана.

– О, вам не следует опасаться, ваше преосвященство – принцесса Идела была благочестивой эйдониткой. Она читала только религиозные трактаты, а книга Эйдона была ее постоянной спутницей, и сейчас она может рассчитывать на милость Господа нашего. – Мири сотворила Знак Дерева, и Ауксис присоединился к ней, пока она не успела завершить первого движения. – Если кто-то и может быть подготовлен к такой судьбе, то это она.

– Мое сердце радуется, когда я слышу такие слова, ваше величество. Это бальзам на души тех, кто остался на земле и знает, что любимые нами люди находятся рядом с Отцом небесным.

Мириамель устала от обмена банальностями, хотя инстинкт подсказывал ей, что следует продолжать в таком же духе.

– Вы очень любезны, что навестили меня, чтобы утешить соболезнованиями Церкви. Пожалуйста, не забываете принцессу Иделу в своих молитвах.

Эскритор не только духовное лицо, но и придворный, понял, что пора уходить. Он встал, придерживая свой высокий головной убор, и отступил к двери.

– Для меня огромная привилегия говорить с вами, ваше величество. Я надеюсь, мы продолжим наше знакомство, вопреки вашей огромной занятости, когда доберемся до Наббана.

– Я уверена, что смогу положиться на безотказность ваших советов, – ответила ему королева.

«Безотказность, основанная на эгоистических соображениях», – подумала она, но тут же почувствовала, что не совсем справедлива. До сих пор эскритор делал все в полном соответствии с приличиями и долгом. И все же сейчас она никому не могла доверять, и, уж конечно, не одному из ведущих представителей Матери Церкви. И хотя в письме Саймона говорилось, что Идела умерла в результате ужасного несчастного случая, Мириамель восприняла это известие, как удар по защищенности и безопасности королевства – удар, который она почувствовала тем сильнее, что он случился во время ее путешествия в полную раздоров и противоречий опасную страну. Опасную даже для Верховной королевы? Об этом она сможет судить, когда почувствует и поймет настроения в Наббане.

«Как часто любил повторять мой дед: терпение – величайший инструмент короля. Терпение и хорошая память».

В тех случаях, когда герцогиня Кантия одевалась в полном соответствии со своим титулом и положением, а в ее зале для советов собирались радостно болтающие женщины, Джеса на краткий миг могла представить, что она вернулась домой, во Вранн. В день свадьбы женщины собирались в доме родителей невесты, чтобы помочь ей подготовиться к праздничным ритуалам.

Сегодняшнее собрание было почти таким же, и даже Джеса присоединилась к всеобщему веселью. Ведь она была подругой Кантии и ее спутницей с самого детства, и придворные дамы относились к ней так, словно она была одной из них. Но, несмотря на то что в зале царило возбужденное веселье, Джесе не хотелось много смеяться. Она видела, что ее госпожа чем-то

раздражена, хотя и пытается этого не показывать. Даже широкая улыбка, часто появлявшаяся на лице Кантии, выглядела немного искусственной. «Интересно, – думала Джеса, – это заметил еще кто-то, кроме меня, или другие также достаточно хорошо знают герцогиню, чтобы испытывать тревогу».

Впрочем, все в этот день были взволнованы. Приплыл корабль королевы Мириамель, и утром королева прибудет в Санцеллан Маистревис. С тех пор как неделю назад стало известно о ее визите в Наббан на быстром торговом корабле, весь Санцеллан, как показалось Джесе, превратился в дерево, полное птиц, узнавших о змее, которая ползет вверх по стволу. Встревоженная Джеса спросила у Кантии, следует ли ей бояться королеву, но Кантия успокоила ее, что королева Мириамель очень добра и у нее хорошие отношения с Кантией. Герцогиня заверила ее, что суматоха в герцогском дворце вызвана лишь желанием произвести хорошее впечатление на королеву Мириамель.

Джеса почувствовала облегчение, но она беспокоилась о самой герцогине, которая уже много дней выглядела встревоженной, и это началось заметно раньше, чем пришло известие о визите королевы. Конечно, у Кантии имелись причины для тревоги. В городе продолжались беспорядки, погибли люди. Вражда между двумя партиями, личной гвардией герцога и «Буревестниками», сторонниками Далло Ингадариса, привела даже к разделению Доминиата, где собирались представители благородных семейств, чтобы вершить правосудие. Джеса каждый вечер слышала о событиях в городе из уст самого герцога – хотя он рассказывал о них жене, а не ей – когда она приносила маленькую Серасину к родителям, чтобы они пожелали девочке спокойной ночи.

Но Джеса думала, что ее госпожу волнуют не враждующие дворянские дома и беспорядки на улицах. Обычно герцогиня Кантия отличалась мужеством, она часто повторяла с мрачной улыбкой, что ее суровая мать научила дочь сохранять спокойствие при любых обстоятельствах. Джеса думала, что сейчас герцогиню тревожит нечто, сродни призракам, которые пугали народ в Лагуне Красной свиньи, тем, что по ночам выпивали из людей жизнь, как собака лакает воду.

«Будь я дома, я бы отправилась к одной из целительниц и попросила ее сделать амулет, защищающий от голодных призраков, а потом положила бы его под подушку моей леди», – подумала Джеса.

Конечно, многие представители народа Джесы жили в Наббане, в особенности рядом с портом – и, возможно, там есть целительница. Но как ее найти? У нее не было возможности покинуть Санцеллан Маистревис во время визита королевы – если только сама герцогиня не отправит ее с каким-нибудь поручением в город.

В последнее время Джеса выполняла много поручений герцогини, главным образом, разносила письма. К ее молчаливому, но искреннему удовольствию, несколько таких писем предназначалось виконту Матре, красивому смуглому мужчине (она всегда думала о нем именно так, только теперь сообразив, как долго ее окружают бледные лица), который спас Джесу, девочку Серасину и герцогиню, когда они оказались на улицах города во время волнений.

При других обстоятельствах Джеса могла бы заподозрить, что стала посредницей в запретном любовном приключении, но она не верила, что ее госпожа на такое способна. Кантия не демонстрировала обычного для таких случаев лихорадочного волнения любви, только глубоко спрятанную печаль, которая так тревожила Джесу, и герцогиня относилась к письмам Матре так же, как ко всем другим. Кстати сказать, она чаще писала старому уродливому Беллину Гермису, графу Виссы, чем красивому виконту.

А еще Джеса испытывала к себе отвращение, потому что, хотя и не верила в то, что герцогиня испытывает какие-то чувства к Матре, кроме дружбы и благодарности, ее переполняла ревность к их переписке.

«Виконт просил тебя перейти к нему работать, глупая девчонка, вот и все, – ругала она себя. – Может быть, он взял бы тебя в свою постель. Но ничего больше быть не могло. Неужели

ты оставила бы свою подругу и ее дочь, милую Серасину, которых так любишь, чтобы стать игрушкой богатого мужчины?»

Когда герцогиня Кантия была одета и напудрена, она выставила своих дам за дверь.

– Я должна остаться одна, чтобы немного прийти в себя, – сказала она, усаживаясь на высокий стул. – Эти юбки такие жесткие. Послушай, Джеса, принеси мне мою милашку.

Однако одна из придворных дам Кантии осталась, она явно хотела поговорить с герцогиней, поэтому Джеса ждала. Кантия, понимая, что они не одни, сделала усталое лицо и только потом повернулась.

– Да, Миндия?

Молодая женщина колебалась.

– Дело в том, ваша светлость, что я слышала, как мой дядя, барон, разговаривал с одним человеком.

– Но я не священник, моя дорогая. Я не могу отпустить тебе грехи за подслушивание.

Леди Миндия покраснела.

– Дело не в этом. Просто я... он кое-что сказал. Он говорил о своих опасениях: граф Далло и его фракция намерены устроить беспорядки во время свадьбы брата герцога. Они что-то планируют, так я поняла, потому что там будет присутствовать королева Мириамель.

Кантия недоверчиво на нее посмотрела.

– На свадьбе Друсиса? На свадьбе, за которую Далло сам платит и от которой выиграет больше всех? Кто станет нарушать порядок во время такого праздника ради сомнительных целей? Я не верю, что это возможно.

– Тем не менее мой дядя сказал, чтобы его люди держали оружие наготове.

Герцогиня рассердилась и не скрывала своего гнева.

– Эта история из тех, которые могут привести к действиям, Миндия. Тебе бы следовало и самой это понимать.

– Прошу прощения, ваша светлость. Я лишь хотела, чтобы вы знали...

– И теперь я знаю. Я поговорю с мужем. Но я не хочу, чтобы эту историю узнал кто-нибудь еще. Обещай мне, что не станешь больше никому ее рассказывать.

Леди Миндия выглядела встревоженной.

– Конечно, герцогиня, – сказала она.

Джеса подумала, что ее обещание выглядит не слишком убедительно, и сильнее прижала Серасину к груди. Конечно, герцогиня была права, хотя – какими бы плохими ни были Инга-дарины, им не выгодно устраивать волнения во время собственного праздника.

Когда Миндия ушла, Кантия протянула руки к дочери. Пока она держала ее на руках, одна из нянь привела сына герцогини, юного Бласиса, также одетого по случаю праздников в свой лучший костюм, однако мальчику он явно не нравился, словно он был не из шелка и бархата, а вызывающей зуд травы. Бласис, красивый мальчик с ясными темными глазами и высоким лбом, как и большинство детей его возраста, не интересовался встречами с важными людьми.

– А вот и другой мой милый ребенок, – сказала герцогиня, увидев сына. – Какой прекрасный молодой мужчина!

– Благодарю вас, ваша светлость, – сказала няня. – Однако он отчаянно сопротивлялся, когда его одевали, прошу прощения за то, что рассказала вам об этом.

Бласис нахмурился.

– Я хотел пострелять из лука, – заявил он.

– И ты постреляешь, мой отважный маленький сын, но сначала ты должен поприветствовать королеву. Она замечательная женщина и добрый друг Наббана. Ты знаешь, что она наполовину наббанайка?

Бласис посмотрел на свои новенькие туфли.

– Ну ладно. Уведи его и постарайся, чтобы он оставался чистым, во всяком случае, до того момента, пока его не увидит королева.

Когда увели ее сына, который изо всех сил старался поскорее испортить новенькие туфли, герцогиня посмотрела на Серасину.

– А вот наш маленький ангел, – сказала она, прижимаясь лицом к розовой коже ребенка. – От нее так чудесно пахнет! Я не знаю другого аромата, который с ним бы сравнился.

Джеса, которая была лучше знакома с менее приятными запахами маленькой девочки, только улыбнулась и покачала головой.

– Я тоже, ваша светлость.

Кантия бросила на нее внимательный взгляд.

– Тебя также что-то тревожит, Джеса? Только не говори мне нет – я слишком хорошо тебя знаю. – Она несколько раз быстро поцеловала ушко ребенка. – Выкладывай.

– Меня беспокоило то, что сказала леди Миндия.

– Вот ты о чем? – Герцогиня вздохнула. – Ты слышала, что я ей сказала? Нет ни малейших причин для опасений. Да, кое-кто из «Буревестников» Далло может устроить беспорядки на улицах. Они воспользуются праздником, чтобы затевать драки, или даже устроят небольшие волнения в бедных кварталах. Выпивка заставляет крестьян шуметь и считать себя значимыми. Но, поверь мне, ничего страшного произойти просто не может.

Джеса постаралась скрыть отвращение, когда услышала слово «крестьяне». Разве она сама не была крестьянкой, пусть и немного иной, ребенком дикого вранна, а значит, в глазах большинства придворных не более чем обученным животным? Но она знала, что у Кантии доброе сердце, и герцогине никогда не понять, как некоторые слова способны ранить Джесу.

– Тогда почему дядя леди Миндии так встревожен? Почему его люди должны держать наготове оружие?

В голосе Кантии появился гнев.

– Из-за того, что у ее дяди, барона Сессиана, имеются собственные амбиции. Он бы с радостью превратил какую-нибудь обычную ссору в нападение, которое только он сможет остановить. Он хочет стать незаменимым человеком для моего мужа. Я думаю, что он спит и видит себя на месте Энваллиса, главного советника герцога.

– Но ведь Энваллис дядя герцога!

– Совершенно верно. Поэтому Сессиан ищет возможность показать собственную важность, готовится сражаться с фантомами, рожденными его амбициями, – так маленький Бласис стреляет из лука и говорит: «Я победил дракона!» – Кантия рассмеялась. – Ты так мало знаешь этих людей, Джеса. Они полны ветра и огня, но только в те моменты, когда ничем не рискуют.

Джеса почувствовала себя немного спокойнее.

– Вы уверены, миледи?

– Запомни то, что я тебе скажу: свадьба, пусть и довольно глупое событие, пройдет гладко. Ингадарины так счастливы, что могут связать себя с Друсисом, что будут игнорировать Санцеллан Маистревис, даже если начнется пожар и загорится земля, чтобы не останавливать церемонию.

Новость о смерти принцессы Иделы прокатилась по дворцу герцога Салюсера, опередив Мириамель. Когда она шла вдоль, как ей казалось, бесконечных рядов дворян, вышедших ее встретить во дворе, на ступеньках и в огромном открытом холле Санцеллана она услышала не меньше соболезнований, чем приветствий.

Почти весь предыдущий день Мириамель провела подавленная скорбью по своим внукам и гневом на себя за то, что подумала (и сказала, во всяком случае, Саймону) так много жестоких слов об умершей женщине. И еще ее тревожила мысль, что мужу придется в одиночку нести бремя смерти Иделы. Мири знала, что он болезненно воспринимает такие события, и ему не под силу снимать и надевать маску короля так же легко, как это делала она, ведь Мириамель выросла при королевском дворе.

«О, мой дорогой Саймон, как много я бы отдала, чтобы быть сейчас с тобой».

И вновь Мири ощутила стыд за то, что вынудила его остаться дома, а сама отплыла в Наббан. Да, здесь предстояло сделать важные вещи, но складывалось впечатление, что Бог напоминает ей, что нет обязательств более святых, чем семья и брак.

И когда перед ней никого не было, Мириамель незаметно сотворила Знак Древа и вознесла безмолвную молитву Матери Бога.

«Элизия, стоящая над всеми смертными, Королева Неба и Моря, вступишь за вызывающую к тебе, и пусть твоя милость снизойдет на эту грешницу».

Большой колокол в Санцеллан Эйдонитисе, находившийся рядом, во дворце ликтора, пробил дважды, отмечая прошедший час, прежде чем Мириамель прошла мимо всех, кто делал ей добрые пожелания, искал ее внимания и просто удовлетворял собственное любопытство, и она вместе с ближайшими сторонниками смогла удалиться во внутренние помещения Санцеллан Маистревиса, чтобы немного отдохнуть. Она была рада снова увидеть герцогиню Кантию, которая сердечно расцеловала ее в обе щеки. Герцог Салюсер, пусть и более сдержанный в своем приветствии, произнес все правильные слова с восхитительной искренностью, и благодарная Мири отдала дань их сыну и дочери. Красивый и надменный брат герцога Друсис поцеловал ей руку и приветствовал, хотя она и почувствовала напряженность в его улыбке – очевидно, ее появление не слишком его обрадовало.

Теперь, когда ее окружали не только собственные солдаты, но и гвардия герцога, Мириамель почувствовала себя спокойнее и поняла, как сильно устала. Ей казалось, что ее платье сделано из дерева, у нее отчаянно болели ноги, но в зале не нашлось места, где она бы могла присесть. Пока ее придворные дамы возбужденно переговаривались между собой, показывая на хорошо знакомых Мири наббанайских графов и баронов, а также известных придворных дам, оценивая их достоинства и недостатки, королева отошла немного в сторону, чтобы взглянуть на большие картины, занимавшие высокую заднюю стену зала.

Три огромных портрета образовывали треугольник, одна из вершин которого находилась выше остальных. На внешних были изображены два величайших лидера Наббана – Тьягарис, в полных доспехах, со шлемом в руке и армией, марширующей у него за спиной, основал империю, Анитуллис, одетый скорее как ученый, чем воин, перешел в церковь Эйдона и заставил всех своих поданных последовать его примеру. Но Мириамель знала, что он охотно преследовал неверных, угрожая им пленением и смертью и не гнушаясь прибегать к помощи оружия. В руке он держал «Эдикт Геммии», декларацию, объявлявшую, что все жители Наббана должны перейти в Истинную веру.

В центре висел портрет Бенидривиса Великого, захватившего трон и положившего начало Третьего Имперiums. Он доминировал над двумя другими, поскольку, образно говоря, стоял у них на плечах, либо – что более вероятно, подумала Мири – из-за того, что являлся основателем нынешнего правящего дома. Художник снабдил бородастого патриарха свитком и мечом. «Интересно, что он использовал в первую очередь».

Пока королева изучала огромный портрет, она почувствовала чье-то присутствие за спиной и решила, что к ней подошла одна из ее придворных дам.

– Дайте мне еще немного времени, – не оборачиваясь, сказала Мири.

– Конечно, ваше величество.

Немного удивленная мужским голосом, она повернулась и обнаружила, что стоит лицом к лицу с графом Далло Ингадарисом. Она не видела его много лет, но не могла не подумать, что время обошлось с ним жестоко. Глава Дома Ингадарис стал полным, и, хотя носил узкую бородку, как юный денди, изысканный зеленый камзол и церемониальный шарф не скрывали огромный живот. Он выглядел, как разодетая жаба, другого сравнения Мириамель в голову не пришло.

– Ваше величество! – сказал он и низко поклонился, крикнув от усилий, и Мири скорее уловила запах, чем звук в шумном зале. Он жевал мяту, что стало некоторым облегчением. – Как я рад снова видеть вас, кузина, – если вы позволите мне дерзость так вас называть.

В одно мгновение прежняя неприязнь к нему вернулась.

– Конечно, можете, граф Далло. У меня в Наббане много кузенов, но лишь малая часть настолько же известны, как вы.

С круглого лица на нее смотрели маленькие пронизательные глаза.

– Вы мне льстите, ваше величество. И я вам благодарен за то, что вы проделали такой путь, чтобы почтить своим присутствием скромное семейное торжество – в особенности в такое трагическое время.

Мириамель почувствовала что-то еще в его улыбке, отблеск какой-то собственной шутки. Неужели он что-то знает о смерти Иделы? Возможно ли, что он как-то к ней причастен?

«Это не имеет ни малейшего смысла, – выругала она себя. – Никакого. Не позволяй страху и болтовне озабоченных придворных подводить тебя к поспешным выводам».

– Моя невестка умерла, когда я была уже в пути – я узнала о ее смерти только после того, как мы вышли из гавани в Мермунде. И мне бы не удалось успеть к похоронам принцессы Иделы, даже если бы мой корабль сразу повернул обратно.

– И все же я знаю, как важна для вас семья, – впрочем, как и для всех нас. – Он снова поклонился. – И я догадываюсь, как бы вам хотелось сейчас оказаться рядом со своими близкими. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы ваш визит был приятным. Я знаю, что одно ваше присутствие способно успокоить многих наших подданных, охваченных тревогой.

Мириамель посмотрела на графа, не уверенная в том, как его понимать, – являлись ли его слова лестью, или он преследовал другие цели?

– И почему же ваши подданные – точнее, подданные герцога – встревожены? – спросила Мириамель.

Далло сделал вид, что огорчен.

– Уверен, вы слышали множество историй, и, должен признать, что между глупыми горячими парнями и людьми герцога произошло столкновение. Но, уверяю вас, они действовали по собственной инициативе.

«Однако их знамя украшал знак альбатроса Ингадарина», – подумала Мириамель.

На мгновение все другие мысли исчезли, и она испытала огромное облегчение. Если бы она выросла в Наббане, а не была наполовину эркинландкой и королевой, этот толстый тип, который младше ее на десять лет, решал бы все важные вопросы ее жизни, как Глава дома ее матери. Она с трудом сдержала дрожь, но ей удалось сохранить хладнокровие, сделав глоток из чаши с вином.

«Но, к счастью, все сложилось иначе. И этот человек лишь жадный смутьян, а я королева на Верховном престоле, правящая Наббаном и другими народами».

– Я рада слышать, что вы противник подобных безобразий, милорд, – сказала королева. – И надеюсь, что, пока я здесь, мы сможем вместе добиться того, чтобы в Наббане снова можно было гулять по улицам, ничего не опасаясь, а подданные герцога снова были счастливы.

– Я охотно за это выпью, – ответил Далло, который поднял свою чашу и опустошил ее с почти неприличной поспешностью. В его позе и речи было нечто странное, но Мириамель никак не могла понять, что именно. – Я знаю, что у вас множество других дел, ваше величество, и многие люди хотят вас поприветствовать и пожелать вам всего наилучшего, – продолжал он, вытирая губы тыльной стороной ладони, – но могу я попросить вас о последнем одолжении?

«Неужели он понял, что я собиралась от него избавиться? – удивилась она. – Мириамель, твои умения управлять людьми заржавели в безмятежном Эркинланде».

– Я вас слушаю, граф Далло.

– Пожалуйста, позвольте познакомить вас с одним человеком. Это займет совсем немного времени, ваше величество. Могу я рассчитывать на ваше согласие?

– Конечно.

Она постаралась придать себе сил, сделав еще один глоток вина, слишком сильно разведенного водой, но все же превосходного. Вечером она пошлет одну из своих фрейлин, чтобы ей принесли кувшин такого же вина, она выпьет несколько чаш и проведет ночь без неприятных снов и сожалений. Пожалуй, лучше всего отправить Шуламит, решила она. Ей не мешает небольшая прогулка, ведь она столько времени провела в постели, страдая от морской болезни, пока они находились на борту корабля.

Сквозь толпу придворных, расступавшуюся перед ним, в ее сторону направлялся Далло Ингадарис. Вместе с ним шла хорошенькая, очень молодая темноволосая девушка. Сначала Мириамель лишь удивленно на них смотрела – быть может, Далло снова женился, но к тому моменту, когда они подошли к ней, поняла, кто это.

– Ваше величество, позвольте представить вам мою племянницу, леди Турию Ингадарис. Она выходит замуж за Друсиса, брата герцога – так что именно она стала причиной вашего визита.

Девушка, чьи огромные темные глаза напоминали олени, сделала глубокий реверанс и выпрямилась только после того, как Мири ее попросила. Турия взяла протянутую руку королевы и быстро ее поцеловала, и Мири ощутила прикосновение сухих губ девушки. Турия с нескрываемым интересом смотрела на Мириамель, и той показалось, что она не испытывала благоговения перед Верховной королевой.

Эта мысль вызвала следующую, но королева не хотела отвлекаться и отбросила ее в сторону.

– Очень рада познакомиться с вами, леди Турия, – сказала она. – Я желаю счастья вам и Друсису, и пусть ваша семья будет большой и здоровой.

– Благодарю вас, ваше величество. – Девушка была прелестной, в особенности рядом со своим похожим на жабу дядей, но Мири знала, что ей всего двенадцать, и она еще слишком хрупка для замужества, ей бы еще несколько лет играть в куклы в саду.

И все же, несмотря на хрупкое сложение и невысокий рост, будущая невеста вела себя со спокойным самообладанием взрослой женщины. «Возможно, – подумала Мири, – ее вырастили в соответствии с честолюбием, царящем в жестокой семье Далло».

– Теперь ты можешь идти, Турия, – сказал Далло, – если королева не против, я хотел сказать. Конечно.

– Я была рада с вами познакомиться, – сказала Мириамель Турии. – Надеюсь, мы еще поговорим, когда у меня будет больше свободного времени.

– Я бы очень этого хотела, – ответила девушка, но, несмотря на очаровательную улыбку, Мири ощутила какое-то скрытое равнодушие.

«Ну, лишь Господь и наш Спаситель знают, какими глупостями Далло и Друсис наполнили ее голову, – сказала себе Мири. – Я постараюсь оценить ее мысли, если у меня появится шанс, быть может, я сумею ей объяснить, что существуют и другие способы достижения цели, кроме тех, что известны Далло. Несмотря на молодость, она будет обладать определенной властью в Наббане во время правления Моргана и даже после его окончания. Было бы неплохо иметь союзника в Доме Ингадарис».

Когда Далло и Турия отошли, Мириамель, наконец, поняла, что ее так встревожило в поведении графа. Далло был могущественным человеком, но всего лишь дворянином. Он заключил сильный союз с Друсисом, братом и соперником герцога. И как лидер Дома Ингадарис, Далло наверняка знал, что Мири прибыла сюда, главным образом, из-за волнений в Наббане.

Но именно Мири, вместе с Саймоном, возложила корону на голову герцога Салюсера. И, хотя она так никогда бы не поступила, став королевой, Мириамель могла в любой момент найти повод и упрятать Далло в темницу. Он очень давно стал врагом Верховного престола, и все об этом знали.

Тогда почему он не выказал ни малейшего страха перед ней? Более того, вел себя с полнейшей уверенностью, словно сила на его стороне, а не на стороне королевы. И его племянница держалась так же – всего лишь ребенок, она смотрела на Верховную королеву, словно оценивала соперницу.

Эта мысль тревожила Мири до конца дня, но ее окружало множество придворных, ей пришлось исполнять официальные обязанности, и у нее не нашлось времени для серьезных размышлений. Когда она, наконец, сумела скрыться в просторных покоях, которые ей приготовили, Мири ощутила огромное облегчение и сильную жажду.

Глава 7

Пыль

Тиамак запер дверь в покои, которые делил с женой, и сел за письменный стол. Телия находилась внизу, в саду, и, скорее всего, будет еще некоторое время с удовольствием заниматься своими растениями, но он не хотел, чтобы его застали врасплох она или слуги замка.

Он осторожно вытащил коробку из потайного ящика и поставил ее на стол, но не стал открывать сразу, а внимательно осмотрел со всех сторон. Ящичек из грушевого дерева был не длиннее стопы мужчины и почти такой же ширины, и его украшали сценки из старых историй – музыканты, танцоры и любовники на фоне природы. В такой шкатулке богатая женщина хранит украшения, однако принц Джон Джошуа прятал ее за секретной стеной панелью в своей библиотеке, из чего следовало, что в ней едва ли лежали ожерелья и броши. Зачем принцу прятать драгоценности в собственных покоях родового замка?

Шкатулка выглядела так, словно к ней не прикасались в течение семи лет, прошедших со смерти Джона Джошуа. Тиамак глубоко вздохнул, взял молоток и долото, нанес несколько сильных ударов, и ему удалось сломать замок. Затем он надел кожаные перчатки, которые использовал, чтобы брать раскаленный тигель, когда готовил лекарства, и только после этого открыл крышку. Он затаил дыхание, представив вдруг, что из шкатулки вырывается облако зла, как в легенде его народа про кувшин Дики, но ничего такого не произошло, если не считать просыпавшейся пыли.

Слуга нашел шкатулку через несколько дней после смерти Иделы, когда приводили в порядок покои, принадлежавшие ей и Джону Джошуа, и Тиамак был благодарен за то, что ее принесли ему, а не королю. Обнаруженная среди вещей принца аптекарем братом Этаном ужасная запрещенная книга Фортиса беспокоила Тиамака с самой весны. Он уже чувствовал себя предателем из-за того, что не рассказал Саймону и Мириамель о том, что у их сына имелась копия «Трактата об эфирных шепотах», но инстинкты подсказывали, что ему следует вскрыть шкатулку без свидетелей, чтобы об этом никто не узнал.

Более двух десятков лет назад обитатели замка запечатали башню Прайрата и сожгли все найденные там вещи, и среди них несколько печально знаменитых дорогих красных одеяний. В замке не нашлось бы ни одного человека, свободного от суеверного страха перед любыми вещами, принадлежавшими Прайрату – к их числу принадлежал и сам Тиамак, – но Тиамак не понимал, как принц Джон Джошуа нашел и почему сохранил эту книгу, и мог лишь молиться о том, что принц не обнаружил других вещей Красного священника.

Он изучал содержимое шкатулки, осторожно прикасаясь пальцем в перчатке к тому, что там лежало, и поначалу испытал облегчение. Хотя в коробке было полно разных предметов, среди них не оказалось книг, и ни один из них, в явном виде, не мог принадлежать Прайрату – только разные мелочи, более всего походившие на детские сокровища – кусочки драгоценностей, разноцветные камушки и другие не до конца понятные предметы, но в целом совершенно безобидные. А потом, на самом дне, он обнаружил деревянное резное кольцо. Тиамак достал его и некоторое время в недоумении разглядывал, но через пару мгновений его узнал, или так ему показалось, и по спине у него пробежал холодок, а еще через мгновение он понял, что ему стало трудно дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.